

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водолянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyu.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственной университет, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антонио Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimolugi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinihi@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mmm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 29 • 2023 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая социология

- Осипова Н.Г.* Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты (*Окончание*) 7
- Елишев С.О.* Имперская государственность как основа успешного национального развития России. 31
- Смолин М.Б.* Лев Тихомиров: верховная власть и государство как политические аксиомы. 67
- Каневский П.С.* Продвижение интересов российских бизнес-групп за рубежом в условиях геополитических рисков 86

Теория и история социологии

- Батуренко С.А.* Гарри Браверман о рабочем классе и структурных трансформациях общества XX в. 103
- Мартыненко Т.С.* Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа 120

Социология организаций и управления

- Яковец Т.Ю., [Голубков В.В.]** К вопросу о прогнозировании социальных трансфертов для макрорегионов России. 140
- Маркеева А.В.** Перспективы развития новых форм занятости российских пенсионеров 168

Тренды развития современного общества

- Мамедов А.К., Коркия Э.Д.** Геймификация социальных практик. 197
- Газиева И.А.** Ценностные детерминанты профессиональной самореализации молодежи. 219

Научная жизнь социологического факультета

- Баранов Н.В., Рябоконева Е.В., Васильева А.Е., Базаков А.З.**
Итоги работы НСО социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с 2020 по 2022 г. На пути в десятилетие науки и технологий в РФ. 244

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 29 • 2023 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

Political sociology

- Osipova N.G.* Ideological impact on social behavior: theoretical and methodological aspects (*Ending*) 7
- Elishhev S.O.* Imperial statehood as the basis for successful national development of Russia 31
- Smolin M.B.* Lev Tikhomirov: supreme power and the state as political axioms 67
- Kanevsky P.S.* Advocating interests of Russian business groups abroad in the context of geopolitical risks 86

Theory and history of sociology

- Baturenko S.A.* Harry Braverman on the working class and structural transformations of twentieth century society 103
- Martynenko T.S.* Cinema as a subject of sociological analysis: features of modern cinematography 120

Sociology of organizations and management

Yakovets T.Y., Golubkov V.V. On the issue of forecasting social transfers for the macro-regions of Russia 140

Markeeva A.V. The perspective of developing new forms a Russian pensioner's employment. 168

Trends in the development of modern society

Mamedov A.K., Korkiya E.D. Gamification of social practices. 197

Gazieva I.A. Value determinants of youth professional self-realization 219

Scientific life of the faculty of sociology

Baranov N.V., Ryabokoneva E.V., Vasileva A.E., Bazakov A.Z. Results of work of scientific student society of the sociological faculty of MSU from 2020 to 2022. On the way to the decade of science and technology in the Russian Federation. 244

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-7-30

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В настоящей статье рассматривается амбивалентная идеология — национализм, которая, с одной стороны, вызывает в обществе агрессивно националистические настроения, провоцируют этническую или же расовую нетерпимость, а с другой — способствует национальному единению и солидарности.

Автором рассматриваются три теоретико-методологические проблемы, связанные с рассмотрением национализма в качестве полноправной идеологии, а также выделяются стержневые идеи этой идеологии, важнейшими из которых являются нация, органическое сообщество, самоопределение и политика идентичности.

В отечественной литературе в зависимости от трактовки понятия нации выделяют две основные формы национализма: государственный и этнический, а когда имеет место так называемая “политизация этничности” — процесс существенного повышения значимости в политике этнического фактора, национализм приобретает выраженный политический характер.

Зарубежные исследователи выделяют либеральный, консервативный, колониальный, экспансионистский типы национализма и подчеркивают, что именно последний может превратиться в иррациональный и реакционный символ, служащий политическим лидерам для оправдания вооруженной экспансии и войн во имя нации. Экспансионистский национализм соотносят, а порой даже отождествляют с такими идеологизированными построениями, как расизм и нацизм. В данной связи в статье проводится разграничение между идеологией национализма и расизма, показаны точки их соприкосновения, а также рассматривается правомерность отнесения расизма к ряду идеологий.

Автором также анализируются проблемы, связанные с исторической кульминацией экспансионистской, агрессивной формы национализма, которой исследователи единодушно считают национал-социализм, получивший

* Окончание. Начало в № 4 за 2022 г., № 1 за 2023 г.

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

распространение в гитлеровской Германии и представлявший собой слияние крайне упрощенной формы идеологии национализма — нацизма, отличающейся выраженной расовой нетерпимостью с отдельными, своеобразно трактуемыми элементами социалистической идеологии.

Посредством детального анализа автор обосновывает вывод о том, что в своей крайне реакционной, примитивной, но радикальной форме, будучи питательной средой расизма и нацизма, национализм, безусловно, оказывал тлетворное влияние на социум — вел к разрушению общественной солидарности, инициации и разрастанию социальных, политических и, очень часто, военных конфликтов. Это убедительно доказывают современные геополитические реалии, сложившиеся вследствие массивной и хорошо организованной пропаганды ультра националистических настроений на постсоветском пространстве, центральной ареной для которой послужила Украина — родина украинского праворадикального национализма и резиденция современного неонационализма.

В то же время национализм также является вполне прогрессивной и осведомительной социальной силой, если воплощает дух национального единения или национальной независимости. В настоящее время это обстоятельство очень актуально для процесса воссоздания Исторической России — уникальной этнической, геополитической, культурной и нравственно-политической целостности, которая образовалась в веках в результате долгого проживания народов и народностей на огромном евразийском пространстве. Ее цементирующим началом является сильная государственность, консолидирующий тезис об укреплении которой перманентно являлся не только одним из краеугольных камней политической конъюнктуры политики, но и новой, возрождающейся национальной идеи, контуры которой анализируются в статье на обширном историческом и научном материале.

Ключевые слова: национализм, национальное строительство, нация, этнизация политики, этнонационализм, расизм, национал-социализм, национальная идеология, национальная идея.

IDEOLOGICAL IMPACT ON SOCIAL BEHAVIOR: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS (ending)

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article examines an ambivalent ideology — nationalism, which, on the one hand, causes nationalist sentiments in society, provokes ethnic or racial intolerance, and on the other hand, promotes national unity and solidarity.

The author examines three theoretical and methodological problems related to the consideration of nationalism as a full-fledged ideology, and also highlights the core ideas of this ideology, the most important of which are the nation, organic community, self-determination and identity politics.

In Russian literature, depending on the interpretation of the concept of nation, two main forms of nationalism are distinguished: state and ethnic, and when the so-called “politicization of ethnicity” takes place — the process of significantly increasing the importance of the ethnic factor in politics, nationalism acquires a pronounced political character.

Foreign researchers distinguish liberal, conservative, colonial, expansionist types of nationalism and emphasize that it is the latter that “can turn into an irrational and reactionary symbol serving political leaders to justify armed expansion and wars in the name of the nation”. Expansionist nationalism is correlated, and sometimes even identified with such ideologized constructions as racism and Nazism. In this regard, the article draws a distinction between the ideology of nationalism and racism, shows their points of contact, and also examines the legitimacy of attributing racism to a number of ideologies.

The author also analyzes the problems associated with the historical culmination of the expansionist form of nationalism, which researchers unanimously consider National Socialism, which became widespread in Hitler’s Germany and represented a fusion of an extremely simplified form of the ideology of nationalism — Nazism, characterized by pronounced racial intolerance with separate, uniquely interpreted elements of socialist ideology.

Through a detailed analysis, the author substantiates the conclusion that in its extremely reactionary, primitive, but radical form, being a breeding ground for racism and Nazism, nationalism certainly had a pernicious effect on society — it led to the destruction of social solidarity, the initiation and proliferation of social, political and, very often, military conflicts. This is convincingly proved by the modern geopolitical realities that have developed as a result of the massive and well-organized propaganda of ultranationalist sentiments in the post-Soviet space, the central arena for which was Ukraine, the birthplace of Ukrainian right-wing nationalism and the seat of modern neo-nationalism.

At the same time, nationalism is also quite a progressive and liberating social force if it embodies the spirit of national unity or national independence. Currently, this circumstance is very relevant for the process of recreating Historical Russia — a unique ethnic, geopolitical, cultural, moral and political integrity, which was formed over the centuries as a result of the long residence of peoples and nationalities in the vast Eurasian space. Its cementing principle is a strong statehood, the consolidating thesis about the strengthening of which was permanently not only one of the cornerstones of the political conjuncture of politics, but also a new, reviving national idea, the contours of which are analyzed in the article on extensive historical and scientific material.

Key words: *nationalism, nation-building, nation, ethnization of politics, ethno-nationalism, racism, national socialism, national ideology, national idea.*

В настоящее время особый научный интерес представляет вычленение теоретического ядра и компонентов амбивалентных идеологических доктрин, которые, с одной стороны, вызывают в обществе националистические настроения, провоцируют этническую или же расовую нетерпимость, а с другой — способствуют национальному единению и солидарности. Такой идеологией, безусловно, является национализм.

Согласно одним источникам, слово “национализм” впервые было использовано в 1789 г. французским аббатом О. Баррюэлем¹; в других утверждается, что этот термин несколько ранее, в 1774 г., ввел немецкий философ И.Г. Гердер².

Сначала национализм являлся элементом популистской политики, усиленной ростом всеобщего начального образования, широким распространением массовой литературы и популярной прессы. Им вдохновлялись либеральные социальные движения, а затем его же взяли на вооружение консервативные и даже реакционные силы. В дальнейшем с помощью идеологии национализма “разжигались войны и совершались революции, рождались новые государства, распадались империи и перекраивались границы; под ее лозунгами люди как разрушали политические режимы, так и стремились увековечить их”³.

Сегодня в научной литературе термин “национализм” употребляется в трех основных значениях: как идейное обеспечение процесса “собирания государства” или “национального строительства”; как синоним социальной и культурной интеграции для легитимации мероприятий по превращению населения в культурно однородную общность — нацию; как символ борьбы за независимость. Кроме того, “национализм” отождествляется с этнически мотивированным сепаратизмом⁴.

Как отмечает британский политолог Э. Хейвуд, рассмотрение национализма в качестве полноправной идеологии сопряжено по крайней мере с тремя теоретико-методологическими проблемами.

Первая из них состоит в том, что достаточно часто национализм соотносится с политизированной доктриной, а не с полноценной идеологией. Так, если либерализм, консерватизм и социализм представляют собой взаимосвязанный комплекс установок, идей и ценностей, то национализм в своей основе опирается на единственный тезис о том, что нация — это естественный и надлежащий элемент управления, что предопределяет достаточно узкую трактовку собственно национализма, ассоциирующуюся с управлением нацией-государством, а в широком смысле — связывает его с идеями, отводящими нации главнейшую роль в политическом процессе.

Вторая проблема состоит в том, что обычно национализм трактуется как исключительно психологический феномен, как прояв-

¹ Kohn H. The age of the nationalism. N.Y., 1962. P. XVI.

² Хейвуд Э. Политология / Под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. М., 2005. С. 133.

³ Там же. С. 130.

⁴ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 17.

ление лояльности к какой-либо одной нации и неприязни ко всем остальным, а не в качестве своеобразного теоретически фундированного построения. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что национализм как идеология не имеет однозначного научного фундамента, созданного классиками политической философии.

Несомненно, одной из ключевых черт национализма является его аффективный или эмоциональный посыл, однако рассмотрение национализма исключительно в подобном ключе ведет к отождествлению данного понятия с патриотизмом.

Третья проблема заключается в неоднозначном политическом характере национализма. В известном смысле национализм всегда демонстрировал признаки политической двусмысленности, попеременно оборачиваясь своими прогрессивными или реакционными, демократическими или авторитарными, освобождающими или закрепощающими, правыми или левыми сторонами⁵. И он всегда был неизбежно связан с ключевыми идеологиями: различным образом либералы, консерваторы, социалисты и даже коммунисты обращались к национализму. Исключение составлял лишь анархизм с его категорическим неприятием государства. Несмотря на то что националистические доктрины использовались безгранично широким рядом политических движений, а сам национализм связывается с диаметрально противоположными политическими обстоятельствами, стержневые идеи этой идеологии все же могут быть идентифицированы. Важнейшими среди них являются — нация, органическое сообщество, самоопределение и политика идентичности⁶.

Центральным в рамках идеологии национализма является понятие “нация”, изначально использовавшееся для группы индивидов, объединенных местом своего рождения⁷. Затем значение слова “нация” расширилось до “сообщества, объединенного не только местом рождения, но общими принципами и общей целью”⁸. Несколько позднее это слово “претерпело еще одно изменение и приобрело еще одно значение: а именно сообщества, представляющего культурную и политическую власть, или значение политической, культурной, а впоследствии и социальной элиты”⁹. Далее: «...в определенный исторический момент — а именно в Англии начала века слово нация... было применено в отношении населе-

⁵ Хейвуд Э. Указ. соч. С. 138.

⁶ Heywood A. Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 156.

⁷ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 10.

ния страны и стало синонимично слову “народ”. Эта семантическая трансформация означала возникновение первой в мире нации, нации в современном смысле этого слова — и возвестила начало эры национализма»¹⁰.

Сегодня в отношении конкретной сущности нации в зарубежной научной литературе имеются различные трактовки. Так, нация рассматривается в качестве государственно-политической целостности, структурообразующим признаком которой является государство и, соответственно, определяется как “совокупность индивидов, образующих государство”¹¹. Под “нацией” понимают и “сообщество людей, объединенных сознанием общего политического и культурного прошлого и волей к общей государственности”¹² и “продукт развития и объединения этносов, представляющих собой естественные целостности”¹³.

Несмотря на то что по поводу дефиниции понятия нации между идеологами национализма ведутся споры, всех их объединяет вера в то, что нации являются органическими сообществами. Другими словами, человечество естественным образом разделено на группы наций, каждая из которых обладает отличным характером и собственной идентичностью. Поэтому, утверждают националисты, высочайшая лояльность государству и глубокий политический смысл сопряжены более с нацией, нежели с какой-либо другой социальной группой общественного целого. В то время как, например, класс, пол, религия, язык могут быть важными в разной степени и в различных обстоятельствах, границы национальной принадлежности являются более фундаментальными¹⁴. Национальные узы и лояльность могут быть обнаружены в любых обществах, они носят вневременной характер и действуют на инстинктивном уровне, — писал Энтони Смит в работе “Этнические корни наций”¹⁵.

В западной националистической традиции национальное строительство и государственное строительство тесно связаны. Национальная идентичность всегда сопровождается желанием достичь большей политической независимости, находящей обычно выра-

¹⁰ Гринфельд Л. Указ. соч. С. 11.

¹¹ Lalande A. Vocabulaire technique et critique de la philosophie. P, 1983. P. 665.

¹² Wörterbuch der Soziologie / Begründet von G. Hartfiel. Neugearbeitet von K.-H. Hillmann. Stuttgart, 1982. P. 527.

¹³ Berghe P., Van den. Race and ethnicity: a sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. N 4. P. 401–411; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004.

¹⁴ Heywood A. Op. cit. P. 163.

¹⁵ Smith A. Ethnic origins of nations. 1986 (Цит. по: Heywood A. Op. cit. P. 161).

жение в национальном самоопределении. Соответственно, целью националистов является образование государства — нации (национального государства), достичь которой можно двумя способами. Во-первых, посредством унификации, примером чему служит история Германии. Во-вторых, нации-государства могут быть образованы путем обретения независимости, в которых нация освобождается от внешнего влияния или управления и обретает контроль над собственной судьбой¹⁶. Все формы национализма также апеллируют к национальному самосознанию и к коллективной идентичности, которая часто ассоциируется с патриотизмом¹⁷.

В отечественной литературе, в зависимости от трактовки понятия нации выделяют две основные формы национализма: государственный и этнический.

Государственный или гражданский национализм базируется на представлении о нации как совокупности граждан какой-либо страны, обладающих общим самосознанием и общими элементами культуры при сохранении этнического, религиозного и расового разнообразия. Этнический национализм или этнонационализм основан на убеждении в том, что нация является высшей формой этнической общности, имеющей исключительное право на государственность, включая институты, ресурсы и культурную систему¹⁸.

В свою очередь этнический национализм может носить культурный характер, если нацелен на сохранение целостности и самобытности определенной этнической общности, пропаганду ее исторического наследия, и не содержит негативной направленности против представителей других этносов или призывов к культурной изоляции. Если же имеет место так называемая “политизация этничности” или “этнизация политики”, т.е. процесс существенного повышения значимости в политике или политическом управлении этнического фактора¹⁹, то этнонационализм получает выраженный политический характер.

Как свидетельствует историческая практика, обычно этнические группы борются за ценности, которые формируют материальные и статусные позиции политических субъектов. Это контроль

¹⁶ Heywood A. Op. cit. P. 163.

¹⁷ Ibid. P. 165.

¹⁸ Тишков А.А. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 39.

¹⁹ Боршитолец К.П. Этничность и политика (некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 4.

над территорией, доступ к участию в процессе принятия решений в рамках государственной системы или, напротив, за политическую автономию²⁰. Очень часто политически ориентированный этнонационализм направлен на достижение преимуществ для представителей одной этнической группы в сфере государственной власти и управления, в области официальной идеологии²¹. При этом факторами, стимулирующими рост этой разновидности национализма, выступают не только политическая и экономическая дискриминация какого-либо этноса, но и наличие общих представлений у членов этнической группы о власти, тесные внутригрупповые коммуникации и стремление к созданию собственных политических организаций²².

Зарубежные исследователи выделяют следующие типы национализма: либеральный, консервативный, колониальный, экспансионистский²³ — и подчеркивают, что именно последний “может превратиться в иррациональный и реакционный символ, служащий политическим лидерам для оправдания вооруженной экспансии и войн во имя нации”²⁴.

Экспансионистский национализм тесно связан с шовинизмом — верой в превосходство какой-либо одной нации и в необходимость ее доминирования в мире. Это форма атавистического, биологического в своей основе неприятия иноземцев, иноверцев, всех телесных, цветовых, культурных, национальных, языковых отличий, вплоть до чужеродных обычаев, костюмов по принципу “не такой — чужой — чужак — враг”²⁵.

Экспансионистский национализм соотносят, а порой даже отождествляют с такими идеологизированными построениями, как расизм и нацизм.

Безусловно, расизм и экспансионистский национализм не тождественны, хотя у них много общего, поскольку исторические, культурные, политические и другие отличительные признаки “нации”, в конечном счете, вписываются в понятие “расы”. В то же время идеология экспансионистского национализма под влиянием расизма развивается в этноцентрическую концепцию человечества и про-

²⁰ *Essman M.J.* Ethnic politics. L., 1994; *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkeley, 1985; *Gurr T., Harff B.* Ethnic conflict in world politics. N.Y., 1994.

²¹ *Тишков А.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 40.

²² См. об этом: *Essman M.J.* Op. cit.

²³ *Heywood A.* Op. cit. P. 170–175.

²⁴ *Хейвуд Э.* Указ. соч. С. 130.

²⁵ *Кравченко И.И.* Шовинизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 391.

грамму культурного империализма там, где национальное единство достаточно сильно²⁶. Таким образом, расизм определяется как крайность национализма, поскольку само его существование зависит от последнего, но в то же время, он оказывает свое влияние на идеологию национализма²⁷.

Сегодня под расизмом чаще всего понимается крайне негативное, вплоть до ненависти, отношение к людям иной расы²⁸. Таким образом, расизм постулирует существование отдельных “рас” и предполагает негативную оценку одной или нескольких из них. Обычно, хотя и не всегда, той или тех “рас”, к которым не относит себя лицо, исповедующее расистскую идеологию²⁹.

Расистские построения основаны на двух безапелляционных утверждениях. Во-первых, существуют коренные генетические различия между людьми, населяющими нашу планету. Во-вторых, эти генетические различия накладывают отпечаток на культурные, интеллектуальные и моральные характеристики людей, делая их политически или социально значимыми³⁰. Последнее утверждение и создает своеобразную точку пересечения с национализмом.

Действительно, отличительной чертой идеологии национализма является идея о том, что все человечество “естественным образом” делится на различные нации, каждая из которых имеет право на свою, отдельную политическую организацию и репрезентацию с помощью государства. Расцвет капитализма был связан с расцветом наций — государств и поддерживался идеологией национализма, в основе которой (как и в основе расизма) лежало различие между “Я” и “Другим”. Национализм выступал в качестве репрезентационной формы, необходимой для того, чтобы идентифицировать народы, отличающиеся друг от друга в культурно-историческом отношении и имеющие “естественное право” на самоуправление³¹. Националистический политический проект сочетался с репрезентационным проектом конструирования истории и эмоционального ощущения своей особенности, рождающих, в свою очередь, коллективное осознание своего “Я”, диалектически определяемого наличием “Другого”. Важнейшим детерминантом в этом проекте, по мнению Б. Андерсона, являлось совпадение развития печатного слова с генерализаци-

²⁶ Balibar E. Racism and nationalism // Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. L., 1991. P. 54.

²⁷ Майлз Р., Браун М. Расизм. М., 2004. С. 18–19.

²⁸ Хейвуд Э. Указ. соч. С. 521.

²⁹ Цит. по: Montagu A. Statement on race. Oxford, 1972. P. 24.

³⁰ См. об этом: Solomon J. Racism and society. L., 1996.

³¹ Майлз Р., Браун М. Указ. соч. С. 180.

ей товарного производства; одним из примеров такого совпадения служит появление книги, которое дало возможность представлять нацию как лингвистическую общность³².

Язык был одновременно средством общения и сообщения: языковые различия не только помогали созданию воображаемой общности читающих и говорящих, они также стимулировали попытки объяснить их, легитимируя идею нации. Историки пытались определить уникальный “дух” и отличительные черты разных наций, каждая из которых представлялась реальной вещью в себе, живым организмом. Этот процесс сопровождался поисками национальных корней³³. В XIX столетии, в период наибольшего размаха капиталистического развития и сознательной стратегии образования нации-государства в Европе, многие адвокаты национализма прибегали к помощи научного расизма, стремясь идентифицировать особые естественно сложившиеся коллективы, отличные друг от друга. Расизм подходил для такой задачи как нельзя лучше, поскольку предполагал, что естественные различия между “нациями” коренятся в биологии, оказывая тем самым мощную поддержку идее исторической неизбежности, лежащей в основе националистической доктрины³⁴.

Однако расизм и национализм плохо совместимы и исторически, и логически, они исторически и логически противоположны. Принцип национализма — принцип совпадения границ культуры с границами государства, и, наоборот, границ государства с границами культуры. Принцип расизма отрицает само деление на нации-государства. “Воображаемое сообщество”, к которому апеллируют расисты, лежит поверх национально-государственных границ. Если национализм состоит в превращении культурного тела в политическое, то расизм разрушает и то, и другое. Историческая противоположность расизма и национализма обнаруживается уже в противоположности социальных носителей этих идеологий. Впервые носителем расовой идеи выступила аристократия, тогда как национальную идею отстаивали представители третьего сословия — буржуа³⁵.

Одной из проблем, которая находится в центре внимания ученых, занимающихся расизмом, является правомерность отнесения данного явления, расизма, к ряду идеологий.

³² Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. L. 1983. P. 41–49.

³³ Barzun J. *Race: a study in modern superstition*. L., 1965. P. 27–28.

³⁴ Майлз Р., Браун М. Указ. соч. С. 181.

³⁵ Малахов В.С. Указ. соч. С. 195–196.

Как отмечают Р. Майлз и М. Браун в своей книге “Расизм”, “есть по меньшей мере еще одна причина рассматривать расизм в первую очередь как идеологию. В этом качестве он возник исторически, тесно переплетаясь с идеологией национализма. Расизм и национализм появились вместе, часто взаимосвязаны в своих проявлениях и влияют друг на друга”³⁶. Расизм, как и национализм, после долгой беременности родился на свет также в результате двойной революции (хотя и под влиянием иных факторов), завоевал гегемонию в XIX в. и жив до сих пор, несмотря на самое широкое сопротивление. В современной Европе антииммигрантские и антибеженские настроения сочетают расистский язык с лексикой защитников нации-государства³⁷.

По мнению исследователей, утвердительный ответ на вопрос о том, является ли расизм идеологией, базируется на тех ложных представлениях, которые одновременно служат его исходными посылками. Во-первых, ложным является представление, что человечество делится на “расы” с разными биологическими или соматическими признаками. Во-вторых, расизм дает искаженное понятие о человеческих существах. В-третьих, он дает искаженное понятие об отношениях между человеческими существами. Наконец, он является частью исторического и гегемонистского миропонимания (*Weltanschauung*). Во всех этих смыслах расизм — идеология, точнее, как указывает М. Мак-эн-Гхайль, “расизм — это плод идеологической и дискурсивной работы”³⁸. Хотя учеными и выделено три разных по своей природе “типа расизма”: предрассудки, мнения и взгляды, разделяемые индивидами или группами; исключаяющая практика, в том числе исключение с рынка труда и насилие; политическая программа или идеология³⁹ — остается в силе потенциальный консенсус относительно того, что расизм есть в первую очередь идеология⁴⁰, но проявляющаяся различными путями или в различных дискурсах⁴¹.

Расизм, как и любая идеология в ее традиционном варианте, базируется на ряде посылок, к числу которых отечественный исследователь В.С. Малахов относит следующие:

³⁶ Майлз Р., Браун М. Указ. соч. С. 17.

³⁷ Там же. С. 17–18.

³⁸ MacanGhaill M. Contemporary racisms and ethnicities. Buckingham, 1999. P. 28.

³⁹ Wiewiorka M. The arena of racism. L., 1995. P. 37.

⁴⁰ Brown M.D. Conceptualising racism and islamophobia // Comparative Perspectives on Racism / Ed. by J. ter Wal, M. Verkuyten. Aldershot, 2000.

⁴¹ Taguieff P.-A. La force de prejudice. P., 1987; *Idem*. The new cultural racism in France // Telos. 1990. Vol. 83. P. 109–122; *Idem*. Les fins de l’antiracisme. P., 1995.

- человеческий род не является единым, а состоит из нескольких глубоко отличных друг от друга видов, называемых расами;
- каждому такому виду (расе) свойственен определенный набор черт, начиная от строения тела и заканчивая политической конституцией;
- поведение индивидов в конечном итоге определено их расовой принадлежностью;
- нервный интеллектуальный и культурный статус рас предполагает их иерархическую соподчиненность. Однако таковы допущения лишь традиционного расизма. Существуют современные формы расизма, не подпадающие под это определение⁴².

При этом, как отмечает данный исследователь, “расовые теории, в огромном количестве возникшие на рубеже XIX–XX веков, не отвечали даже самым мягким критериям научности. Но они к этому и не стремились. Ибо с самого начала были идеологиями, а идеологии по определению не нуждаются во внутренней непротиворечивости и в проверяемости на опыте. Как и всякая идеология, расизм обслуживал определенные политические цели. Главной целью, в данном случае, была легитимация господства”⁴³.

По мнению В.С. Малахова, «необходимо с самого начала ввести критерий, позволяющий отличить “расовый образ мысли” от расизма как идеологии. В первом случае мы имеем дело с относительно безобидными взглядами, имевшими широкое хождение среди образованной публики соответствующей эпохи. В другом случае — с совокупностью теоретических утверждений, служащих оправданию политического господства»⁴⁴.

В данной связи можно согласиться с тем, что расизм представляет собой “крайность” в отношении национализма: «...расизм просто дополняет более расплывчатый национализм, не только в теоретическом плане — во многом именно расизм снабдил национализм единственными теориями, которые у него есть, — но и в практическом, то есть именно через расизм национализм ведет свои “поиски вслепую”, и его идеальные противоречия трансформируются в материальные»⁴⁵.

Следует отметить, что исследователи также расходятся во мнениях относительно тесной связи между национализмом и фашизмом. Одни (К. Хайес, Дж. Пламенац, П. Альтер) считают фашизм разновидностью национализма. Другие (Х. Арндт, Э. Смит) ут-

⁴² Малахов В.С. Указ. соч. С. 182.

⁴³ Там же. С. 187.

⁴⁴ Там же. С. 189.

⁴⁵ Balibar E. Op. cit. P. 54.

верждают, что национализм и фашизм — явления различной природы и должны изучаться отдельно друг от друга⁴⁶.

Термин “фашизм” происходит от итальянского слова “fasces”, означающего в переводе на русский язык узел из прутьев, который несли перед консулами Древнего Рима для того, чтобы подчеркнуть их власть. В 90-е гг. XIX в. это слово использовалось в Италии для того, чтобы идентифицировать революционно настроенные группы социалистов. И лишь с приходом к власти в Италии Бенито Муссолини, который использовал это слово для специальных подразделений войск, которые он формировал до и после Первой мировой войны, оно приобрело идеологизированную окраску.

Научная интерпретация фашизма, представляющего собой эклектическую смесь принципов, сопряжена с определенными методологическими трудностями. Прежде всего, это правомерность отнесения фашизма к идеологии. Например, А. Гитлер предпочитал называть свои идеи “мировоззрением”, а не идеологией, которое включает целостный набор неопровержимых установок и исключает возможность дискуссии. Это также амбивалентность фашизма, который, как отмечал Х. Ортега и Гассет, всегда и “А” и не “А”, — апеллирует и к скинхедам, и к интеллектуалам, противостоит буржуазии, но готов к альянсу с консерваторами, призывает к сохранению традиции, но не гнушается технологическими новинками, идеализирует понятие “народ”, но презирает “массы”, проповедует насилие во имя порядка⁴⁷.

В данной связи большинство исследователей, когда пытаются дать определение “фашизму”, прежде всего, выделяет набор отличительных черт фашизма, темы, на которых концентрируют внимание его апологеты, а также лозунги, выдвигаемые лидерами фашистских организаций. Так, по мнению исследователя К. Пассмора, «фашизм — это сочетание идеологических построений и политической практики, посредством которых фашисты пытаются возвеличить нацию, определяемую исключительно в биологических, культурных и идеологических терминах, и создать “мобилизованное национальное сообщество”. Все аспекты фашистской политики “окрашены” ультранационализмом»⁴⁸.

В то же время исторической кульминацией экспансионистской формы национализма исследователи единодушно считают национал-социализм, получивший распространение в гитлеровской

⁴⁶ Малахов В.С. Указ. соч. С. 200.

⁴⁷ Passmore K. Fascism. A very short introduction. N.Y., 2002. S. 31.

⁴⁸ Ibid.

Германии⁴⁹ и представлявший собой слияние крайне упрощенной формы идеологии национализма — нацизма⁵⁰ с отдельными, своеобразно трактуемыми элементами социалистической идеологии.

Национал-социализм отличали радикализм и революционность, желание подчинить всю публичную и частную жизнь людей цели величия нации, идея верховного вождя как героической фигуры, которая является воплощением народного духа, стремление к реорганизации социальной жизни по военному образцу и признание войны высшим выражением народной воли⁵¹.

Из различных работ политических философов, историков и социологов германские нацисты в качестве своего исходного и основного “принципа” заимствовали идею “единства нации”. При этом нация рассматривалась ими как некий синтез всех без исключения материальных и духовных ценностей, в таком качестве ей отдавался приоритет перед отдельными группами, слоями и классами. Как утверждал А. Гитлер, “определяющее значение имеет осуществление волеизъявления нации”⁵². Особенностью фашистской идейно-политической конструкции было слияние понятия “нации” и “национального государства”, которое являлось единственным и конечным источником власти.

Нацизм отвергал представление о нации как о культурно-исторической общности, которая характеризуется языком, традициями и религией. В рамках идеологии нацизма понятие нация раскрывалась посредством псевдонаучных биологических категорий, что объединяло ее с расизмом. Так, в ее рамках были найдены и “научно” обоснованы истоки арийской расы, которая будто бы сохранила первозданную чистоту для того, чтобы господствовать над миром, и которая отождествлялась с немецкой нацией⁵³.

Как отмечает отечественный исследователь Б.Л. Хавкин, «в гитлеровском рейхе расизм стал не просто государственной политикой, но самой основой государства, целью которого было господство “арийской расы”. Для консолидации “арийского народного сообщества” нацистам нужен был вечный враг нации, роль которого со средних веков традиционно отводилась евреям. Дискриминация ев-

⁴⁹ Хейвуд Э. Указ. соч. С. 520.

⁵⁰ См. об этом: Челищев В.И. Идеология национализма в контексте политической теории // Наука. Культура. Общество. 2006. № 1.

⁵¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д., 2000. С. 68–69.

⁵² Цит. по: Гаджиев К.С. Фашизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 163.

⁵³ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 75.

реев началась сразу после прихода Гитлера к власти. В апреле 1933 г. нацисты развернули кампанию бойкота против магазинов и лавок, принадлежащих евреям. В том же месяце был принят закон о восстановлении профессионального чиновничества, преградивший “неарийцам” доступ на государственную службу; накладывались ограничения на адвокатов еврейского происхождения, профессоров из высших учебных заведений, а для студентов-евреев была установлена 5% норма»⁵⁴.

Степень расовой нетерпимости националистов все возрастала: националистический антисемитизм был не только религиозным, политическим или социально-бытовым, но прежде всего, расовым — еврейство определялось по крови. 15 сентября 1935 г. на съезде НСДАП в Нюринберге был провозглашен расовый закон “О гражданстве Рейха”, “Об охране германской крови и германской чести”, единогласно принятые сессией рейхстага, специально созванной в Нюренберге по случаю съезда националистической партии. Согласно закону “О гражданстве рейха”, гражданином может быть лишь тот, кто обладает “германской или родственной ей кровью, и кто своим поведением доказывает желание и способность преданно служить германскому народу и рейху”⁵⁵.

Специалисты утверждают, что тоталитарный режим нацистов возник из стремления идеологов национал-социализма, лидеров национал-социалистической партии возродить моральное единство Германии и, в более широком плане, стремления расширить территорию, открытую для немецкого народа, а значит, — вести войну и завоевания. Идеология национал-социалистской партии состояла в том, чтобы перекроить расовую карту Европы, уничтожить целые народы, названные низшими, и обеспечить победу германского народа, считавшего себя высшим. Реализацией этой идеологии послужил террор, апогеем которого стало массовое уничтожение фашистами “низших” народов⁵⁶.

Как отмечает выдающийся французский социолог Р. Арон, этот акт террора несравним ни с чем в истории вообще. Нельзя сказать, что в прошлом не было массовых убийств. Но никогда в ходе современной истории один государственный деятель не принимал хладнокровно решение о конвейерном истреблении миллионов людей. А. Гитлер затратил ресурсы, необходимые для ведения войны, на

⁵⁴ Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм // Берегиня 777. Сова 2014. № 4 (23). С. 183–190. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germanskiy-natsional-sotsializm/viewer> (дата обращения: 26.03.2023).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 241.

удовлетворение собственной ненависти, чтобы те, кого он ненавидел, не могли уцелеть, как бы ни кончилась война⁵⁷.

Таким образом, в своей крайне реакционной, примитивной, но радикальной форме, будучи питательной средой расизма и нацизма, национализм безусловно оказывал тлетворное влияние на социум — вел к разрушению общественной солидарности, инициации и разрастанию социальных, политических и, очень часто, военных конфликтов.

Это убедительно доказывают современные геополитические реалии, сложившиеся вследствие массовой и хорошо организованной пропаганды ультранационалистических настроений на постсоветском пространстве, центральной ареной для которой послужила Украина — родина украинского праворадикального национализма и резиденция современного неонационализма⁵⁸.

Характерными чертами идеологии украинского праворадикального национализма всегда были «приоритет интересов украинской нации, русофобия, антикоммунизм, антилиберализм, культ силы. Современные украинские радикальные националисты заимствовали многие из этих концептов. Еще в 1990-е годы на Украине возник целый ряд крайне правых организаций, которые провозгласили себя наследниками традиций украинских националистов первой половины XX века. Одни из вновь созданных партий тяготеют к интегральному национализму, другие — к социал-национализму, объединяющему этнический национализм с идеей социальной справедливости. При этом для всех украинских радикал-националистов характерны этническая трактовка нации, стремление к созданию моноэтничного Украинского государства, негативное отношение к России и русским, антикоммунизм, отстаивание “третьего пути” в экономике»⁵⁹.

В то же время важно подчеркнуть, что национализм является вполне прогрессивной и освободительной социальной силой, если воплощает дух национального единения или национальной независимости. В настоящее время это обстоятельство очень актуально для процесса воссоздания Исторической России — уникальной этнической, геополитической, культурной и нравственно-политиче-

⁵⁷ Арон Р. Указ. соч. С. 241.

⁵⁸ См. об этом: Армстронг Дж. Украинский национализм: факты и исследования. М., 2022; Работяжев Н.В. Правый радикализм на Украине: история и современность // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4. С. 516–531; Помогаев В.В. Украинский национализм: прошлое, настоящее, будущее // Вестник ТГУ. 1997. № 3. Вып. 3. С. 3–98.

⁵⁹ Работяжев Н.В. Указ. соч. С. 516.

ской целостности, которая образовалась в веках в результате долгого проживания народов и народностей на огромном евразийском пространстве⁶⁰. Ее цементирующим началом является сильная государственность, консолидирующий тезис об укреплении которой перманентно являлся не только одним из краеугольных камней политической конъюнктуры политики, но и новой, возрождающейся национальной идеи: "...без представления о национальных идеях, без определенного видения перспектив любому народу выжить очень трудно, а сохранить культуру — невозможно. Общество, народ становятся беззащитными"⁶¹.

Суть национальной идеи — обозначение смысла бытия данного народа-этноса, поиск ответа на вопрос об исторической миссии нации и о смысле ее существования. Так, в свое время выдающийся российский философ Владимир Сергеевич Соловьев по-своему поставил вопрос о смысле существования России во всемирной истории. "Русский народ — народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия для себя и чрез себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею во благо всего христианского мира, частью которого она является"⁶².

Для того чтобы обозначить исторически сложившиеся, но требующие осмысления и восприятия контуры национальной идеи России, а затем — показать ее роль в духовном возрождении нашей страны, целесообразно обратиться к отдельным вехам истории.

В XIX в. в связи с серьезными изменениями в экономической и политической ситуации в России возникла объективная необходимость трансформации и более четкого определения державной национальной идеи. Это сделал Сергей Семенович Уваров, который стал автором консервативной в своей основе "теории официальной народности" — являющейся принятым в литературе обозначением государственной идеологии России в период царствования Императора Николая I. Основные принципы этой теории были изложены С.С. Уваровым 19 ноября 1833 г. в докладе императору "О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения": "Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России... открывается ясно, что таковых начал, без коих

⁶⁰ Реформирование России: мифы и реальность. М., 1997. С. 125.

⁶¹ См.: *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999; *Он же.* Восхождение к разуму. М., 1993.

⁶² *Соловьев В.С.* Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2004. С. 238.

Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: православная вера, самодержавие, народность”⁶³.

Эта триада С.С. Уварова в дальнейшем служила своеобразным знаменем для консолидации политических сил, выступающих за самобытный путь исторического развития России. И какой бы критике не подвергалась эта известная триада — “Православие, Самодержавие, Народность”, — она сыграла положительную роль, укрепила в свое время мощь Российского государства.

В лозунгах революций 1917 г. представители различных идейно-политических движений также пытались закрепить в общественном сознании общенациональные идеи того времени. Так, лозунг Белого движения “За Веру, за Царя и Отечество” не смог получить народной поддержки, в то время как популистские лозунги большевиков “Вся власть — Советам; фабрики — рабочим; земля — крестьянам; мир — народам” — в значительно большей мере отражали чаяния большинства россиян. Но именно популизм сопровождал революции, первоначальные цели которых достигались преимущественно путем социальных катаклизмов и разрушений, неоправданных жертв и лишений. Однако почти все они в своем развитии доходили до практического ниспровержения принципов, утверждавшихся ими вначале. Так и радикальным лозунгам большевиков не было суждено воплотиться в жизнь, а практика национального строительства в Советском Союзе, как известно, носила откровенно разрушительный для государства характер.

В действиях главных “архитекторов” перестроечного и постперестроечного периодов достаточно отчетливо проявилась негативная особенность их политической культуры. Одну, коммунистическую, догму о необходимости всеобщей и окончательной победы коммунизма они заменили другой, рыночно-монетаристской, догмой “рынок решает все!”, которую фанатично пытались претворить в жизнь. Однако резкое неприятие, устойчиво утвердившееся в общественном сознании по отношению к не оправдавшей ожидания масс коммунистической идее, невольно перенеслось на всякую идею вообще, а в социальном поведении людей стала превалировать ориентация на “здравый смысл”.

Провал радикально-либеральных реформ привел к тому, что Президент России Б.Н. Ельцин поспешно поставил задачу ускоренного создания и насильственного “внедрения” новой объединитель-

⁶³ Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 1833 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13652> (дата обращения: 26.03.2023).

ной национальной идеи, поскольку сущность проводимой на тот момент в России политики, по данным многочисленных компетентных исследователей, можно было обозначить позорной триадой: “безнравственность, волюнтаризм, космополитизм”.

В политических позициях установился определенный динамический баланс, который нашел свое выражение, в первую очередь, в ряде объединительных символов, которые стали широко использоваться не только оппозиционно настроенным электоратом, но и здравомыслящими политиками и общественными деятелями. Так, именно исторические корни нашей страны, наряду с резким осуждением курса “ельцинского реформирования”, позволили определить основные компоненты объединяющей идеологии. Это, прежде всего, “духовность, нравственность, патриотизм, державность и единство народа”⁶⁴ — понятия, “отражавшие желание масс к восстановлению исторического российского патернализма власти и также необходимость ее соединения с народом, устройство социально-справедливого созидательного общества, единение духовного и материального”⁶⁵.

С приходом к власти в 2002 г. нашего национального лидера и главы государства, Президента РФ В.В. Путина, ситуация в Российской Федерации начала меняться в лучшую сторону. Именно В.В. Путин возродил курс независимой внешней политики России, укрепил армию, создав современные, мощные и боеспособные Вооруженные силы, возродив в общественном сознании их престиж, и положил начало процессу воссоздания целостности Исторической России⁶⁶.

В настоящее время в условиях новых геополитических реалий, обусловленных открытым противостоянием России с Западом, подавляющим большинством членов общества остро осознается потребность в обосновании новой, общепринятой системы ценностей, а также национальной идеологии, основанных на идее единения народов России с целью ее возрождения как великой державы, отвечающей коренным национальным интересам Российского государства.

Однако разброс мнений о том, что же такое национальная идея и как она соотносится с национальной идеологией, слишком широк. Так, одни авторы утверждают, что попытки формировать в номенклатурном порядке некую национальную идею и национальную

⁶⁴ Осипов Г.В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997. С. 161.

⁶⁵ Россия: вызовы времени и пути реформирования. М., 1998. С. 122.

⁶⁶ См.: Осипова Н.Г., Елишев С.О. Историческая Россия. М., 2021.

идеологию, строить на этом особую политику и императивно навязывать это всему обществу — издержки тоталитарной системы власти. Другие полагают, что в ходе исторического процесса, и прежде всего социально-экономического, закономерно возникают и его духовно-политические составляющие — национальная идея и национальная идеология. Эти компоненты национального бытия складываются поэтапно, в определенной последовательности: сначала национальная идея (функция формирования национального единства), а затем национальная идеология (функция консолидации сложившегося единства).

Национальная идеология, будучи результатом систематизации и обобщения политической элитой национальных интересов, выступает фундаментом для самоопределения людей в социально-политической и духовной жизни.

Если же обратиться к особому, но, тем не менее, конкретному содержанию духовного смысла “русской идеи”, то здесь уместно обобщить взгляды выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина.

В частности, этот мыслитель писал: “Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за нашу свободную и достойную жизнь на земле продолжается. И ныне нам более, чем когда-нибудь, подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее, от ее лица и для будущих поколений ее творческую идею.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русскою, национальною. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благодатную силу, в чем он прав *перед лицом Божиим, и самобытен* среди других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях, и довести до настоящей чистоты и полноты бытия, — во всем, в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах”⁶⁷.

В чем же сущность русской идеи? Русская идея, согласно И.А. Ильину, есть идея свободно созерцающего сердца. Однако это

⁶⁷ Ильин И.А. О русской идее // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2004. С. 402–403.

созерцание призвано быть *не только свободным, но и предметным*. Вся жизнь русского народа могла быть выражена и изображена так, свободно созидающее сердце искало и находило свой верный и достойный предмет — например, предметный государственный патриотизм.

Русская идея — это свободно и предметно созерцающая любовь и определяющая этим жизнь и культура. Отсюда, по И.А. Ильину, задача — творить *русскую самобытную духовную культуру* из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность.

Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе, но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, созерцания, из свободы и совести). Согласно этому *русская религиозность* должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе и всегда блюсти свой совестный акт. Русское искусство призвано блюсти и развивать дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе.

Русская наука не должна подражать западной учености, ни в области исследований, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, “свое исследовательство”. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения⁶⁸.

В данной связи достаточно очевидно, что в процессе формирования духовной составляющей национальной идеи на первый план выходят компоненты, направленные на совершенствование духовно-нравственных отношений в обществе, которые в современной трактовке можно свести к следующим. Это:

– проведение государством последовательной политики духовного обновления общества, совершенствование человеческой индивидуальности на основе многовековой культуры народов России, но сохранения при этом культурной преемственности всех периодов развития общества;

– создание обстановки истинно уважительного отношения к наилучшим традициям отечественной и мировой культуры: их исторической, религиозной, нравственной, правовой составляющих;

⁶⁸ Ильин И.А. Указ. соч.

– формирование ценностей устремленности в лучшее будущее и позитивного восприятия исторического прошлого. Иными словами, последовательное формирование у поколений россиян устойчивого исторического оптимизма;

– разъяснение и пропаганда традиционных для России ценностей и идеалов при принципиальной критике любых проявлений идеологической, национальной и религиозной нетерпимости;

– противодействие попыткам манипуляции общественным сознанием, в первую очередь — навязыванию чуждых для национальной самобытности России культурных стереотипов и традиций.

Таким образом, «национальная идея не должна вступать в противоречие с историческим опытом народа, более того, желательно, чтобы она базировалась на этом опыте, а ее суть позволяла укреплять и развивать культуру народа, сохранять общие вечные ценности бытия человечества. При этом как сама национальная идея и путь ее достижения должны быть понятными всем»⁶⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Армстронг Дж. Украинский национализм: факты и исследования. М., 2022.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Боришполец К.П. Этничность и политика (некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4.

Гаджиев К.С. Фашизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4.

Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004.

Ильин И.А. О русской идее // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2004.

Кравченко И.И. Шовинизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4.

Майлз Р., Браун М. Расизм. М., 2004.

Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д., 2000.

Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. М., 1993.

Осипов Г.В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Историческая Россия. М., 2021.

Помогаев В.В. Украинский национализм: прошлое, настоящее, будущее // Вестник ТГУ. 1997. № 3. Вып. 3.

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987.

⁶⁹ *Яхнин Е.Д.* О национальной идее России. URL: <https://biography.wikireading.ru/355928> (дата обращения: 26.03.2023).

- Работяжев Н.В.* Правый радикализм на Украине: история и современность // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4.
 Реформирование России: мифы и реальность. М., 1997.
 Россия: вызовы времени и пути реформирования. М., 1998.
Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2004.
Тишков А.А. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3.
Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм // Берегиня 777. Сова 2014. № 4 (23). С. 183–190. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germanskij-natsional-sotsializm/viewer> (дата обращения: 26.03.2023).
Хейвуд Э. Политология / Под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. М., 2005.
Челищев В.И. Идеология национализма в контексте политической теории // Наука. Культура. Общество. 2006. № 1.

REFERENCES

- Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L., 1983.
Armstrong Dzh. Ukrainskij nacionalizm: fakty i issledovaniya [Ukrainian Nationalism: Facts and Research]. М., 2022 (in Russian).
Aron R. Demokratiya i totalitarizm [Democracy and totalitarianism]. М., 1993 (in Russian).
Balibar E. Racism and nationalism // Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. L., 1991.
Barzun J. Race: a study in modern superstition. L., 1965.
Berghe P., van den. Race and ethnicity: a sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. N 4.
Borishpolec K.P. Etnichnost' i politika (nekotorye tendencii i rezul'taty razvitiya sovremennyh prikladnyh issledovanij) [Ethnicity and Politics (Some Trends and Results of the Development of Modern Applied Research)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 1999. N 4 (in Russian).
Brown M.D. Conceptualising racism and islamophobia // Comparative Perspectives on Racism / Ed. by J. ter Wal, M. Verkuyten. Aldershot, 2000.
Chelishchev V.I. Ideologiya nacionalizma v kontekste politicheskoy teorii [The ideology of nationalism in the context of political theory] // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2006. N 1 (in Russian).
Essman M.J. Ethnic politics. L., 1994.
Gadzhiev K.S. Fascizm [Fascism] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. М., 2001. Т. 4 (in Russian).
Grinfel'd L. Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti [Nationalism. Five paths to modernity]. М., 2008 (in Russian).
Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. М., 2004 (in Russian).
Gurr T., Harff B. Ethnic conflict in world politics. N.Y., 1994.
Havkin B.L. Germanskij nacional-socializm [German National Socialism] // Берегиня 777. Сова 2014. N 4 (23). С. 183–190. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germanskij-natsional-sotsializm/viewer> (data obrashcheniya: 26.03.2023) (in Russian).

- Hejvud E.* Politologiya [Political Science] / Pod red. G.G. Vodolazova, V.Yu. Bel'skogo. M., 2005 (in Russian).
- Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998.
- Il'in I.A.* O russskoj idee [About the Russian idea] // Russkaya ideya: sbornik proizvedenij russkih myslitelej. M., 2004 (in Russian).
- Kohn H.* The age of the nationalism. N.Y., 1962.
- Kravchenko I.I.* Shovinizm [Chauvinism] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. M., 2001. T. 4 (in Russian).
- Lalande A.* Vocabulaire technique et critique de la philosophie. P., 1983.
- MacanGhaill M.* Contemporary racisms and ethnicities. Buckingham, 1999.
- Majlz R., Braun M.* Rasizm [Racism]. M., 2004 (in Russian).
- Makarenko V.P.* Glavnye ideologii sovremennosti [The main ideologies of modernity]. Rostov n/D., 2000 (in Russian).
- Moiseev N.N.* Voskhozhdenie k razumu [Rise to the mind]. M., 1993 (in Russian).
- Montagu A.* Statement on race. Oxford, 1972.
- Osipov G.V.* Rossiya: nacional'naya ideya. Social'nye interesy i priority [Russia: national idea. Social interests and priorities]. M., 1997 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O.* Istoricheskaya Rossiya [Historical Russia]. M., 2021 (in Russian).
- Passmore K.* Fascism. A very short introduction. N.Y., 2002.
- Pomogaev V.V.* Ukrainskij nacionalizm: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Ukrainian nationalism: past, present, future] // Vestnik TGU. 1997. N 3. Vyp. 3 (in Russian).
- Prestupnye celi gitlerovskoj Germanii v vojne protiv Sovetskogo Soyuza. Dokumenty i materialy [The criminal goals of Nazi Germany in the war against the Soviet Union. Documents and materials]. M., 1987 (in Russian).
- Rabotyzhev N.V.* Pravyj radikalizm na Ukraine: istoriya i sovremennost' [Right-wing radicalism in Ukraine: history and modernity] // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020. T. 7. N 4 (in Russian).
- Reformirovanie Rossii: mify i real'nost' [Reformation of Russia: myths and reality]. M., 1997 (in Russian).
- Rossiya: vyzovy vremeni i puti reformirovaniya [Russia: challenges of the time and ways of reforming]. M., 1998 (in Russian).
- Solomon J.* Racism and society. L., 1996.
- Solov'ev V.S.* Russkaya ideya [Russian idea] // Russkaya ideya: sbornik proizvedenij russkih myslitelej. M., 2004 (in Russian).
- Taguieff P.-A.* La force de prejuge. P., 1987.
- Tishkov A.A.* Nacionalizm [Nationalism] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. M., 2001. T. 3 (in Russian).
- Wieviorka M.* The arena of racism. L., 1995.
- Wörterbuch der Soziologie / Begründet von G. Hartfiel. Neugearbeitet von K.-H. Hillmann. Stuttgart, 1982.

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-31-66

ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию имперской государственности как традиции для России и русского народа формы государственности. Автор статьи отмечает, что в сознании большинства россиян и жителей Земли, термин “империя” воспринимается с ярко выраженным отрицательным оттенком, что является следствием господствующих в науке и массовом сознании благодаря деятельности средств массовой информации и пропаганды определенных мифов об империи и идеологических установок.

Имперские государства обычно отождествляется либо с большой по своим территориальным владениям державой, либо с особым типом государственных образований, стремящихся к постоянной территориальной экспансии, вкупе с нещадной эксплуатацией “порабощенных” народов, т.е. с державами колониальными, часто для поднятия своего статуса именуящими сами себя “империями”.

Между тем подобного рода представления не имеют ничего общего с реальностью. Классические империи являют собой особые типы государственных образований, в которых преобладает идея единства общества во имя всеобщего блага. Здесь мирно сосуществуют различные по культуре и обычаям этносы, уживающиеся под патронатом и надзором стержневого имперского этноса, сохраняя при этом свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления и часто — государственность.

Исследование феномена империи очень важно в настоящее время в свете определения перспектив и вектора дальнейшего развития Русского мира, российского общества и государственности. Ибо, как показывает история, судьба империи неотделима от судьбы стержневого имперского этноса, т.е. русского народа. И в этом смысле, империя не только традиция, но и судьба России.

Ключевые слова: империя, имперский стержневой этнос, имперская аристократия, традиционное общество, “химера”, национальное государство, колониальная держава, протоимперия, имперская идея, имперская национальная политика, взаимоотношения метрополии и провинций, византизм.

* Начало. Продолжение в следующих номерах журнала.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

IMPERIAL STATEHOOD AS THE BASIS FOR SUCCESSFUL NATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to the study of imperial statehood as a traditional form of statehood for Russia and the Russian people. The author of the article notes that in the minds of most Russians and residents of the Earth, the term “empire” is perceived with a pronounced negative connotation, which is a consequence of the dominant in science and mass consciousness, thanks to the activities of the media and propaganda, certain myths about empire and ideological attitudes.

Imperial states are usually identified either with a large power in their territorial possessions, or with a special type of state entities seeking constant territorial expansion, coupled with the merciless exploitation of “enslaved” peoples, i.e. with colonial powers, often to raise their status calling themselves “empires”.

Meanwhile, such ideas have nothing to do with reality. Classical empires are a special type of state entity dominated by the idea of unity of society in the name of the common good. Different ethnic groups coexist peacefully in culture and customs, coexisting under the patronage and supervision of the core imperial ethnic group, while maintaining their traditional way of life, economic structures, the system of local self-government and often statehood.

The study of the phenomenon of “empire” is very important at present in the light of determining the prospects and vector for the further development of the Russian world, Russian society and statehood. For, as history shows, the fate of the empire is inseparable from the fate of the core imperial ethnic group, i.e. the Russian people. And in this sense, the empire is not only a tradition, but also the fate of Russia.

Key words: *Empire, imperial frame ethnos, imperial aristocracy, traditional society, “chimera”, national state, colonial power, protoimperia, imperial idea, imperial national policy, relationship of the mother country and provinces, byzantism.*

Особенности восприятия имперской государственности в науке и массовом сознании

Одним из важных и перспективных направлений современных социально-политических исследований является изучение имперской государственности — традиционной для России и русского народа формы государственности, возвращение к которой, на наш взгляд, представляет собой основу для дальнейшего успешного национального развития России. Воссоздание имперской государственности, как и воссоединение территорий Исторической России в масштабах единого государства, в ближайшей перспективе станет, по нашему мнению, живым и зримым свидетельством окончательного выхода русского народа из фазы “надлома” в процессе своего этногенеза, а в целом российского общества — из состояния глубо-

кого духовного и мировоззренческого кризиса, начавшегося еще в XVIII в., в котором оно до настоящего времени, к сожалению, все еще пребывает.

При этом при изучении феномена имперской государственности, следует учитывать тот факт, что в сознании большинства наших соотечественников и жителей Земного шара термин “империя” воспринимается с ярко выраженным отрицательным оттенком, став, прежде всего, благодаря западным научной мысли, кинематографу и СМИ, своеобразным наименованием и олицетворением абсолютного зла (т.е. “не демократии” — аналогом тирании и “диктатуры”, авторитарных политических систем), состояния “несвободы”, рабства, национального гнета, порождаемого агрессией, насилием, войнами, завоеваниями, различными преступлениями и злодеяниями, страхом и ненавистью, колониальной зависимостью. При упоминании данного слова в сознании так и всплывают, то содержание и наименование одного из фильмов “Звездных войн” — “Империя наносит ответный удар” (именно в упомянутом контексте в образе “плохих парней” и внедрялся в массовое сознание такого рода образ империи), то пошедшее от русофоба маркиза Астольфа де Кюстина и популяризированное в России лидером “большевиков”, антисистемщиком В.И. Лениным и его соратниками идеологизированные клише-характеристика Российской империи как “тюрьмы народов”¹, то высказывание президента США Р. Рейгана об СССР, как об “империи зла”, то упреки в адрес нашего национального лидера В.В. Путина и русских людей при защите ими русских национальных интересов, в “нетолерантности”, агрессии, реваншизме, в “имперских амбициях”, “имперских замашках”, желании “возродить Российскую империю” и т.д.

В современной западной научной мысли, а также средствах массовой информации и пропаганды образ имперского государства фактически тождественен образу врага современного Западного, секулярного, безбожного, либерально-демократического мира, американского и западного образов жизни, процессов вестернизации иных культурных пространств, т.е. в целом западной “космополитической идеи новой мировой универсальности”², глобального Нового Мирового Порядка. Как пишет известный совре-

¹ См.: Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 215, 316; Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 25. М., 1969. С. 66; Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 107.

² Махнач В.Л. Империи в мировой истории // Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000. С. 143.

менный британский историк Доминик Ливен: “Империя по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагают все разумные определения этого понятия”³. “Для человека двадцать первого века империя одновременно является и антидемократическим, и безнадежно устаревшим образованием, аморальным и изжившим себя”⁴. “К концу XX века все империи согрешили против господствующих идеологий — демократии, принципов народного суверенитета и национального самоопределения — и потому были преданы проклятию. Именно это обстоятельство и стало основной причиной, почему XX век был свидетелем не просто распада империй, но полного исчезновения (впервые в истории!) с карты мира стран, которые ранее с гордостью называли себя империями”⁵.

В современной России ярко выраженный отрицательный оттенок восприятия имперской государственности в массовом сознании является следствием господствующих в нашем обществе на протяжении многих десятилетий определенных идеологических установок, корни которых восходят еще к западно-ориентированным антисистемным и революционным воззрениям и мировосприятию представителей социалистического и радикально-либерального лагерей русской социально-политической мысли имперского периода российской истории, активно занимавшихся дискредитацией имперской государственности, посредством навешивания и тиражирования идеологических ярлыков-клише, подобно уже упомянутой нами “тюрьмы народов”.

Естественно, что в советский период российской истории негативное восприятие имперской государственности было обусловлено догматическими положениями принципиально антиимперской марксистско-ленинской идеологии. Как писал известный советский историк М.Н. Покровский, «Российскую империю называли “тюрьмой народов”. Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было “тюрьмой народов”. Великороссия построена на костях “иностранцев”, и едва ли последние много утешены

³ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 286.

⁴ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 635.

⁵ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок. С. 287.

тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло служить неко-торой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет»⁶.

При этом в соответствии с ленинской трактовкой “империализма” как “высшей стадии развития капитализма”⁷, «порабощения» наций, всех наций мира горсткой “великих держав”⁸, процесса “перерастания капиталом рамок национальных государств”⁹, сопряженного с “расширением и обострением национального гнета на новой исторической основе”¹⁰, он фактически преподносился, как справедливо подчеркивал отечественный историк А.Н. Боханов, «не только как идеологический, экономический и территориальный экспансионизм, но, в соответствии с марксистско-ленинской методологией, <...> как переходный формационный этап, как “последняя фаза” бытования “капиталистического способа производства”»¹¹.

В постсоветский период отечественной истории к такого рода трактовке с негативной оценкой имперской государственности в идентичном русле добавились и активно воспроизводимые в научной литературе и СМИ, привнесенные из западной науки и СМИ идеологические русофобские штампы неолиберальной направленности, фактически копирующие господствующую на Западе точку зрения на сущность данного феномена как вредного, отжившего свое, страшного и ужасного “недемократического” рудимента ушедших времен, ненужного нам в настоящее время, мечты о возвращении которого говорят об ущербности психологии их носителей и фактически отбрасывают нас в тоталитарное прошлое¹². При этом современные российские неолибералы-западники и определенная часть представителей социалистического блока, как, впрочем, и некоторые консерваторы, часто ставят знак равенства между традиционной для России имперской государственностью и СССР, чем

⁶ Покровский М.Н. Возникновение Московского государства и “великорусская народность” // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 28.

⁷ Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина “Мировое хозяйство и империализм” // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 94.

⁸ Ленин В.И. В Интернациональную Социалистическую Комиссию // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 33.

⁹ См.: Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 62.

¹⁰ Там же.

¹¹ Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. М., 2020. С. 9.

¹² См., например: Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 208–215; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010; После империи / Под ред. И.М. Клямкина. М., 2007.

безусловно льют воду на мельницу западной антироссийской пропаганды.

В результате такого рода социально-политического мифотворчества, пропаганды и дискредитации феномена империи в информационном пространстве, в массовом сознании наших сограждан империя обычно отождествляется либо с большой по своим территориальным владениям державой¹³ (между тем следует отметить тот факт, что не всякая держава является империей, хотя, бывает, и претендует на это, стремится именоваться таковой), либо с особым типом государственных образований, стремящихся к максимальному расширению своих территорий (посредством военной и территориальной экспансий с тягой к установлению мирового господства), вкупе с нещадной эксплуатацией “порабощенных” народов, т.е. с державами колониальными, часто для поднятия своего статуса именующими сами себя “империями”, но фактически таковыми не являющимися.

Также следует отметить имеющее место производное от такого рода восприятия активное употребление категории “империя” в переносном смысле этого слова применительно к наименованию, состояниям и характеристикам различного рода крупных по своей форме и больших по своему объему систем, блоков, сообществ, организаций, монополий, сфер деятельности, отраслей, пространств, ресурсов: например, “империя вкуса”, “империя меха”, “бизнес-империя”, “медиа-империя”, “нефтяная империя” и т.д. и т.п. В этом же контексте, в качестве характеристики-клише лицемерной политики и лживой пропаганды, осуществляемой США и их союзниками, распространяемой как на внутреннюю, так и внешнюю аудиторию, в рамках информационного противодействия ведущейся США и странами Запада против России информационно-психологической войны, данная категория была использована нашим национальным лидером, президентом В.В. Путиным, назвавшим коллективный Запад во главе с США в своем обращении к гражданам России по поводу начала Специальной военной операцией “империей лжи”¹⁴.

Однако употребление термина “империя” и подобного рода словосочетаний в упомянутом переносном значении, конечно же, не

¹³ *Держава* (от слав. държа — “владычество, могущество”) — особо мощное по своему политическому влиянию, масштабам, военному и экономическому потенциалу государство, способное оказать воздействие и давление на своих дальних и ближних соседей.

¹⁴ Обращение к гражданам РФ президента В.В. Путина от 24.02.2022 г. // Официальный сайт “Президент России”. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 23.02.2023).

только не имеет отношения к изучению имперской формы государственности, но и является неправильным с научной и методологической точек зрения, а часто и здравого смысла.

При этом следует подчеркнуть, что отождествление империи с большой по своей территории державой, стремящейся к максимальному расширению своих территорий посредством насильственных действий, военной и пространственной экспансий, давно уже стало общепринятым в науке и публицистике. В настоящее время оно присуще не только представителям западной научной мысли, а также прозападнически-ориентированным российским современным неолиберальным, социалистическим авторам, но, к сожалению, и представителям современной русской консервативной мысли¹⁵. И что характерно, данная “традиция”, если ее условно можно так назвать, идет еще от классиков русской консервативной мысли. Например, трактовку империи как фактически большой по своей территории державы можно встретить у Ф.И. Тютчева в его материалах к трактату “Россия и Запад”, в котором он, исходя из особо понимаемой им идеи имперской государственности, размышляя о судьбе Российской империи — православной христианской империи, пятой и окончательной, на его взгляд, Восточно-христианской империи (созданной еще Константином Великим, а затем перешедшей к нам в Россию), выделил также четыре существовавших до христианизации Рима имперских государственных образования: два, по нашему мнению, обоснованно — Персидскую и Римскую (еще языческую) империи, два необоснованно — отнеся к ним Ассирию (первую в мировой истории протоимперию) и Македонию — даже не ставшую протоимперией, недолго просуществовавшую державу¹⁶.

Акцент на территориальную и пространственную экспансию в осмыслении особенностей функционирования и сущности имперской государственности можно найти, например, и у немецкого геополитика и консервативного мыслителя К. Шмитта, рассматривающего процесс захвата земель в жизни любого оседлого народа, общественного устройства или империи в его понимании, как закономерный этап их исторического развития, “источник всякого дальнейшего порядка и всякого дальнейшего права”¹⁷.

¹⁵ См., например: *Боханов А.Н.* Указ. соч.; *Малафеев К.В.* Империя. Книга первая. М., 2022.

¹⁶ См.: *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад // Тютчев Ф.И. Юбилейное издание: В 3 т. Т. 2. М., 2013. С. 103, 106.

¹⁷ См.: *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 17–18.

Определение империи как “государства, вышедшего за национальные границы”¹⁸, осуществляющего “экспансию за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма”¹⁹, — можно встретить также и у русского философа Г.П. Федотова. Как отмечал Г.П. Федотов, анализирувавший особенности противостояния двух сверхдержав-империй, США и СССР (в его понимании), в эпоху холодной войны: “Все вероятности говорят в пользу того, что новое мировое государство, или новая универсальная Империя, родится, как и все бывшие Империи, в результате войны, а не мира”²⁰. “Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но Империя, с ее особым универсальным политическим самосознанием”²¹.

Иными словами, налицо прочно укоренившийся в науке и в массовом сознании первый созданный учеными и средствами массовой информации и пропаганды социально-политический миф об империи как о любой крупной по своей территории державе или сверхдержаве, стремящейся, применяя различные средства и военную силу, осуществить территориальную, пространственную экспансию, с претензией на мировое господство или геополитическую гегемонию, а также использовать захваченные территории или ресурсы для своих нужд и процветания.

Такого рода восприятие имперской государственности, к сожалению, закономерно порождает ненужные споры и разногласия внутри консервативного лагеря как в России, так и за рубежом, например, дискуссию о “правильных” (континентальных, “цивилизационных”²²) и “неправильных” (неконтинентальных, колониальных, морских, “варварских”²³) “империях”. Оно же не позволяет аргументированно отличать классические империи от по тем или иным причинам несостоявшихся империй (“протоимперий”), химер-“псевдоимперий” (например, СССР) и крупных колониальных держав, необоснованно именующих себя или причисляемых другими к империям (о чем подробно мы поговорим позднее).

¹⁸ Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2. СПб., 1991. С. 305.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 312.

²¹ Там же. С. 306.

²² См.: Проханов А., Стариков Н., Папаяни Ф. Словарь патриота Отечества. СПб., 2019. С. 241–242.

²³ См.: Там же. С. 22.

Даже декларируемый, например, А.Н. Бохановым акцент на необходимости скрупулезного изучения сущности имперской идеи, идеологии, сакрального характера имперской миссии и направленности, а уже затем на различных “атрибутах внешних форм” имперских государств, к которым относятся “обширность пространства, полиэтничность, авторитарная (монархическая) форма правления”²⁴, “структура и функции”, “механизмы, рычаги и приемы организации и управления”²⁵, при данных обстоятельствах не позволяет аргументированно опровергнуть им же отмеченный «распространенный, но совершенно антиисторический трюизм, гласящий, что Советский союз, или “Красная империя” — только модификация, “перелицовка” Российской империи, хотя онтологически это совершенно разные, диаметрально противоположные организмы»²⁶.

Следует особо отметить, что подобного рода восприятие сущности имперской государственности, конечно же, не имеет ничего общего с реальностью. Стремление к “постоянной” пространственной, территориальной экспансии не является основной характеристикой империи. Экспансионистская политика (территориальная, политическая, экономическая или другая) в определенные этапы исторического развития в одинаковой мере характеризует как империи, так большую часть государств мира не имперского типа (например, США), и она, как и в случае с государствами-“не империями”, бывает возможна лишь в случае наличия у стержневого имперского этноса (или у этноса, создающего державу в государствах не имперского типа) достаточного уровня пассионарности, а также благоприятных внешнеполитических и внутривнутриполитических условий. Когда этого нет, наблюдается стремление к удержанию, сохранению достигнутых величин (что хорошо иллюстрируют ряд периодов из истории Римской и Византийской империй).

Например, несмотря на тот факт, что после освобождения Константинополя от крестоносцев в 1261 г. и до его взятия османами в 1453 г. территория Византийской империи (не сумевшей в силу ряда причин, в том числе духовного и мировоззренческого кризиса и особенностей процесса этногенеза, восстановить свои прежние позиции) существенно сократилась до, собственно говоря, самого Константинополя, его окрестностей, нескольких островов в Эгейском море и небольших владений в Греции, данное государство

²⁴ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 13.

²⁵ См.: Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 54.

воспринималось всеми как государство имперское во главе с вассилевсом (императором), в том числе соперничавшими с ним западноевропейцами.

Вторым социально-политическим мифом об имперской государственности, распространенным в западной и отечественной науке, а также массовом сознании, благодаря деятельности средств массовой информации и пропаганды, является гипотеза, идеологическая установка, о завершении века империй, неизбежном распаде и исчезновении имперских государственных образований с политической карты мира как рудимента прошлого, возврат к которому невозможен или будет сопряжен с различного рода бедами и катаклизмами. Однако такого рода гипотеза не выдерживает особой критики, поскольку ее сторонники не только не могут аргументировано и научно обоснованно доказать неизбежность исчезновения и не востребованность, неактуальность имперской государственности в реалиях XXI в., но и вынуждены волей-неволей признать тот факт, что из всех государственных образований, когда-либо существовавших на Земле, имперские государственные образования являются “долгожителями”, т.е. долговременными и жизнестойкими державами, в сопоставлении, например, с национальными государствами Западного мира.

Как отмечают современные западные исследователи Дж. Бербэнк и Ф. Купер, “Римская империя властвовала на территории западного Средиземноморья шестьсот лет, а ее родственница Византия прожила целое тысячелетие. Рим оставался образцом величия и порядка вплоть до XX века, и это не предел. Россия веками применяла имперские методы управления по отношению к своему пестрому в национальном смысле населению. В таком контексте национальные государства представляются маленьким пятнышком на горизонте истории, совсем недавно возникшем на имперском небосводе. Их влияние на политическое мышление может оказаться преходящим и незначительным. Поразительная жизнестойкость империй ставит под сомнение ту точку зрения, что национальные государства — явления естественные, необходимые и неизбежные”²⁷.

Третий социально-политический миф об имперской государственности, созданный западными учеными и средствами массовой информации и пропаганды, — это миф о принципиальной несовместимости политических систем имперских государственных образований с элементами и институтами демократии как формы осуществления государственной власти, хотя эти понятия лежат

²⁷ Бербэнк Дж., Купер Ф. Взлет и падение великих империй. М., 2015. С. 6–7.

абсолютно в разных плоскостях, а такие утверждения не являются корректными по своей сути. При этом пропагандисты-распространители данного мифа всячески игнорируют тот факт, что демократические элементы и институты исторически являются важной составной частью политических систем имперских государственных образований, анализ особенностей функционирования которых показал важность этих элементов и институтов в обеспечении устойчивости, стабильности и долговременности существования империй, их успешного противодействия различного рода вызовам, смутам и революциям.

В частности, еще древнегреческий историк Полибий, размышляя об историческом круговороте форм осуществления государственной власти на примере изучения истории римского государства, Первого Рима (в республиканский период его истории), отметил, что наиболее оптимальной политической системой общества является система, сочетающая в себе элементы трех “правильных” форм осуществления государственной власти — монархии, аристократии и демократии.

“В государстве римлян, — отмечал Полибий, — были все три власти <...> причем все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто, даже из туземцев, не мог бы решить, аристократическое ли было все управление в совокупности, или демократическое, или монархическое”²⁸. Монархический элемент представляла собой власть консулов, аристократический — власть Сената, демократический — власть народных собраний и институт народных трибунов.

Властные институты Римской империи сочетались в особую систему “сдержек и противовесов”, осуществляя взаимный контроль и дополняя друг друга. “Хотя каждая власть имеет полную возможность и вредить другой, и помогать, однако во всех положениях они обнаруживают подобающее единодушие, и потому нельзя было бы указать лучшего государственного устройства <...> Ибо если какая-либо власть возомнит о себе не в меру, станет притязательной и присвоит себе неподобающее значение <...> то чрезмерное усиление одной из властей и превознесение ее над прочими окажется невозможным”²⁹.

Такое сочетание элементов “правильных” форм осуществления государственной власти делало государственную власть и политическую систему Римской империи крайне устойчивой и эффектив-

²⁸ Полибий. Всеобщая история: В 3 т. Т. 2. VI.11.11. СПб., 1995. С. 14.

²⁹ Там же. С. 17.

ной, препятствуя ее вырождению в “искаженные” формы (тиранию, олигархию и охлократию) и напрямую способствовала установлению и развитию гражданского общества. Подобную политическую систему Полибий представлял как образец и считал оптимальной для того или иного общества и государства. Отечественный мыслитель В.Л. Махнач называл эту сочтанную политическую систему “Полибиевой схемой власти”³⁰. Полибиева схема власти — политическая система, объединяющая в категории верховной власти все три “правильные” формы осуществления государственной власти: монархию, аристократию и демократию.

Следует сразу подчеркнуть, что необходимым условием существования подобной политической системы является наличие гражданского общества. Образцовыми примерами такого устройства политической системы являются древнегреческие полисы, а также все империи, в том числе и Российская.

Для России Полибиева схема власти олицетворяет собой ее национальную традицию. В княжествах Домонгольской Руси (Гардарике — стране городов, как именовали ее скандинавы) соответствующими элементами политической системы общества являлись князь (монархический элемент), дружина и боярство (аристократический элемент), народное вече и выборные должностные лица (элемент демократический). Примерно с середины XVI в. и до правления Петра I соответствующими элементами подобной политической системы являлись царь (элемент монархический), Боярская Дума (элемент аристократический), Земский собор и система местного самоуправления (элемент демократический). После разрушения данной политической системы, в результате реформ Петра I реанимировать ее посредством осуществления необходимых преобразований пытались как Александр II в эпоху Великих реформ, так и Николай II с П.А. Столыпиным. Однако восстановить ее в полной мере из-за разразившихся “революционных” событий в России так и не удалось. В советский и постсоветский периоды, когда в России не было (и пока нет) “правильных” форм осуществления государственной власти, говорить о воспроизведении Полибиевой схемы власти долгое время (до 2014 г.) попросту не представлялось возможным.

После 2014 г. — воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией, начала “Русской весны”, и вызванного этим подъема национального самосознания, начала Специальной Военной Операции, реально забрезжила надежда покончить с вла-

³⁰ См.: Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия: Справ. словарь. М., 2008. С. 123–132.

дычеством олигархических кланов и воссоздать в России политическую систему, соответствующую “Полибиевой схеме власти”, как, впрочем, и имперскую государственность. Но для того чтобы осуществить это на практике помимо возникновения благоприятных условий, наличия ресурсов и возможностей, необходимо четкое понимание и осознание у большинства наших граждан того факта, кто в Российской Федерации у нас является сторонником и противником воссоздания этой политической системы, т.е. речь идет о национально-ориентированных и антинационально-ориентированных силах.

Национально-ориентированные силы в любом обществе и государстве вне зависимости от формы государства и иных критериев условно можно подразделить на три составных элемента, о которых в свое время как раз и говорил древнегреческий мыслитель Полибий — монархический, аристократический и демократический элементы.

Применительно к современным условиям существования Российского государства, курсу нашего национального лидера, президента В.В. Путина на обретение Российской Федерацией всей полноты государственного суверенитета, тремя подобного рода элементами национально-ориентированной политической системы в РФ могут являться:

- национальный лидер, национально-ориентированный правитель (монархический элемент),
- аристократические слои общества,
- народ (демос).

К антинациональным силам соответственно относятся:

- антисистема,
- “пятая колонна”,
- тиран,
- олигархи, компрадоры,
- толпа/массы.

Национальный лидер и национально-ориентированный правитель (как монархический элемент воссоздаваемой суверенной российской политической системы) не обязательно могут быть одновременно одним и тем же лицом при любой форме правления. Например, в период президентства Д.А. Медведева национальным лидером, но не главой государства, все также оставался В.В. Путин.

Аристократические слои российских граждан, выступающие в любом обществе в роли хранителей национальных и культурных традиций данного общества и государства, после революции

1917 г., были практически полностью уничтожены. Процесс формирования новой российской аристократии (национально-ориентированной элиты) находится к настоящему времени только на начальных стадиях своего развития. И немногочисленные ее представители пока не могут в силу этого являться социальной базой и опорой курса В.В. Путина на обретение Российской Федерацией всей полноты государственного суверенитета. Но это может произойти в дальнейшем, ибо в горниле Специальной Военной Операции и произойдет, на наш взгляд, обновление элиты, рождение гражданского общества и костяка новой российской аристократии. И аристократические слои могут стать важным элементом воссоздаваемой российской национально-ориентированной политической системы общества.

От того, как быстро и успешно будет проходить процесс формирования новой русской аристократии и демоса, будет зависеть и переход России к традиционной для нее политической системе общества — Полибиевой форме осуществления государственной власти.

Таким образом, абсурдность мифа о несовместимости политических систем имперских государственных образований с элементами и институтами демократии является очевидной.

Для того чтобы по формальным основаниям провести разграничения между классическими имперскими государствами и другими державами, “не-империями”, обратимся к этимологии термина “империя”, а затем рассмотрим с точки зрения современных теорий государства и права и политологии формальные, а затем уже и реальные черты имперской формы государственности.

Формальные и реальные черты имперской государственности

При обращении к этимологии термина “империя” следует отметить, что данный термин произведен от латинского слова *imperium* — “имеющий власть, могущественный”. Как отмечали авторы Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, “*Imperium* — у римлян высшая государственная власть, вместе с *maiestas* (величием — *Прим. Е.С.*) принадлежала одному народу, проявлявшему эту власть при выборах, в законодательстве, верховном суде, решении войны и мира <...> Отражением этой власти является Империя как высшее полномочие магистратов, сначала царей, потом — в республиканское время — так называемых старших магистратов (*mag. maiores*), т.е. консулов, преторов, диктаторов, проконсулов, пропреторов, префекта городского и преторианско-

го и цензоров; младшие магистраты Империи не имели. Империя давалась народом посредством выборов или особым законом в куриатских комициях (*lex curiata de imperio*)³¹.

Естественно, что должностные лица, обладатели *Imperium* (высшей государственной власти), в зависимости от сферы своей деятельности являлись носителями разных прав и обязанностей. Высшая государственная власть (*summum Imperium*) в республиканский период Римской истории давалась только диктатору при введении режима диктатуры. После завершения республиканского периода высшая государственная власть (*summum Imperium*) “стала даваться императору сразу по вступлении на престол, одним законом (так наз. *lex de imperio*), предоставлявшим не только верховную военную Империю пожизненно и на всю территорию Римской Империи, но еще и много других значительных полномочий, из которых некоторые уже в последнем веке республики были соединены с чрезвычайной Империей, дававшейся некоторым полководцам <...> С течением времени понятие Империя переменяло значение и стало обозначать территорию, на которую простиралась обозначаемая ей власть: отсюда название Империи Римской, Византийской и иных”³².

Если попытаться рассмотреть с точки зрения современных теорий государства и права и политологии характерные черты имперской формы государственности, то речь, прежде всего, идет о совокупности трех взаимосвязанных между собой и дополняющих друг друга компонентов: формы правления, формы государственного устройства и политико-правового режима.

По форме правления империя чаще всего представляет собой монархическое государство, главой которого является император, носящий в зависимости от страны разные титулы: шахиншах (“Царь Царей”) — в Персии, император — в Риме, василевс — в Византии, царь, император — в России. При этом особый статус императора воспринимался окружающими как положение первенствующего, вышестоящего главы государства среди других, “вполне суверенных правителей и республик. На него возлагали миссию поддержания политического равновесия, элементарной порядочности в международных отношениях”³³. Однако империю, следует особо подчеркнуть, не всегда характеризует монархическая форма осуществления государственной власти. Например,

³¹ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Империя // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. XIII. СПб., 1894. С. 14–15.

³² См.: Там же. С. 15.

³³ Махнач В.Л. Указ. соч. С. 142.

Римская империя зародилась именно в республиканский период ее истории.

Если говорить о форме государственного устройства, то имперскую государственность характеризует особая одноименная форма государственного устройства — империя, существующая наряду с такими всем известными формами государственного устройства, как унитарное государство, федерация и конфедерация. Хотя, сразу следует отметить, что выделение и изучение империи как отдельной формы государственного устройства в настоящее время в теории государства и права и политологии не является общепринятым, что легко объясняется активным проникновением в систему общественно-гуманитарных наук различного рода идеологических штампов и установок. Стремление “не замечать” и, соответственно, не изучать эту традиционную для России на протяжении многих веков своеобразную форму государственного устройства в значительной степени, конечно же, обусловлено политическим заказом — желанием ряда сил дискредитировать в целом имперскую государственность, скрыть подлинные знания о ней, опорочить ее, добившись ассоциации империи в массовом сознании с рядом идеологических штампов-клише, вроде “тюрьмы народов”, или большим по территории государством.

Между тем, по своей внутренней структуре, административно-территориальному устройству, порядку взаимоотношений между органами всего государства и органами его составных частей, *империя* может быть, однозначно, выделена как особая, неповторимая форма государственного устройства, отличная от конфедерации, унитарного государства и федерации, и сочетающая в себе одновременно элементы унитарного и федеративного устройства, при котором вошедшие в состав ее земли часто сохраняли свою государственность. Например, в Российской империи наряду с территориальными единицами (начиная с Петра I — губерниями), подчиняющимися центральным органам власти и не обладающими признаками государственного суверенитета, существовали административно-территориальные единицы, признаками государственного суверенитета обладающие (Касимовское царство, Великое Княжество Финляндское, Царство Польское).

Как подчеркивал Г.В.Ф. Гегель, характеризуя империю как особую форму государственного устройства на примере Персидской империи: “Персидское государство <...> состояло из множества государств, которые хотя и находились в зависимости, но все-таки сохраняли свою индивидуальность, свои обычаи и права. Те всеобщие законы, которым они подчинялись, нисколько не нарушали их осо-

бых порядков, но даже защищали и охраняли их, и таким образом у каждого из этих народов, составлявших целое, существовала особая форма государственного устройства. Подобно тому как свет озаряет все и придает каждому особую жизненность, и власть персов распространялась на множество наций и позволяла каждой сохранять свои особенности. У некоторых из них были даже свои собственные цари, у каждой был свой особый язык, особое вооружение, особый образ жизни, особые обычаи. Все это существовало спокойно, будучи озаряемо общим светом»³⁴.

Если говорить о политико-правовых режимах, то тут следует сказать, что имперскую государственность характеризует исключительно авторитарный политико-правовой режим с его персонализацией правителя, с характеризующей его четко обозначенной имперской идеей, миссией и предназначением, культивированием традиционных устоев жизнедеятельности общества, опорой на исторически свойственную данному обществу религиозную самобытность.

Естественно, что либерально-демократические и тоталитарные режимы, возникшие в XX в., в этом контексте являлись принципиальными противниками имперских государственных образований. Тоталитаризм культивирует идеологию создания “рая на земле”, создает псевдорелигию, претендующую на абсолютную истинность. Либеральный демократизм культивирует власть “золотого тельца” и эгоцентризм под аккомпанемент фраз о “правах человека”, требованиях религиозной свободы и всевозможной толерантности. Эти режимы объединяла ненависть к традициям и к защищающим их имперским формам государств, стремление их разрушить, неприятие реальности религиозной основы самобытности того или иного общества. В этом контексте понятно и желание представителей этих режимов опорочить имперскую государственность, отождествить ее с тоталитаризмом, например, Российскую империю и СССР.

Таким образом, по форме государства империя может быть и монархией, и республикой, с авторитарным режимом и особой формой государственного устройства, отличающей ее от федераций, конфедераций и унитарных государств. И в этом смысле СССР однозначно не являлся империей.

В то же время следует понимать, что рассмотренные нами формальные черты-характеристики имперских государственных образований особо не приблизили нас к раскрытию реальных характеристик классических империй, которые на протяжении веков

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000. С. 221.

воспринимались народами как образец оптимального для проживания в нем, универсального, полиэтничного, поликультурного и поликонфессионального государства. Универсальный характер восприятия имперской государственности в массовом сознании населения и окружающих ее народов на протяжении веков являлся важной и реальной чертой классических империй.

При этом следует особо подчеркнуть, что представления об универсальном характере имперской государственности окончательно оформились уже в христианском мире и христианскую эпоху (в силу чего, именовать государство империей считалось очень почетным, что многие государства, упомянутые уже нами крупные колониальные державы, необоснованно и делали), но складываться подобного рода представления стали еще в дохристианскую эпоху.

Имперские государственные образования гораздо успешнее Лиги Наций и ООН решали вопросы, связанные с регулированием и функционированием системы международных отношений, поддержанием баланса сил на международной арене и обеспечением стабильности функционирования глобальной системы мирового устройства. Классические империи успешно обеспечивали поддержание определенного порядка в системе межгосударственных, геополитических, национальных и экономических отношений и выступали той силой, которая обеспечивала противодействие наступлению хаоса в этих сферах. Они же являлись тем ядром, вокруг которого формировался своеобразный “Имперский мир” — “мир миров” (например, Римский Мир (*Pax Romana*) или Русский Мир), — собственное, самобытное, неповторимое геополитическое, экономическое, правовое, культурно-историческое пространство, а также некоторые культурно-исторические типы, “великие” культуры, цивилизации (в частности, восточно-христианская православная цивилизация). Именно из-за этого империи и стали отождествляться с большой по своей территории державой (но тут еще раз повторимся, что не любая большая по своей территории держава является империей). Однако при этом следует сказать, что само отождествление имперской государственности с понятием “культурно-исторический тип”, “великая культура”, “цивилизация”, “суперэтнос” будет, конечно же, неверным, поскольку эти понятия лежат в разных плоскостях, а классическая империя может выступать лишь ядром такого рода пространства или объединения национальных культур на уровне культурного региона.

Как подчеркивал немецкий консерватор-геополитик К. Шмитт, имперская государственность традиционно воспринималась в зна-

чении “универсалистского, охватывающего мир и человечество, то есть наднационального образования”³⁵. В христианском мире универсальный характер восприятия имперской государственности обеспечивался «понятием сдерживающей мощи, *kat-echon*. “Империя” означает здесь историческую силу, способную сдержать, предотвратить явление антихриста и наступление конца современного эона, силу, *qui tenet* (которая удерживает), по словам апостола Павла (2 Фес 2, 7)»³⁶. И в этом контексте понятно, почему элиты современного Западного, секулярного, безбожного, антихристиански настроенного, либерально-демократического мира, вместе с подконтрольными им средствами массовой информации и пропаганды, не приемлют имперскую идею и негативно относятся к имперской государственности.

Это подчеркивает и М.Б. Смолин, размышляя о сущности и универсальном характере имперской государственности в России: “Мы мир Срединный, Православный, самостоятельный, со своей исторической традицией и преемственностью от римских кесарей и византийских василевсов. Присутствие православной силы в мире удерживает этот мир от сваливания в кровавый хаос или диктат всемирного завоевателя над всеми остальными. Православная Империя (будь то Римская, Византийская или Русская) выполняла на протяжении нескольких тысяч лет одну и ту же функцию в этом мире — функцию удерживающего, будучи гарантом, что любой агрессор, возмнивший себя властителем мира, рано или поздно встретится с мощью римских легионов, византийских тагм или русских дивизий — и все их притязания обратятся в исторический прах, обретя уготованный им свыше законный исход”³⁷.

Дальнейший разговор о сущности имперской государственности (по своей сути полиэтничной и поликультурной) становится невозможным без краткого обзора и анализа существовавших и существующих различных форм и типов государственных образований, в которых особым образом выстраивалась и реализовывалась внутренняя межнациональная политика. Ведь подавляющее большинство государств в мировой истории — государства полиэтничные, а не мононациональные. Именно подобного рода анализ с акцентом на поликультурный, полиэтничный и поликонфессиональный характер имперских государств и поможет, на наш взгляд, разграничить имперскую форму государственности от иных, “не имперских”, форм государственных образований.

³⁵ См.: Шмитт К. Указ. соч. С. 529.

³⁶ См.: Там же. С. 35.

³⁷ См., например: Смолин М.Б. Русский путь в будущее. М., 2007. С. 17.

Итак, исторически можно выделить четыре таких формы и типов государственных образований: *традиционное общество (традиционное государство), национальное государство, империя, химера*.

Традиционное общество (традиционное государство) (не путать с “традиционным аграрным обществом”) представляет собой особый тип государственных образований, в котором власть принадлежит преобладающей этнической, религиозной, клановой группировке. Это может быть как мононациональное³⁸, так и многонациональное (полиэтническое) государство. Отличительной чертой традиционного общества является *трайболизм*³⁹.

Общественная жизнь в таком государстве формируется скорее традицией, нежели носителем власти, кланом, элитой. Подобный тип государств и организации общественной жизни человечества характерен для большинства народов и обществ, в том числе и западноевропейских (до появления национальных государств). Примерами такого рода государств являются, например, Спарта (абсолютно необоснованно относимая рядом авторов к “континентальным империям” древности), Афины и Карфаген (столь же необоснованно причисляемые к “морским” колониальным “империям” древности). При таких типах государств часто наблюдается *этноκρατία* (от греч. ἔθνος, “народ”, и κράτος, “правление”, — формирование власти на основе этнических принципов. Близко к понятию “трайболизм”).

Национальное государство (“nation state”) — феномен исключительно западного мира Нового и Новейшего времени.

Понятие “нация” в западной традиции толкования феномена нации в принципе неотделимо от понятия “национальное государство” (“nation state”). Национальностью в национальном государстве называли совокупность подданных (монархии) или граждан (республики) данного государства. Этнические интересы в подобных государственных образованиях отодвигались на задний план, а преобладали интересы государства, в которое эти этносы входили.

³⁸ *Мононациональное государство* (от греч. ἓνός — “один, единственный”) — одноплеменное государство, в котором титульный (государствообразующий) этнос составляет более 75% населения (современная Российская Федерация должна считаться таковым, в отличие от Украины, Латвии или Казахстана, где доля титульной этнической группы значительно ниже).

³⁹ *Трайболизм* (от лат. tribus — “племя, триба”) — 1) политика предоставления привилегий представителям господствующей группировки в ущерб интересам остальных групп населения; 2) стремление к политическому обособлению на основе родственного, кланового деления.

Знаменательно, что слово “nation” имеет два смысла — “нации” и “государства”.

Основными признаками западноевропейской нации являются наличие единой культуры, национального самосознания и государственности или стремления к обретению таковой. Национальность человека определяется не его этнической, а исключительно государственно-правовой принадлежностью.

Национальное самосознание, иначе говоря, способность сознавать себя членом национального коллектива, является определяющим признаком нации. Возникает оно в Новое время, когда рушатся привычные формы общности людей (кланы, цеха, общины) корпоративного характера, человек остается один на один с быстро изменяющимся миром и выбирает новую надклассовую общность — нацию. Возникают же нации вследствие проведения политики, ориентированной на совпадение этно-культурных и государственных границ. Политическое движение самоутверждения народов с общим языком и культурой в качестве единого целого есть *национализм*. Национализм может быть *объединительным* (национальные движения в Германии и Италии XIX в.) и *разъединительным* (национальные движения в Австро-Венгрии XIX–XX вв.).

Образование национальных государств, по мнению западных авторов и их единомышленников в других регионах мира, явилось важнейшим условием начала процесса модернизации. Особый тип западно-европейской цивилизации (цивилизации индустриальной), созданный в ходе этого процесса, имеет определенный наднациональный смысл.

Национализм в национальных государствах приобретает часто шовинистический оттенок. Происходит ассимиляция этно-культурных меньшинств в ходе культурной агрессии преобладающей нации. Особенно печальна ситуация, когда подобного рода тип государственности пытаются построить вне ареала распространения западного мира, бездумно копируя и перенося западный опыт в иные культурные пространства, например, на постсоветское пространство. Продвигая идеологию украинства и стремясь построить по европейским лекалам на постсоветском пространстве государство “Украина” (именно как “национальное государство”, “nation state”), стопроцентную Анти-Россию, заинтересованные в этом англосаксонские державы и полностью подконтрольные им украинские элиты способствовали трансформации украинского национализма в шовинизм и нацизм с его оголтелой русофобией, ненавистью к православию, геноцидом под лозунгами “Москаля-

ку — на гиляку!”, “Чемодан, вокзал — Россия!”, в отношении тех, кто не желал “украинизироваться”.

По В.Л. Махначу, смена традиционного общества или империи национальными государствами есть смена “государств, в которых нациями признавались этносы, на государства, где этносы согнули в бараний рог и превратили в членов одной нации”⁴⁰.

Яркими примерами “национальных государств” (“nation state”) среди крупных колониальных держав западного мира являются Англия, Франция, Испания, Португалия, необоснованно причисленные рядом авторов к “морским” колониальным “империям”.

Империя (от лат. *imperium* — “имеющий власть, могущественный”) являет собой редко встречающийся особый тип полиэтничных и поликультурных государственных образований, в основе существования которого лежит универсальная имперская идея единства общества во имя всеобщего блага — *имперская идея*. Не всякая держава является империей, хотя, бывает, и претендует, стремится именоваться таковой. Например, не являлись империями ни державы Александра Македонского, Тамерлана, Наполеона, ни Великобритания, Испания, Голландия, Франция, Япония.

Империи не следует путать и отождествлять с колониальными державами, хотя многие из них часто и называют себя таковыми. Колониальные державы (классическими примерами которых являются Карфаген, держава инков, Великобритания, Франция, Португалия, Япония), используя силу, выступают в роли паразитов, богатеющих и развивающихся за счет грабежа колоний и эксплуатации населяющих их народов. В основе колониального владычества лежит идея обогащения одного народа, общества, государства за счет других — колонизируемых. Идея же империи или, *имперская идея* — это идея симфонии, мирного сосуществования различных национальных культур и этносов под управлением имперского стержневого этноса во имя общего благополучия.

Как справедливо отмечал А.Н. Боханов, размышляя об имперской идее и миссии: «Империя — всегда и везде — мировое, вселенское устремление. Это — обязательно вселенская миссия. Если не существует подобного смыслового порыва, выразившего и объективно и субъективно, то нет и “империи”, вне зависимости от размера государства и времени его существования <...> Исторические же примеры самомнения некоторых правителей и властных группировок, самообозначавших себя “императорами”, а подвластные территории — “империями”, можно оставить за пределами рассмот-

⁴⁰ Махнач В.Л. Стенограмма Круглого стола “Понятийный аппарат проекта национальной доктрины России”. М., 1995. С. 12.

рения. В мировом имперском контексте данные случаи следует воспринимать только как курьезы»⁴¹.

Следует отметить, что империя — довольно редкий феномен мировой истории. Создать империю может не каждый народ. Классическими империями являются Персидская, Римская, Византийская, Российская империи.

Истории известно множество примеров, когда державы в своем историческом развитии имели все шансы стать классическими империями, обладали рядом присущих империям характеристик, себя таковыми именовали, но по разным причинам ими не стали. Такие государства именуются *протоимпериями*. К протоимпериям относятся Ассирийская держава, Китайская “империя”, Священная Римская “империя”, протоимперия Чингисхана, Османская Порта, “империя” Великих Моголов, Германская “империя”.

Почему эти государства не смогли стать империями? Причины тому различны. Ассирии не позволили стать имперским государством отсутствие имперского стереотипа поведения у державообразующего этноса, чрезмерная жестокость в отношении вошедших в состав державы народов. Эти обстоятельства свели на нет успехи в формировании общеимперской знати и системы взаимоотношений с входящими в состав державы землями.

В Китае наблюдалась абсолютная терпимость к представителям других этносов, но при этом полная “нетерпимость к представителям других культур. Поэтому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество некитайцев, их активно адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в результате не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали китайцев природных вполне своими. Поэтому Китай — страна, обладавшая и созидавшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствующая верной имперской политики”⁴².

Священная Римская империя сначала развивалась в сторону превращения данного государственного образования в полноценную империю. Однако имперский стержневой этнос в XIX в. отказался от бремени созидания империи, начав движение в сторону создания национального государства, что в скором времени и привело к исчезновению данного государства.

⁴¹ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 18.

⁴² Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000. С. 154.

Протоимперия Чингисхана имела все шансы стать полноценной империей, но в силу внутренних неурядиц и исторических причин не сложилась, распавшись на ряд осколков, значительная часть которых впоследствии вошла в состав Российской империи.

Причина неудачи построения имперского государства Великих Моголов основывается на крайней непоследовательности действий правительства Аурангзеба во внутренней политике в отношении своих подданных индуистов, на внутренней нестабильности, борьбе за власть в высших кругах державы, а также на активном вмешательстве во внутренние дела Британской Ост-Индской компании. В результате произошел распад державы и захват ее территории английскими колонизаторами.

Османская Порта, начав складываться как имперское государство — формируя общеимперскую элиту из янычар (государственных военных рабов), первоначально терпимо относясь к религии, культуре, государственности народов, входящих в состав державы, — в отсутствие имперской идеи проявляла крайнюю непоследовательность в осуществлении внутренней религиозной, национальной и культурной политики. Впоследствии под влиянием западных веяний турки отказались от необходимого для создания империи имперского стереотипа поведения, взяв курс на превращение Турции в “национальное государство” по западноевропейскому типу. Это неминуемо привело к геноциду ряда входящих в державу этносов, подъему национально-освободительной борьбы, распаду державы.

Германская империя за очень недолгий срок своего существования не смогла полноценно реализовать заявку на наследие Священной Римской империи. Как отметил В.Л. Махнач: “Очень старалась соответствовать своему названию, но была державой националистического, а не имперского характера. Населенная почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя”⁴³.

В силу универсального характера имперской идеи никакую империю в отличие от национальных государств нельзя охарактеризовать и как “тюрьму народов”, в которой наблюдается нещадная эксплуатация “покоренных” народов. Любые такие высказывания есть “идеологемы” и плод политической мифологии. В этом ключе вполне обоснованно возражение В. Кожинова клеветникам Российской империи: «И если уж называть Россию “тюрьмой народов”, то, в точном соответствии с логикой, следует называть основные страны Запада не иначе как “кладбищами народов”»⁴⁴.

⁴³ Махнач В.Л. Очерки православной традиции. С. 153.

⁴⁴ Кожин В. Россия. Век XX-й. М., 2008. С. 138–140.

Характерными чертами империи, помимо *универсальной имперской идеи* являются наличие имперского стержневого этноса с особым стереотипом поведения, имперской элиты, особой структуры взаимоотношений между метрополией и провинцией, а также между входящими в империю этносами.

С точки зрения долговременной стратегии благополучия входящих в нее национальных меньшинств империя представляет собой оптимальный тип держав, объединяющих под надзором и патронатом стержневого имперского этноса различные по культуре и обычаям этносы, сохраняющие свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления.

И.Л. Солоневич писал: «Империя — это мир. Внутренний национальный мир. Территория Рима до империи была наполнена войной всех против всех. Территория Германии до Бисмарка — была наполнена феодальными междунемецкими войнами. На территории Империи Российской были прекращены всякие межнациональные войны, и все народы могли жить и работать в любом ее конце»⁴⁵.

Имперский стержневой этнос — нация, несущая бремя создания империи, судьба которой (в зависимости от особенностей процесса этногенеза или выполнения ею определенных функций, соответствию должному стереотипу поведения) неразрывно связана с судьбой империи. Завершение процесса этногенеза имперского стержневого этноса или его отказ от выполнения взятых на себя функций и стереотипа поведения (Турция) влечет за собой распад империи.

Необходимым условием создания империи следует считать наличие у стержневого имперского этноса определенного стереотипа поведения. Существенными чертами его являются способность уживаться с другими этносами, перенимать у них определенные навыки, культуру (как писал Гораций после включения Эллады в состав Римской империи: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила: В Лаций суровый искусства она принесла»), родниться с их представителями, при этом неукоснительно соблюдая взятые на себя обязательства по охране и защите дружественных этносов от внешних угроз. Наличие его не может не вызывать уважения. Бремя созидания империи почетно, хотя и тяжело.

Основополагающими принципами проведения имперской политики (сформулированы Чингиз-ханом, но применялись еще римлянами) являются два принципа: 1) никогда не предавать союзника; 2) никогда не щадить предателя. Это принципиальное отличие от

⁴⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 15.

принципа прагматизма (“ничего личного, только — бизнес”), лежащего в основе создания ряда колониальных держав (от Карфагена, до современных Великобритании и США), наиболее четко воплощенной в доктрине Пальмерстона — Черчилля⁴⁶.

Как отметил современный публицист С.Н. Марочкин: “Империи нужны друзья и союзники имперского этноса, колониальной державе — холопы-илоты, колонистам — жизненное пространство и природные ресурсы, очищенные от аборигенов”⁴⁷.

Для колониальных держав в целом характерна высокомерная позиция со стороны представителей нации-колонизаторов по отношению к представителям иных народов, живущих в ее колониях. Особенно это хорошо заметно в работах самого известного певца британской колониальной системы — Редьярда Киплинга.

В частности, он писал: «Англия смогла захватить власть над заморскими территориями благодаря “особому благоволению Господа”, а платой за его милость стала пролитая английская кровь»⁴⁸. Интересны и его размышления о бремени “белого человека”:

“Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли...
На каторжную работу —
Нету ее лютей, —
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей”⁴⁹.

Или о системе колониального управления:

“Солдаты, несите в колонии
Любовь на мирном штыке.
Азбуку в левом кармане,
Винтовку в правой руке.
А если черная сволочь
Не примет наших забот,
Их быстро разагитирует
Учитель наш, пулемет”⁵⁰.

⁴⁶ Доктрина Пальмерстона — Черчилля, лежащая в основе британской внешней политики, воплощается в принципе: “У политика нет друзей и нет врагов, а есть интересы, в соответствии с которыми есть противники и союзники, которые могут меняться местами, — интересы остаются неизбылемыми”.

⁴⁷ Марочкин С.Н. Русские и империя: Сб. ст. М., 1997. С. 224.

⁴⁸ Цит. по: Печуров С. Англосаксы и германский нацизм. URL: <http://pomniros-siu.ru/index.php?page=121&news=1139>

⁴⁹ Киплинг Р. Бремя Белых. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/Kipling4.html>

⁵⁰ Цит. по: Дзидзоев В.Д., Никаев Р.М. Что такое геноцид, или амнезия по грузински // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 2. № 4. С. 33.

Как англосаксы, создатели первых в мировой истории концлагерей, несли это “бремя белых” и какими методами они пользовались, чтобы удержать колонии в своем подчинении, как они относились к населению колоний, хорошо знал и восхищался ими, беря их за образец-стандарт управления, А. Гитлер: “Посмотрите на англичан, которые при помощи 250 тысяч человек, из которых вооруженные силы составляют около 50 тысяч, управляют 400 миллионами индийцев”⁵¹.

Важно подчеркнуть, что подобное отношение к своим согражданам было немыслимо в империях.

Для внутренней политики империи характерно поощрение браков между представителями знати стержневого имперского этноса и знати других этносов, входящих в империю, с целью образования единой общеимперской знати (элиты), цементирующей единство империи.

Имперская элита — формируемая имперским правительством имперская аристократия, включающая в себя аристократию стержневого имперского этноса, а также представителей аристократии других этносов, входящих в империю. Князь П.И. Багратион, имам Шамиль, В.И. Даль, К.Г. Маннергейм — все они являлись представителями русской имперской знати. Точно так же, как царица Египта Клеопатра — представительницей Римской имперской аристократии.

Особая структура взаимоотношений между метрополией (центром социально-политической, экономической и культурной жизни) *и провинцией*⁵² (*периферией* в терминологии некоторых авторов) внутри империи заключалась, прежде всего, в том, что вошедшие (добровольно или недобровольно) в состав империи этносы сохраняли свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления, а подчас и государственность. Имперские правительства никогда не проводили политику ассимиляции вошедших в империю народов, способствуя сохранению их этнокультурного и религиозного своеобразия. При этом вхождение или присоединение тех или иных территорий в состав империй часто знаменовало приток инвестиций в регион, а также развитие экономической жизнедеятельности. Они реально становились частью целого имперского организма, а не колонией и ощущали себя таковыми.

⁵¹ Цит. по: Печуров С. Указ. соч.

⁵² *Провинция* (от лат. provincia — “провинция, область”) – 1) обозначение самоуправляемой административно-территориальной единицы, сохраняющей свой традиционный образ жизни, экономическую структуру, облик и находящейся в особых отношениях с метрополией; 2) область, захолустье.

Очевидно, что такая политика способствовала и обеспечивала верность имперской идее в среде входящих в империю народов. Примером подобного рода верности являются малоазийские полисы в составе державы Ахеменидов, активно и бескомпромиссно сражавшиеся за Персидскую империю с войсками “пришедшего их освободить” Александра Македонского. А также действия казанских татар, принявших активное участие в освобождении Москвы от поляков в составе народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского.

Имперский стержневой этнос, воплощая в жизнь идею отказа от национального эгоизма во имя интересов всеобщего целого, реализуя принцип “разделяй и властвуй”, выступал арбитром в межнациональных конфликтах внутри империи, защитником национальных меньшинств перед лицом более крупных этносов, входящих в империю (по формуле В.Л. Махнача: “малый” с “большим” против “среднего”)⁵³. Например, русские при освоении Сибири фактически спасли эвенков (тунгусов) от истребления их якутами, более крупным этносом, точно так же, как способствовали установлению мира между кавказскими, а также другими народами империи. Именно поэтому действия России по “принуждению к миру” режима Саакашвили были так естественно-одобрительно восприняты в “незападном” мире, как возвращение ее к традиционной имперской политике защиты “малых” народов (осетин и абхазов) от притеснения их народами “средними”, более крупными (грузинами). В этом и заключается еще одна характеристика империи — *особая система взаимоотношений между входящими в империю этносами*.

Крайне удачным для обозначения последнего типа государственных образований, в которых особым образом осуществляется внутренняя национальная политика, является термин “химера”, который использовался Л.Н. Гумилевым для обозначения ложной этнической общности, искусственно сконструированной благодаря культурному или политическому вторжению в процесс этногенеза человеческого фактора, в силу чего некоторое время (крайне недолгий срок) наблюдается сосуществование “двух и более чуждых суперэтнически этносов в одной экологической нише”⁵⁴.

Иными словами, речь идет о попытке искусственного создания нового этноса, а вернее “антиэтноса”. Примером таких действий является осуществление Александром Македонским активной политики заключения браков между македонянами и представителями

⁵³ См.: Махнач В.Л. Очерки православной традиции. С. 156–157.

⁵⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 500.

включенных в состав его державы народов с тем, чтобы впоследствии дети от огромного количества заключенных межэтнических браков цементировали устройство его державы, преодолевая межэтнические и культурные традиции. Как показывает история, попытка Александра окончилась неудачей, но на протяжении мировой истории имело место много примеров возникновения и попыток искусственного конструирования химер. Например, в XX в. в СССР и III Рейхе, где искусственно создавались такие общности, как “советский народ” и “истинные арийцы”.

Химеры в силу своей природы недолговечны. Они возникают не в ходе исторического процесса, не естественным путем, а искусственно конструируются идеологами и навязываются населению государств, горделиво берущих на себя роль творцов новой “исторической общности”, посягая на замену Промысла Божия в человеческой истории мудрованием поврежденного грехом человеческого разума. Характерным моментом здесь, однако, является и то, что обычно в подобного рода государствах господствует тот или иной химероидный (тоталитарный или либерально-демократический) политико-правовой режим.

Национальное своеобразие входящих в химеры этносов игнорируется, общественная жизнь выстраивается в интересах навязываемой ложной целостности населения государства. Национализм клеймится как шовинизм и нацизм (СССР) или подменяется нацизмом (III Рейх).

«Возникая на рубеже двух-трех оригинальных суперэтносов, химера противопоставляет себя им всем, отрицая любые традиции и заменяя их постоянство обновляемой “новизной”... Следовательно, у химеры нет отечества. Это делает химеру восприимчивой к негативному мироощущению, хотя бы исходные этносы и не имели отрицательного отношения к природе. Поэтому химеры — питательная среда для возникновения антисистем»⁵⁵. Под *этнической антисистемой* Л.Н. Гумилев понимал “системную целостность людей с негативным мироощущением”⁵⁶.

Химера “высасывает пассионарность из окружающей среды, как упырь, останавливая пульс этногенеза”⁵⁷. Химера в отличие от этноса не способна развиваться, а поэтому недолговечна. Одновременно она крайне агрессивна и резистентна. “Абсорбируя пассионарность от соседних маргинальных этносов и не будучи связана

⁵⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 41.

⁵⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 496.

⁵⁷ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 41.

традиционными стереотипами поведения, представлениями о хорошем и плохом, честном и преступном, красивом и безобразном, химеры весьма лабильны, в том смысле, что способны применяться к меняющейся обстановке без затрат на преодоление внутренней традиции, составляющей основу оригинальных этносов”⁵⁸.

Проведенный анализ четырех форм и типов государственных образований, в которых особым образом выстраивалась и реализовывалась внутренняя межнациональная политика, позволил нам не только описать реальные черты имперских государственных образований, но и поставить под сомнение научную обоснованность очень распространенной в науке под влиянием доктрин классического периода развития геополитики, типологии и классификации имперских государственных образований с подразделением их на “континентальные” (сухопутные) и “морские” “империи”.

Напомним, что именно классический период развития геополитики характеризуется безграничным господством идей географического детерминизма, в соответствии с которыми географическое (пространственное) положение государства являлось решающим фактором, влияющим на расстановку и действия тех или иных государств или сил на международной арене. А весь ход развития человеческой цивилизации начал трактоваться как фундаментальный геополитический дуализм — противостояние двух разных могущественных типов человеческих цивилизаций и государств, — талассократии⁵⁹ и теллурукратии⁶⁰; держав Моря (морских, колониальных держав) и Суши (континентальных, сухопутных держав). Историческими примерами противостояния различных типов таких государств являлось противостояние Афин и Спарты, Карфагена и Рима, Великобритании и Российской империи, США и блока НАТО с СССР и странами ОВД.

Применительно к осмыслению сущности имперской государственности данные исторические примеры являются не корректными и не выдерживают никакой критики, поскольку только Римская и Российская империи из упомянутых держав являлись классическими империями. Спарта, как сильная сухопутная держава, Афины и Карфаген, как державы колониальные, морские, но не имперские,

⁵⁸ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 41–42.

⁵⁹ *Талассократия* (от др.-греч. *θάλασσα*, “море”, и *κράτος*, “правление”) — морское могущество государств, обладающих мощным военно-морским и торговым флотом.

⁶⁰ *Теллурукратия* (от лат. *tellus, telluris*, “суша”, др.-греч. *κράτος*, “правление”) — континентальное могущество государств, обусловленное их удаленностью от открытых морей.

являются примерами “традиционных государств” (“традиционных обществ”) древности. Англия как морская, колониальная держава, несмотря на свое наименование “империей”, являлась и является типичным западноевропейским “национальным государством” (“nation state”), как и другие западноевропейские колониальные, морские державы (Франция, Португалия, Испания) или их сателлиты (например, Япония). США являются образцовым “демократическим”, принципиально с точки зрения идеологии, антиимперским “национальным государством” (“nation state”) — державой, пусть и морского типа; СССР, — столь же принципиально идеологически антиимперским континентальным государством-“химерой”.

Единственное, что можно тут констатировать, так это только тот факт, что четыре классические империи, а также семь протоимперий, — все они являлись державами сухопутными (континентальными). Морские державы, как древности, так и современности, оказались не в состоянии создать или даже предпринять попытку создания классической империи.

Таким образом, основными характеристиками классического имперского государства, *редко* встречающегося в мировой истории особого типа *универсальных, полиэтничных, поликультурных, поликонфессиональных, континентальных* государственных образований — держав-“долгожителей”, являются:

– во-первых, лежащая в основе существования имперского государства *универсальная имперская идея*, — идея симфонии, единства общества, мирного сосуществования различных национальных культур и этносов под управлением имперского стержневого этноса во имя *всеобщего блага*;

– во-вторых, *наличие имперского стержневого этноса с особым стереотипом поведения*, находящим свое выражение в способности, отказавшись от национального эгоизма, уживаться с другими этносами, перенимать у них определенные навыки, родниться с их представителями, при этом неукоснительно соблюдая взятые на себя обязательства — почетное, но тяжелое бремя по охране и защите дружественных этносов от внешних угроз;

– в-третьих, *наличие единой общеимперской имперской элиты (аристократии)*, состоящей из аристократий стержневого имперского этноса и других этносов, входящих в империю;

– в-четвертых, *наличие особой структуры взаимоотношений между метрополией и провинцией* (находящей свое выражение в особой, одноименной *форме государственного устройства (империи)*), сочетающей в себе черты федераций и унитарных государств, сохранении традиционного образа жизни, экономических структур,

этнокультурного и религиозного своеобразия народов, вошедших в состав империи, отсутствии колониального гнета);

– в-пятых, *наличие особой системы взаимоотношений между входящими в империю этносами*, в рамках которой имперский стержневой этнос выступал в качестве арбитра в регулировании межнациональных отношений внутри империи, защитником национальных меньшинств от возможных притеснений со стороны более крупных этносов, входящих в империю.

Классические империи выполняли также функцию арбитров в системе международных, межгосударственных и экономических отношений и являлись той сдерживающей силой, которая поддерживала в них порядок, противодействуя их распаду и наступлению хаоса. Они распространяли свое влияние в самых разнообразных сферах на достаточно большие пространства, выступали тем ядром, вокруг которого части этого пространства и группировались, образуя самобытный и неповторимый “Имперский мир”, а также происходило объединение национальных культур на уровне культурного региона (в частности, восточно-христианская православная “великая” культура, цивилизация).

В XX в. формальной чертой классических имперских государственных образований стал *авторитарный политико-правовой режим*. Ни монархическая, ни республиканская формы правления не могут выступать определяющей чертой имперского государства. Долговременность, стабильность и жизнестойкость классических империй обусловлена, прежде всего, наличием особой *политической системы* (“Полибиевой схемы власти”), сочетающей в себе элементы трех “правильных” форм осуществления государственной власти (монархии, аристократии и демократии), благодаря которой классические империи на протяжении определенного периода успешно противодействовали различного рода вызовам, смутам и революциям.

Успешных попыток создания имперских государств в мировой истории совсем мало. Классических империй, помимо семи попыток их неудачного создания, в мировой истории насчитывается всего четыре — Персидская, Римская, Византийская и Российская империи. Причем, между тремя из них (Первым, Вторым и Третьим Римом), как и созидающими их имперскими стержневыми этносами (римлянами, ромеями (византийцами) и русскими), благодаря усилиям Вселенской Православной Церкви, просматривается четкий переход-правопреемство, что многие западные авторы, впрочем, оспаривают, игнорируют или сквозь зубы вынуждены признавать.

Поэтому дальнейшее постижение феномена имперской государственности, на наш взгляд, целесообразно будет вести в контексте обсуждения вопросов об осмыслении имперской проблематики в российской консервативной социально-политической мысли имперского периода российской истории, а также перспектив восстановления имперской государственности в современной России, ибо всем русским православным людям понятно, что четвертому Риму уже не бывать.

Окончание следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бербэнк Дж., Купер Ф.* Взлет и падение великих империй. М., 2015.
- Боханов А.Н.* Российская империя. Образ и смысл. М., 2020.
- Гибель империи. Византийский урок. М., 2008.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
- Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. М., 2011.
- Елишев С.О.* О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
- Елишев С.О.* Политика. Базовые понятия. М., 2018.
- Ильин И.А.* Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. I. М., 1993.
- Кальб Дж.* Третий Рим: имперские видения, мессианские грезы, 1890–1940. Бостон; СПб., 2022.
- Катков М.Н.* По поводу прибытия в Москву Государя и Государыни // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М., 1898.
- Катков М.Н.* Идеология охранительства. М., 2009.
- Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990.
- Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993.
- Леонтьев К.Н.* Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010.
- Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.
- Ленин В.И.* К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 25. М., 1969.
- Ленин В.И.* О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 26. М., 1969.
- Ленин В.И.* Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 27. М., 1969.
- Малафеев К.В.* Империя. Книга первая. М., 2022.
- Махнач В.Л.* Стенограмма Круглого стола “Понятийный аппарат проекта национальной доктрины России”. М., 1995.
- Махнач В.Л.* Очерки православной традиции. М., 2000.
- Махнач В.Л., Елишев С.О.* Политика. Основные понятия: Справ. словарь. М., 2008.

- Перевезенцев С.В.* Святорусское царство. История русской святости. М., 2018.
- Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб., 1996.
- Победоносцев К.П.* Московский сборник. СПб., 2009.
- Покровский М.Н.* Возникновение Московского государства и “великорусская народность” // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19.
- Полибий.* Всеобщая история: В 3 т. Т. 2. VI.11.11. СПб., 1995.
- Смолин М.Б.* Русский путь в будущее. М., 2007.
- Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991.
- Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. М., 2008.
- Тютчев Ф.И.* Россия и Запад // Тютчев Ф.И. Юбилейное издание: В 3 т. Т. 2. М., 2013.
- Уваров С.С.* Государственные основы. М., 2014.
- Федотов Г.П.* Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2. СПб., 1991.
- Хомяков А.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994.
- Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и природа Русского Самодержавия. М., 1998.
- Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.

REFERENCES

- Berbenk Dzh., Kuper F.* Vzlet i padenie velikih imperij [Rise and fall of great empires]. М., 2015 (in Russian).
- Bohanov A.N.* Rossijskaya imperiya. Obraz i smysl [Russian empire. image and meaning]. М., 2020 (in Russian).
- Chernyaev N.I.* Mistika, idealy i priroda Russkogo Samoderzhaviya [Mysticism, ideals and nature of the Russian Autocracy]. М., 1998 (in Russian).
- Danilevskij N. Ya.* Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. М., 1991 (in Russian).
- Dostoevskij F.M.* Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. [Complete Works: In 30 vols.]. L., 1972–1990 (in Russian).
- Dostoevskij F.M.* Dnevnik pisatelya [Writer’s diary]. V 2 t. Т. 2. М., 2011 (in Russian).
- Elishiev S.O.* O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and state coups]. М., 2017 (in Russian).
- Elishiev S.O.* Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. М., 2018 (in Russian).
- Fedotov G.P.* Sud’ba imperij [The fate of empires] // Fedotov G.P. Sud’ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat’i po filosofii russkoj istorii i kul’tury: V 2 t. Т. 2. SPb., 1991 (in Russian).
- Gibel’ imperii. Vizantijskij urok* [The death of an empire. Byzantine Lesson]. М., 2008 (in Russian).
- Gumilyov L.N.* Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. L., 1990 (in Russian).
- Gumilyov L.N.* Tysyacheletie vokrug Kaspiya [Millennium around the Caspian]. М., 1993 (in Russian).

- Homyakov A.S. Sochineniya v 2 t. T. 1 Raboty po istoriosofii [Works: In 2 vols. T. 1. Works on historiosophy]. M., 1994 (in Russian).*
- Il'in I.A. Nashi zadachi [Our tasks] // Il'in I.A. Sob. soch.: V 10 t. T. 2. Kn. I. M., 1993 (in Russian).*
- Kal'b Dzh. Tretij Rim: imperskie videniya, messianskie gryozy, 1890–1940 [The Third Rome: Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940]. Boston; SPb., 2022 (in Russian).*
- Katkov M.N. Po povodu pribytiya v Moskvu Gosudarya i Gosudaryni [Concerning the arrival of the Sovereign and Empress in Moscow] // Sobranie peredovoy statej Moskovskih vedomostej. 1882. M., 1898 (in Russian).*
- Katkov M.N. Ideologiya ohranitel'stva [The ideology of protection]. M., 2009 (in Russian).*
- Kyustin A. Nikolaevskaya Rossiya [Nikolaev Russia]. M., 1990 (in Russian).*
- Leont'ev K.N. Izbrannoe [Favorites]. M., 1993 (in Russian).*
- Leont'ev K.N. Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii [Slavophilism and the future fate of Russia]. M., 2010 (in Russian).*
- Liven D. Imperiya, istoriya i sovremennyy mirovoj poryadok [Empire, history and modern world order] // Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M., 2010 (in Russian).*
- Lenin V.I. K voprosu o nacional'noj politike [To the question of national policy] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 t. T. 25. M., 1969 (in Russian).*
- Lenin V.I. O nacional'noj gordosti velikorossov [On the National Pride of the Great Russians] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 t. T. 26. M., 1969 (in Russian).*
- Lenin V.I. V Revolyucionnyj proletariat i pravo nacij na samoopredelenie [The Revolutionary Proletariat and the Right of Nations to Self-Determination] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 t. T. 27. M., 1969 (in Russian).*
- Malafeev K.V. Imperiya. Kniga pervaya [Empire. Book one]. M., 2022 (in Russian).*
- Mahnach V.L. Stenogramma Kruglogo stola "Ponyatijnyj apparat proekta nacional'noj doktriny Rossii" [Transcript of the round table "Conceptual apparatus of the draft national doctrine of Russia"]. M., 1995 (in Russian).*
- Mahnach V.L. Ocherki pravoslavnoj tradicii [Essays on the Orthodox Tradition]. M., 2000 (in Russian).*
- Mahnach V.L., Elishev S.O. Politika. Osnovnye ponyatiya: Sprav. slovar' [Policy. Basic concepts: Ref. dictionary]. M., 2008 (in Russian).*
- Perevezencev S.V. Svyatorusskoe carstvo. Istoriya russkoj svyatosti [Holy Russian kingdom. History of Russian holiness]. M., 2018 (in Russian).*
- Pobedonoscev K.P. Sochineniya [Works]. SPb., 1996 (in Russian).*
- Pobedonoscev K.P. Moskovskij sbornik [Moscow collection]. SPb., 2009 (in Russian).*
- Pokrovskij M.N. Vozniknovenie Moskovskogo gosudarstva i "velikorusskaya narodnost'" [The Emergence of the Muscovite State and the "Great Russian Nationality"] // Istorik-marksist. 1930. T. 18–19 (in Russian).*
- Polibij. Vseobshchaya istoriya [General History]: V 3 t. T. 2. VI.11.11. SPb., 1995 (in Russian).*
- Shmitt K. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [Nomos of the Earth in the law of peoples jus publicum europaeum]. SPb., 2008 (in Russian).*

Smolin M.B. Russkij put' v budushchee [Russian way to the future]. M., 2007 (in Russian).

Solonevich I.L. Narodnaya monarhiya [People's monarchy]. M., 1991 (in Russian).

Tihomirov L.A. Rukovodyashchie idei russkoj zhizni [Guiding ideas of Russian life]. M., 2008 (in Russian).

Tyutchev F.I. Rossiya i Zapad [Russia and the West] // Tyutchev F.I. YUbilejnoe izdanie: V 3 t. T. 2. M., 2013 (in Russian).

Uvarov S.S. Gosudarstvennye osnovy [State foundations]. M., 2014 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-67-85

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКСИОМЫ

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, зав. кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

В начале XX столетия шла агрессивная, жестокая политическая борьба, в которой правительственный, имперский лагерь выдвинул целый ряд идей.

Среди высокопоставленных сановников были люди с тонким государственным чутьем, которые понимали трудность положения и искали в обществе людей, способных выяснить, выписать для правительства ряд реформаторских действий для обуздания революционного движения и более четкого понимания положительных задач, необходимых для Империи, входящей в индустриальную эпоху.

Ученые и писатели этого лагеря явили весьма глубокое понимание важности идейной борьбы с революцией. Было немало желающих сформулировать цельное понимание политического феномена царской власти, но по большей части это явилось обрисовкой некоторых контуров, попыткой несколькими сочными мазками обозначить проблему или поставить вопрос. В подобных попытках не было той необходимой капитальности, всеохватности, универсальности, которую смог дать Л.А. Тихомиров в “Монархической государственности”.

Научную базу для своих социологических рассуждений Л.А. Тихомиров строит на утверждении о неизменяемости основных психологических свойств человека как действующего лица социальных отношений.

Факт существования тысячелетней православной России не был для него скучным недоразумением, требующим революционных перемен или разработки социальных доктрин по ее капитальной утилизации. Его удивительная умственная самостоятельность жестко контрастировала с распространенной тогда интеллектуальной зависимостью от идеологических веяний времени.

Ключевые слова: Л.А. Тихомиров, верховная власть, государство, революция, монархия.

* Смолин Михаил Борисович, e-mail: fondiv@mail.ru

**LEV TIKHOMIROV:
SUPREME POWER AND THE STATE
AS POLITICAL AXIOMS**

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

At the beginning of the twentieth century, there was an aggressive, brutal political struggle in which the government, the imperial camp put forward a number of ideas. Among the high-ranking dignitaries were people with a fine sense of state, who understood the difficulty of the situation and were looking for people in society who could find out, write out for the government a number of reform actions to curb the revolutionary movement and a clearer understanding of the positive tasks necessary for the Empire entering the industrial era. Scientists and writers of this camp have shown a very deep understanding of the importance of the ideological struggle against the revolution. There were many who wanted to formulate a complete understanding of the political phenomenon of Tsarist power, but, for the most part, it was an outline of some contours, an attempt to identify a problem or raise a question with a few juicy strokes. In such attempts, there was not the necessary capital, inclusiveness, universality that L.A. Tikhomirov was able to give in "Monarchical statehood".

The scientific basis for his sociological reasoning, L.A. Tikhomirov builds on the statement about the immutability of the basic psychological properties of a person as an actor in social relations. The fact of the existence of a thousand-year-old Orthodox Russia was not a boring misunderstanding for him, requiring revolutionary changes or the development of social doctrines for its capital utilization. His amazing mental independence was in stark contrast to the widespread intellectual dependence on the ideological trends of the time.

Key words: L.A. Tikhomirov, supreme power, state, revolution, monarchy.

Разочарование в революции и проведенный критический анализ демократического принципа¹ заставил Л.А. Тихомирова искать новые социальные пути.

Во второй половине 90-х гг. XIX столетия, он пишет несколько важных сочинений с изложением своих положительных взглядов на власть и государство. Статьи, посвященные образу императора Александра III, "Знамение времени. Носитель идеала" (М., 1895), серию статей "Монархическое начало верховной власти" (Московские ведомости, 1896, № 90, 97, 104, 112, 146) и книгу "Единоличная власть как принцип государственного правления" (М., 1897). Эти работы стали первоначальными, черновыми заходами на капитал-

¹ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. Париж, 1888; Он же. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890; Он же. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895; Он же. Демократия либеральная и социальная. М., 1896; Он же. Борьба века. М., 1896.

ное исследование, которому Лев Александрович отдал несколько лет своей жизни уже в начале XX в.: “Монархическая государственность” (Ч. 1–4. М., 1905).

Новое царствование Императора Николая II вызвало интерес политических писателей к вопросу уяснения идейных основ монархии как особого типа верховной власти. Почти все крупные правые русские писатели в конце XIX — начале XX в. (1895–1905) выступили с теоретическими работами о государственных проблемах, высказав свою позицию по основополагающим принципам русского государственного строя и необходимости строго монархических преобразований в стране².

Такое весьма интенсивное теоретическое творчество было связано, в частности, и с интересом, который проявляла власть к подобным публикациям.

Среди высокопоставленных сановников были люди с тонким государственным чутьем, которые понимали трудность положения и искали в обществе людей, способных выяснить, выписать для правительства ряд реформаторских действий для обуздания революционного движения и более четкого понимания положительных задач, необходимых для Империи, входящей в индустриальную эпоху.

Из дневника Л.А. Тихомирова известно, что в августе 1899-го он получил приглашение крупного чиновника министерства юстиции, впоследствии сенатора, Петра Николаевича Семенова (племянника П.П. Семенова-Тянь-Шанского) к сотрудничеству в написании “Записки о самодержавной власти”, над которой тот работал по поручению Государя Императора Николая II³.

Д.С. Сипягин, товарищ министра внутренних дел, также очень интересовался работами Л.А. Тихомирова. Когда же Д.С. Сипягин встал во главе министерства, в 1902 г., то его записки, подаваемые Государю, были во многом навеяны тихомировскими идеями.

В начале XX столетия шла агрессивная, жестокая борьба идей, в которой правительственный, имперский лагерь отнюдь не вы-

² Были изданы следующие работы: *Черняев Н.И.* О русском Самодержавии. М., 1895; *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897; *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. Берлин, 1899; *Сапожников А.А.* О царской власти с библейской точки зрения. СПб., 1899; *Сыромятников С.Н.* Опыты русской мысли. СПб., 1901; *Черняев Н.И.* Необходимость Самодержавия для России. Природа и значение монархического начала. Харьков, 1901; *Киреев А.А.* Россия в начале XX столетия. СПб., 1903; *Хомяков Д.А.* Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия. М., 1903 (написана еще в 1899-м, а в 1904–1905 гг. значительно была дополнена); *Семенов П.Н.* Самодержавие как государственный строй. СПб., 1905; и др.

³ ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 7. л. 49–50.

глядел бледно. Среди ученых и писателей этого лагеря было весьма глубокое понимание важности идейной борьбы с революцией.

Было немало желающих сформулировать цельное понимание политического феномена царской власти, но, по большей части, это явилось обрисовкой некоторых контуров, попыткой несколькими сочными мазками обозначить проблему или поставить вопрос. В подобных попытках не было той необходимой капитальности, всеохватности, универсальности, которую смог дать Л.А. Тихомиров в “Монархической государственности”.

Надо заметить, что творчество Л.А. Тихомирову в это время давалось особенно трудно. Все начало XX столетия он был периодически болен (ревматизм сочленений и другие недомогания) и болен вплоть до невозможности зачастую передвигаться и работать. “Я часто, — писал он тогда в дневнике, — чувствую себя в положении Иова многострадального. Легче, когда *понимаешь* причины своей муки. Но я часто теряюсь и не могу себе объяснить за что именно, по какой причине. И что я могу сделать для избежания мучения? Это одна из самых тяжелых сторон тягости”⁴. В другом месте своего дневника Л.А. Тихомиров записал: “Совсем разрушаюсь, должно быть уж не долго протяну на свете. Сказать правду — не хочется умирать. А тут еще семья — без средств, без малейшего обеспечения. Тяжкие мысли”⁵. И таких страниц в дневнике много.

В 1900–1904 гг. Л.А. Тихомиров все явственнее ощущал, что смерть может быть уже очень близка к нему (нескончаемые боли в кишечнике, не дававшие зачастую ему целыми днями передвигаться и работать). Врачи не могли ничего существенного для него сделать. Он готовился к близкой кончине; в дневнике постоянно появляются его размышления о своем духовном несовершенстве, слова покаянного размышления об участи своей и семьи⁶.

Но несмотря на свое катастрофическое физическое и тяжелое духовное состояния Л.А. Тихомиров все же находит силы для работы над “Монархической государственностью”.

⁴ ГАРФ ф. 634, оп. 1, д. 7, л. 150. Дневник Л.А. Тихомирова от 12 февраля 1900 года.

⁵ ГАРФ ф. 634, оп. 1, д. 12, л. 16. Дневник от 22 августа 1903 года.

⁶ “Болезнь заставляет подумать о душе, и в результате моих размышлений я вижу, что мне серьезно следует истреблять свои главные пороки. Нужно достигать, с этой точки зрения, вот каких качеств 1) *Не осуждать*, 2) *Негневливость*, 3) *Чистота*, 4) *Спокойствие вообще, при всех случаях*, 5) *Предоставление всего Воле Божией*, б) *Терпение*. Против всего этого я чаще всего погрешаю, можно сказать ежесекундно, не то так другое, а то и сразу по всем пунктам. Но как бы это себя воздержать?” (Дневник Л.А. Тихомирова от 12 августа 1903 года. ГАРФ ф. 634, оп. 1, д. 12, л. 14).

Государствоведческие размышления Льва Тихомирова многослойны, как мысли настоящего теоретика. Его исследовательский способ сочетал сиюминутную конкретность политического писателя и одновременно вневременную теоретическую состоятельность.

Факт существования тысячелетней православной России не был для него скучным недоразумением, требующим революционных перемен или разработки социальных доктрин по ее капитальной утилизации. Его удивительная умственная самостоятельность жестко контрастировала с распространенной тогда интеллектуальной зависимостью от идеологических веяний времени.

Еще в самом начале своей консервативной эволюции Лев Тихомиров обратил внимание на глубокую тенденциозность и отрицательную заданность политических знаний в России: "...человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого. Благодаря мирозерцанию такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьезного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности"⁷.

Он глубоко чувствовал вечный метафизический смысл России, недоступный человеческим желанием. И требовал выработки "умственной самостоятельности" в разработке любых реформационных предложений.

Констатируя слабость образования молодежи, он объяснял это низким качеством "политических и социальных понятий, находящихся у нас в обращении", зависимых "от того, что, по незначительности серьезных умственных сил, социальная наука не разрабатывается на изучении нашей собственной страны и представляемых ею общественных явлений"⁸.

Сам же он смотрел на Самодержавие как на "результат русской истории, который не нуждается ни в чем признании", а на русское общество — как на социальный организм, сформированный пережитыми событиями за это тысячелетие.

Государство как психологический союз

Научную базу для своих социологических рассуждений, Л.А. Тихомиров строит на утверждении о неизменяемости основ-

⁷ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 52–53.

ных психологических свойств человека как действующего лица социальных отношений.

«Социология, — утверждает он, — начинается не в тех безднах хаоса, где ничего нельзя разобрать, и потому обо всем можно фантазировать. Социология начинается там, где уже заметны явления общественности. А в этом своем начале наука видит социологическую особь не как *tabula rasa*, а как некоторое существо с вполне определенным психическим содержанием, которое вовсе не создается внешними условиями, а столь же самостоятельно и реально, как внешние условия, и если испытывает их влияние, то и само оказывает на них такое же влияние... Наши чувства, хотения и представления для социолога вечны по существу, хотя и изменяются в комбинациях и в фазах своего эволюционного состояния. Только это постоянство основного факта общественности и дает возможность бытия социальной науке, которая со времен древнейших наблюдений своих знает одно и то же человечество, с психическими свойствами, по существу, одинаковыми, подобно тому, как химия знает одно и то же вещество со свойствами, по существу, вечно одинаковыми, подобно тому как и биология среди вечно меняющихся форм органического мира знает лишь одно и то же живое вещество, с вечно одними и теми же основными свойствами. Только в отношении объекта, обладающего некоторыми основными неизменяемыми свойствами и возможно существование законов, научно наблюдаемых. Социология такой объект имеет пред собой в психическом мире человечества. Если бы человечество какого-нибудь отдаленного “будущего” могло иметь основные психические свойства отличные от тех, какие были раньше, хотя бы самые отдаленные тысячелетия назад, наука оказалась бы совершенно невозможной, ибо она должна бы была признать тогда, что человечества как некоторого постоянного и реального явления не существует, а представляет оно мираж, не поддающийся никакому разумному пониманию»⁹.

Любой общественный человеческий союз строится на основе психологической кооперации. В этом союзном обществе вступают во взаимодействие даже не сами люди, а чувства, представления и желания отдельных человеческих личностей, создавая национальные общности. Подобная общественная кооперация предполагает некое общее направление этих разнообразных и противоположных чувств, хотений и представлений. Для этого нужна направляющая властная сила. И она появляется как следствие этого объединительного общественного процесса, становясь важнейшим фактором его совершения.

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. I. С. 7–8.

Даже в самом факте властного принуждения Л.А. Тихомиров видит проявление самостоятельности, свободы человеческой личности. “Если бы человек не был существом, заключающим в себе некоторую самостоятельную силу, если бы он был простым результатом каких-либо внешних влияний, он не был бы способен ни к состоянию свободы, ни к состоянию власти. Наша свобода есть не что иное, как состояние независимости от данных окружающих условий, а такое состояние может явиться только при способности напряжения внутренней нашей силы до степени по крайней мере равной напряжению действующих на них внешних сил. Наша власть есть не что иное, как переход этого внутреннего напряжения к подчинению сил внешних условий или внешних сил. По самому существу общественных явлений эта способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется в отношении других личностей”¹⁰.

Здесь немаловажно будет заметить, что психологические основы общественной жизни носят глубоко национальный характер. В силу разнообразных исторически сложившихся условий жизни любой нации она отстраивает свой государственный организм, исходя из своего понимания добра и зла, правды и несправедливости, т.е. стремится построить такое общество и такую власть в нем, чтобы ее национальные ценности получили наиболее благоприятные условия для своего развития и охранения.

Государство — одна из сложнейших человеческих институций. Это не только власть, это не только территория и даже не только граждане.

Государство — прежде всего психологический союз людей, решивших жить совместно, решивших обособиться в форме закрытого для влияния чужих государственного сообщества. Государства — сообщества власти и организованного этой властью народа, отделившегося от своих соседей как от чуждых им по духу.

В этом смысле для Л.А. Тихомирова власть и подчинение — состояния более общественные, нежели свобода. “Свобода, — писал русский консерватор, — играет гораздо большую роль в личной жизни и выработке, нежели в общественной. Свобода для общества нужна, собственно, потому, что без нее не будет высокой личности. Власть и подчинение, наоборот, суть по преимуществу состояния общественные, в них по преимуществу выражается человеческая кооперация, ими строится общество”¹¹.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 10.

¹¹ Там же. С. 13.

Чаще всего государства формируются уже существующей властью, которая своей силой, как обручем, сплачивает этот психологический союз. А сила власти умножается степенью сознательного подчинения граждан. Чем свободнее и сознательнее психологическое признание власти, тем власть более дееспособна и многократно укрепляется силами подчиняющихся ей граждан, как своими приводными ремнями.

Государство — институция, которая через мировоззрение народа формирует или поддерживает психологические поведенческие модели подчинения в общем ходе жизни в отдельно взятом сообществе людей. Обычно эта отдельность государств формируется их вероисповеданием и формой власти, принципом власти, особостью династии, т.е. чем-то, что рознит их с окружающими людьми, не входящими в это сообщество.

Таким образом, государство можно описать как религиозно-мировоззренческую и психологическо-поведенческую форму объединения, скрепленную религиозно-мотивированной властью, которая соответствует представлениям некоего общества людей, готового охотно ей подчиняться как власти, отображающей ее (народа) представления о правде, о правильности или о праведной жизни.

По воззрению Льва Тихомирова, государство есть лишь юридически-институциональная и пассивная производная из отношений власти и народа. Это как двухполосная улица, на которой происходит социальное движение. Если власть и народ едины, в своем представлении о правде, то в таком государстве одностороннее движение и развитие идут поступательно. Если же единомыслие исчезает, то улица становится двусторонней, и далее движение может делаться все более хаотичным, доходить до революции и смены власти.

Как народ воспринимает власть, какова его “политическая вера”, такой и становится сама власть, а затем и производное от власти (государя) государство.

В любых государствах существуют и власть, и подчинение этой власти. И власть, и подчинение функционально неизбежны и естественны в любом человеческом общежитии. Они психологически взаимодействуют и взаимозависят. Если же связи нравственной, свободного принятия власти нет или оно истончилось, то государство носит неустойчивый характер, близко к падению.

Власть и народ как создатели государственности

Государство — особая форма коллективности, которая появляется в обществе, когда вызревают хотя бы и в простых формах социальные группы со своими интересами, требующими согласова-

ния между собой. Иными словами, власть становится необходимой, когда внутри общества происходит профессиональная специализация, сформированным группам становится необходимо верховное согласование в их взаимоотношениях и военное охранение их интересов от внешних и внутренних врагов.

Сам Л.А. Тихомиров дает следующую формулировку государства: "...союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью. Согласно с этим мы при анализе государства имеем собственно два необходимые элемента:

1. Союз людей, расслоенных по социальным группам.
2. Верховную власть. Оба эти элемента тесно связаны.

Правильный анализ государственности есть именно анализ отношений этих двух элементов; искусство же политики есть искусство сохранения между этими элементами должного, то есть естественного по природе их отношения"¹².

Власть играет функцию миротворца и третейского судьи внутриобщественных отношений. Именно профессионализация общества, его социальное расслоение, усложнение и порождают потребность в скрепляющих и охранительных функциях власти. Власть не дает разным группам разорвать общую государственную ткань, всех их объединяющую в единое целое, и примиряет разногласия, сообразуя, уравнивая их с общими интересами сообщества.

Нация как совокупность родов и семей составляет социальный фундамент государства — общенационального союза. Семейная и родовая физические коллективности развивают и составляют гражданские коллективности — социально-профессиональные слои и само государство.

Основными элементами государства, таким образом, является общенациональный союз граждан и возглавляющая его верховная власть.

Никакая чужая национальная сила в таком организме уже не сможет стать опорой для родившегося на свет государства. Государство — это мышцы, нервы, ткани нации; крушение его — мистическое разрушение тела нации. Государство не может поменять мышцы, нервы и ткани, с которыми оно родилось и прожило не одно столетие, которые оно развивало в специфической исторической ситуации своего существования, на мышцы, нервы и ткани другой или других наций. Это неравноценная и невозможная в историче-

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 31.

ской практике замена. Поэтому государственность так тесно связана с той нацией, которая стала для него этническим содержанием.

Государство, собственно, как и любой другой человеческий организм, не сможет поменять своей психофизической сущности. Исторически государство, если оно хочет существовать и завтра, должно черпать свои силы из источника, создавшего его.

Верховная власть всегда внутренне едина

Сама верховная власть, по Л.А. Тихомирову, всегда проста, внутренне едина и не состоит из борющихся между собой составляющих. Она всегда основана на одном из трех классических властных принципов — монархическом, аристократическом или демократическом. Она, как верховная, не может быть разделена на какие-либо управленческие функции, а, напротив, из нее самой исходит вся специализация организуемых ею управительных властей.

Верховной власти обязательно принадлежит единое верховенство и в судебной, и в административной, и в законодательной сферах. Иначе она не была бы верховной властью в государстве. Никакой сочтанной верховной власти быть не может, это изобретение либеральных юристов, которые в свое время хотели ограничить монархическую власть конституцией для перехода в дальнейшем к демократическому правлению.

А вот в области управления все три принципа власти не только могут, но и неизбежно сочетаются. И даже при демократии в области управления представлены и аристократический, и монархический управленческие принципы.

Верховная власть принципиально не может узко специализироваться, а потому она функционально является властью направляющей, стратегической. Тактические вопросы решают нижестоящие бюрократические или общественные власти.

Существование этих управительных властей также неустранимо в силу специализации, разделения труда и ограниченного предела действия самой верховной власти, которая не может заниматься в большинстве случаев непосредственным решением тех или иных государственных дел.

Здесь, собственно, и находится функциональная самоограниченность любой самой неограниченной власти. Эффективному действию верховной власти всегда необходим передаточный властный механизм, механизм управления, который транслирует, передает властные распоряжения верховной власти далеко за пределы ее непосредственного действия. Власть управительная, бюрократическая для верховной власти есть функциональное удлинение своих

властных рук. Но все они действуют в области управления именем верховной власти, претворяя не свою, а державную волю верховной власти в жизнь государства.

Власть управительная существует двух видов — бюрократическая служилая и представительная, избираемая.

Воля в выборе принципа верховной власти

По мнению Л.А. Тихомирова, Воля Божия, создавшая свободно человека, также не ограничивает свободы и воли коллективной человеческой общности — нации. Всякий народ волен ходить либо по путям Божиим, либо по путям собственных или чужих социальных экспериментаторов.

При ослаблении в народе религиозного чувства, доверия к путям Божьего домостроительства, в случае народного своеволия Господь попускает нации ходить по этим путям и собирать на свою голову горящие угли мировых пожаров и либерально-социалистических измов всех вариантов.

Верящий в благость воли Божией, сохранивший свою веру народ (а только такое свободное подчинение и нужно Творцу) водителствуется свыше, через своих державных вождей.

Таким образом, нравственное состояние нации является первоисточником избрания того или иного принципа верховной власти на основе своих мировоззренческих идеалов. Верховная власть идеократична, ограничена идеей своей власти, потому в случае изменения “политической веры” народа и может быть сменяема. Между идеей власти и нравственными убеждениями народа для стабильности государства должен быть мировоззренческий консенсус.

Чем нация будет более сознательно религиозно-нравственной, тем она будет более естественно стремиться к монархии, видя Волю Божию своим нравственным руководителем. Видя *“сердце Царево в руке Божией”*, потому доверяя свою историческую судьбу единоверным и самодержавным государям.

Если в народе больше развиваются рационалистические земные предпочтения, уважение к богатству и доверие к сильным мира сего, то появляется аристократическая верховная власть. Торжествует власть богатых, сильных и часто хитрых, на плечи которых народ возлагает свои надежды на лучшее устройство своего существования на земле.

Но часто аристократический режим устанавливается вследствие узурпации или завоевания, а потому в определенной степени может иметь переходный вид власти. Аристократия — часто лишь временная, может быть, и достаточно долгая по времени форма для

перехода к более последовательному материалистическому принципу властвования — демократии.

Если же степень религиозной напряженности и четкости нравственно-идеальных устремлений в народе падает еще более, если всяческий авторитет — и Божественный, и человеческий — теряет свою привлекательность в нации, то она признает для себя значимой только силу количественную, т.е. демократию. И готова подчиняться только своему же большинству.

Обновление понятий власти и государства

Уверенный в том, что мирозерцание, с которым европейцы прожили целое столетие после Французской революции, не дает ожидаемых результатов, Лев Тихомиров считал своевременным обновить понятия о власти и государстве.

Европейским мыслителям, восхищенным революционными событиями, тогда казалось, что они создают некий новый, универсальный способ организации верховной власти. В реальности же понятия о власти в эту новую эпоху политического нигилизма сильно исказились.

По мнению Льва Тихомирова, в его время одной из главнейших задач, которая тогда решалась, был “выбор между началом демократическим, развивающимся на Западе, и монархическим, развивающимся у нас. Собственно говоря, отстаивание монархического принципа в мировой борьбе лежит ныне на нас, на нашей науке, так как европейская уже не имеет возможности изучать его непосредственно”¹³.

Свою роль исследователя Лев Александрович видел в “освежении” современных ему политических знаний и представлений о монархическом начале и устранении “ходячих общественных мнений”, затуманивающих рациональные научные оценки его вневременного значения.

В своем анализе политических учреждений он стремился установить правильное отношение к самой идее государства, в основе которого лежит принцип власти.

Под влиянием превратных понятий о свободе, идея власти стала восприниматься как отрицательная, с которой необходимо бороться или всячески минимизировать.

Чрезвычайно распространенными стали идеи о том, что сама государственность, связанная с идеей власти, порочна и требует устранения во имя торжества некоей свободы.

¹³ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 90.

Появление подобных идей Лев Тихомиров связывал с появлением “нового” государства, конституционного или прямо демократического, вмешивающегося во всякие мелочи народной жизни без всякого стеснения.

Для консервативного мыслителя государство являлось высшей ступенью национальной организации. А сама идея государства вечной, неуничтожимой и рассматривалась как политическая аксиома. Именно в государстве люди способны находить “высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свободы”¹⁴.

Надежда социалистов на безгосударственное общество с отсутствием принудительной власти базируется на вере в то, что коммунистическое производство само будет регулировать жизнь в обществе, и это не менее фантастично, чем вера в либеральный рынок, который якобы сам все устроит.

“Стихийность рынка” при либерализме или стихийность власти “коммунистического производства” — плохие заменители государства.

Идея государства, его обязательность в человеческой жизни сродни политической аксиоме, оспариваемой только социальными утопистами.

Государство есть неотъемлемая составляющая человеческой свободы, общественной безопасности и доступной в земной реальности правды.

Разумно действующая власть предполагает подчинение, но во все не для уничтожения свободы, а, напротив, для ее поддержания и защиты.

“Создавая государство, — утверждал Л.А. Тихомиров, — мы, вместо подчинения стихийным силам, подчиняемся *самим себе*, подчиняемся тому, что сами сознаем необходимым, то есть выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем *независимость*, первое условие действительной свободы”¹⁵.

Верховная власть, владychествующая над подданными в государстве, действительно отличается от любой другой власти, в любом другом общественном союзе. По мысли Льва Александровича, она не только необходима, но прямо неизбежна для гармонического развития общественных сил.

В современном Л.А. Тихомирову государственном (конституционном) праве под воздействием понятия “прогресса” и в поиске “нового государства” были популярны учения о контроле над

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти.

¹⁵ Там же.

властью со стороны граждан. Даже предлагалось градировать государства по степени контроля над властью со стороны граждан.

Так, знаменитый швейцарский профессор И.К. Блюнчли (1808–1881) делил государства на несвободные, полусвободные и свободные. В первых нет контроля подданных над властью, во вторых он осуществляется меньшинством, в третьих — всем народом.

Л.А. Тихомиров разумно возражал на такие конструкции, что существо верховной власти в любом государстве состоит как раз в том, что оно никому не подконтрольно. Если же верховную власть кто-либо поставлен контролировать, то он может и заставить ее менять свои решения, а тогда верховной властью в государстве будет обладать этот контрольный орган.

Здесь Лев Тихомиров разумно замечает: «...что касается контроля *подданных* над *верховой* властью, то этой невозможности нет и теперь, как никогда не было. Отдельный гражданин “современного” государства точно так же не может “контролировать” самодержавной народной воли, как русский подданный не может это делать в отношении Государя»¹⁶.

Контроль за властью может быть организован только в области управления, а никак не за верховной властью. Верховная власть при демократии (народ) в принципе столь же не ограничена, самодержавна и неподотчетна никому, как и самодержавная власть императоров при монархии.

Лев Александрович подчеркивал, что “новое” государство, культивирующее демократический принцип власти, стало в современной ему Европе нивелировать политический быт стран, в которых он укоренялся, уничтожая своеобразие их учреждений, сформированных историей, и вводя некие универсальные конструкции.

Попытки ввести в государственную систему некие сложные сочетанные формы верховной власти своей искусственностью вызывали у Л.А. Тихомирова, как государствоведа, искреннее удивление. С его точки зрения попытка объединять различные принципы власти (монархической, аристократической или демократической) в верховной власти прямо не возможны в силу своей искусственности. Таким образом, можно создавать только переходные от одного принципа власти к другому слабые государственные формы.

По его убеждению верховная власть не может быть сложной и всегда основана только на одном принципе власти. Либо монархическом, либо аристократическом, либо демократическом. Учение о “сочетанной верховной власти”, распространенное в его время, он

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 97.

почитал глубоко ложным и вводящим идею “разделения властей” в не свойственную ей верховную сферу власти.

Идея разделения властей (исполнительная, законодательная и судебная) естественна в области управления подчиненного, как тогда выражались. Верховная власть же любого принципа всегда отражает один единственный принцип власти, что резко отличает ее от области управления, в которой другие принципы властвования могут находить себе достойное место.

Верховная власть государства и организация управления этим государством не одно и то же.

«Недоразумение, — писал Л.А. Тихомиров, — благодаря которому люди не замечают столь очевидной истины, состоит в недостаточном внимании к существенному различию между Верховной властью и создаваемым ею правительством, между *Souverain* и *Gouvernement*... В действительности политических сил нет такой Верховной власти, которая бы лишь “царствовала”, а не “управляла”. Это возможно лишь в исключительные минуты, накануне падения данной Верховной власти, которая уже в сущности перестала ею быть, но еще официально не упразднена. Верховная же власть действительная всегда управляет. Но в то же время нет Верховной власти, которая бы не призывала к управлению, ею создаваемому, других, подчиненных общественных сил. Верховная власть, сила “царствующая”, *Souverain*, так сказать, управляет управляющими, и весь вопрос хорошего политического строя в том, чтобы это царственное управление силами правительственными не было фиктивным»¹⁷.

Верховная власть должна иметь единую волю и поэтому она должна представлять один принцип власти.

В обществе могут существовать различные элементы власти, центры влияния. Они никуда не исчезают из социальной жизни, какой бы принцип власти не главенствовал. “Когда возникает *государство* — это означает, что возникает идея некоторой *верховой власти* не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. Без такой владычествующей силы частные силы по самой противоположности своей идеи обречены на борьбу. Смысл верховной власти состоит в общем *обязательном* примирении. Поэтому верховная власть, по самой идее своей, должна быть основана на каком-либо *одном простом принципе*”¹⁸.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 47–48.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 112.

Л.А. Тихомиров был глубоко убежден, что все три принципа власти, монархический, аристократический и демократический, не могут устаревать. Они являются всегда возможными формами верховной власти и не являются некоей формой эволюции, исторически сменяющей друг друга.

Особо Л.А. Тихомиров останавливается на внутренних смыслах различных типах верховной власти. «Почему же в качестве Верховной власти выдвигается то монархия, то аристократия, то демократия? Это обуславливается известным психологическим состоянием нации, которому наиболее соответствует тот или иной принцип власти. Политика в деле установки Верховной власти сливается с национальной психологией. В той или иной форме Верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни»¹⁹.

Так же верховная власть неразделима и в своем трояком проявлении — законодательном, судебном и исполнительном. Все эти три проявления истекают из единой верховной власти.

Разделение же властей управительных совершенно неизбежно из-за необходимости для них специализации, и чем более она специализирована тем более она совершенна. Единение управительные власти находят в верховной власти, которая и направляет их деятельность.

Необходимость управительных властей состоит в ограниченности прямого действия верховной власти, при усложнении государственной системы требующей делегации власти управительным учреждениям. Будучи юридически неограниченной верховная власть фактически ограничена своим количественным содержанием. Делегируя же управительным властям свою центральную силу верховная власть получает возможность действовать далеко за пределами своих физических возможностей.

Прямое же действие верховной власти в развитом государстве специализируется по преимуществу на контроле и направлении всех передаточных властей, сохраняя свою неограниченность и самодержавность.

В зависимости от того, что понимает нация под общечеловеческим принципом справедливости в общественных отношениях, верховная власть представляет тот или иной принцип власти, на которых и осуществляют все три образа правления: власть единоличная, власть влиятельного меньшинства или власть всего населения.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. I. С. 76.

Все эти три формы власти суть типы, а не фазисы эволюции власти. Они не возникают один из другого эволюционно, а если и сменяют друг друга, то вследствие государственного переворота или революции. Все три принципа верховной власти неуничтожимы в человеческом обществе, разница между ними может быть лишь в их положении. Один принцип всегда бывает верховным, а два других имеют подчиненные функции в управительных учреждениях.

Выбор принципа верховной власти зависит от нравственно-психологического состояния нации, от тех идеалов, которые сформировали мировоззрение нации. В выборе нацией того или иного принципа власти “проявляется, — как пишет Л.А. Тихомиров, — не что иное, как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации. В различных формах верховной власти выражается то, какого рода силе нация, по нравственному состоянию своему, наиболее доверяет.

Демократия выражает доверие к силе количественной.

Аристократия выражает преимущественное доверие к авторитету, проверенному опытом; это есть доверие к разумности силы.

Монархия выражает доверие, по преимуществу, к силе нравственной”²⁰.

Любой из этих принципов неограничен и самодержавен, как принцип в государстве наивысший. Единственное ограничение составляет само содержание его собственного идеала.

Если “в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, — развивает далее свою мысль Л.А. Тихомиров, — всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения, то появляется монархия, ибо при этом для верховного господства нравственного идеала не требуется действие силы физической (демократической), не требуется искание и истолкование этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность, как существо нравственно разумное и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения”²¹.

В этом смысле Л.А. Тихомиров особо подчеркивает, что именно “Нация, то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и мирозерцанием, то есть, стало быть,

²⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 68.

²¹ Там же. С. 69.

с известными идеалами, — эта нация есть первоисточник власти. Она составляет ту силу, которая создает верховную власть того или иного типа, а также, при известных колебаниях своего духа, дает место замене одного принципа другим”²².

Национальная психология играет значительную, определяющую роль в выборе формы верховной власти. Именно в нем выражается дух нации, его идеалы и религиозные верования.

“Всякая верховная власть идеократична, то есть находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему. Пределы эти, определяющие нравственную законность и незаконность верховной власти, всегда прекрасно чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся со-знаваемой ею основной правде власти, то возмущающейся против узурпации”²³.

Л.А. Тихомиров явился тем мыслителем, при котором русская правая мысль предложила вполне стройную научную систему консервативного понимания русской государственности. Многие положения этой системы, которую можно назвать системой “этического монархизма”, разделяли и принимали современные ему правые академические юристы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тихомиров Л.А. Дневник // ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 7; д. 12.

Тихомиров Л.А. Единичная власть как принцип государственного правления. М., 1897.

Тихомиров Л.А. Знамение времени. Носитель идеала. М., 1895.

Тихомиров Л.А. Монархическое начало верховной власти // Московские ведомости. 1896. № 90, 97, 104, 112, 146.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. I.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. М., 1895.

REFERENCES

Tihomirov L.A. Dnevnik [Diary] // GARF, f. 634, op. 1, d. 7; d. 12 (in Russian).

Tihomirov L.A. Edinolichnaya vlast' kak princip gosudarstvennogo pravleniya [Sole power as a principle of state government]. M., 1897 (in Russian).

Tihomirov L.A. Znamenie vremeni. Nositel' ideala [Sign of the times. The bearer of the ideal]. M., 1895 (in Russian).

²² Тихомиров Л.А. Монархическое начало власти // Московские ведомости. 1896. № 146.

²³ Там же.

Tihomirov L.A. Monarhicheskoe nachalo verhovnoj vlasti [The monarchical principle of supreme power] // *Moskovskie vedomosti*. 1896. N 90, 97, 104, 112, 146 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1905. CH. I (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. SPb., 1992 (in Russian).

Tihomirov L.A. Pochemu ya perestal byt' revolyucionerom [Why I stopped being a revolutionary]. M., 1895 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-86-102

ПРОДВИЖЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ БИЗНЕС-ГРУПП ЗА РУБЕЖОМ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу транснационального лоббизма российских бизнес-групп в условиях новых геополитических рисков. Российские группы интересов на протяжении последних трех десятилетий активно встраивались в механизмы транснационального лоббизма, продвигая и защищая свои интересы в национальных и наднациональных юрисдикциях. Вместе с тем сегодня место России в системе транснационального лоббизма претерпевает коренные изменения. Традиционные зарубежные экономические партнеры, такие как Евросоюз, США, ряд стран Юго-Восточной Азии, после 24 февраля 2022 г. начали обрубать экономические связи с Россией, а российский бизнес стал терять давно разработанные и изученные рынки и политические связи. Это поставило перед Россией и российским бизнесом вопросы диверсификации путей продвижения своих интересов, поиска новых торговых партнеров. В статье предложена авторская типологизация этапов развития российского лоббизма за рубежом, которая учитывает нынешние реалии. Автор анализирует, каким образом развивались и менялись стратегии и направления российских бизнес-групп за рубежом и как это было связано с изменениями в общей геополитической ситуации. В статье рассматривается специфика современного этапа, который предполагает коренное изменение направлений в продвижении интересов российских бизнес-групп, подробно анализируется потенциал лоббирования российских интересов в Китае, даются отдельные рекомендации по совершенствованию лоббистских стратегий российских компаний.

Ключевые слова: лоббизм, транснациональный лоббизм, группы интересов, лоббистская стратегия, геополитические риски.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

ADVOCATING INTERESTS OF RUSSIAN BUSINESS GROUPS ABROAD IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL RISKS

Kanevsky Pavel S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

Current article analyses transnational lobbying by Russian business groups in the face of new geopolitical risks. Over the past three decades, Russian interest groups have been actively integrated into the mechanisms of transnational lobbying, promoting and advocating their interests on the levels of national and supranational jurisdictions. Today Russia's place in the system of transnational lobbying is undergoing fundamental changes. After February 24, 2022, traditional foreign economic partners, such as the European Union, the United States, and a number of Asian countries, began to break their economic ties with Russia, and Russian business began to lose long-developed and studied markets and political contacts. This poses the question of diversifying lobbying routes and searching for new trading partners. The author proposes his typology of the stages of development of Russian lobbying abroad, considering current realities. The author analyzes how the strategies and directions of Russian business groups abroad developed and shifted and how this was connected with changes in the general geopolitical situation. The article discusses the specifics of the current stage, which involves a radical change in the direction of promoting the interests of Russian business groups, analyzes in detail the potential for lobbying of Russian interests in China, and provides individual recommendations for improving the lobbying strategies of Russian companies.

Key words: lobbying, transnational lobbying, interest groups, lobbying strategies, geopolitical risks.

Транснациональный лоббизм является сложным, малоизученным и практически не систематизированным по сей день явлением как в общей теории групп интересов и лоббизма, так и в теории международных отношений. Глобализация привела к интенсификации трансграничных связей не только между обществами и государствами, но и между многочисленными группами интересов, которые получили в свое распоряжение абсолютно новые инструменты влияния на принятие решений.

Деятельность групп интересов в корне изменила механизм принятия решений в международном пространстве, сделав группы интересов, наряду с государствами и международными организациями важнейшими акторами международных отношений. Дж. Пигман считает, что сегодня изучение международных отношений и дипломатии должно быть сосредоточено на “представительстве и ком-

муникации между глобальными акторами, включая государства, многосторонние институты, организации гражданского общества и крупные компании”¹. А Дж. Уайзманн говорит о “многосторонней дипломатии как отношениях между государственными субъектами (государствами, группами государств или международными организациями) и негосударственными субъектами”². П.А. Цыганков, в свою очередь, справедливо отмечает, что “сегодня государства испытывают давление со стороны негосударственных игроков и их объединений. Символическими образами современного мира стали новые акторы, в числе которых транснациональный олигархический капитал, политические институты, профессиональные организации, группы интересов, медиа, отдельные биржевые спекулянты, политически мотивированные амбициозные миллиардеры, террористические группировки”³. Иными словами, многосторонняя, многоуровневая система международных отношений более не строится только лишь на межгосударственных связях, а включает в себя значительное количество негосударственных групповых интересов.

По словам П. Керра, “современная дипломатия является средством защиты интересов”⁴. Между деятельностью групп интересов и государств на международном уровне обнаруживается много общего — действия и тех, и других направлены на продвижение и защиту собственных интересов. Группы интересов встраиваются в механизмы принятия внешнеполитических и межгосударственных решений, а государства могут пользоваться сетями влияния, создаваемыми организованными группами, с целью достижения своих внешнеполитических и внешнеэкономических целей.

В конечном счете развитие транснационального лоббизма является следствием нескольких факторов:

- усиления групп интересов как негосударственных акторов в международном и транснациональном пространстве;
- усиления групп интересов в процессе формирования внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии отдельных государств и международных организаций;

¹ *Pigman G.* Contemporary diplomacy // *Polity*. 2010. N 2. P. 11.

² *Wiseman G.* “Polyateralism” and new modes of global dialogue. *Diplomatic studies programme, Center for the study of diplomacy* // *Discussion Paper*. 1999. N 59. P. 10–11.

³ Состоятельность государства и национальные интересы России в глобальном мире: материалы круглого стола // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2017. № 3. С. 92.

⁴ *Kerr P.* Diplomatic persuasion: an under-investigated process // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2010. N 5. P. 236.

– возникновения новых сфер принятия решений, в которых официальные государственные структуры стали лишь одним из субъектов взаимодействия наряду с негосударственными акторами;

– аутсорсинга традиционных дипломатических и внешнеполитических государственных функций, которые перекадываются на группы интересов — от международных лоббистских фирм до корпораций и частных армий;

– сближения интересов отдельных организованных групп и органов власти — группы интересов все чаще выступают инструментами в руках национальных правительств, равно как и наоборот; иными словами, возникает взаимосвязанный механизм групповых и государственных интересов, что ведет к гибридизации международного пространства.

В условиях усиления организованных групп происходит гибридизация дипломатии. Ее уже невозможно описать исключительно через призму межгосударственных отношений, так как негосударственные акторы становятся прямыми или косвенными участниками обсуждаемых и принимаемых решений на международном и наднациональном уровнях. Конечно, целый ряд сфер принятия решений остаются исключительной прерогативой обычного дипломатического взаимодействия, однако возникает все больше сфер, в которых государства действуют наряду с группами интересов или даже вторичны по отношению к ним. Таким образом, государства являются одновременно и субъектами, и объектами лоббизма в усложняющемся глобальном пространстве.

В конечном счете, как транснациональный лоббизм, так и традиционная дипломатия подразумевают продвижение интересов посредством влияния на центры власти, на информирование официальных лиц и общества по поводу проводимой политики или продвигаемой точки зрения, на коммуникацию посредством формальных и неформальных каналов, на выстраивание отношений с представителями власти на разных уровнях. Таким образом, транснациональный лоббизм можно определить как влияние групп интересов на национальные и наднациональные органы власти в своих интересах и/или интересах отдельных государств с целью получения политической, экономической или символической выгоды⁵.

⁵ Данное определение международного лоббизма впервые было представлено автором в 2017 г. на научном семинаре “Lobbying and Diplomacy: two faces of the same coin?” в Сьенс По, Париж (См.: *Kanevskiy P. Between diplomacy and lobbying: the case of Russia-EU relations // Working Paper. Workshop “Lobbying and Diplomacy: Two Faces of the Same Coin?”* P., 2017. P. 3).

При этом развитие транснационального лоббизма находится в прямой зависимости от динамики развития всей международной системы. В условиях нарастающей геополитической конфронтации между странами Запада, Китаем и Россией, торговых войн, разрыва привычных цепочек взаимозависимости, роста недоверия между различными странами происходит неизбежная политизация транснационального лоббизма. Например, транснациональные бизнес-группы вынуждены корректировать свои стратегии влияния, так как они сталкиваются с ситуацией, когда экономическая конкуренция оказывается вписана в логику политической конфронтации.

В наиболее общем виде модели транснационального лоббизма можно разделить на четыре типа:

1. Наднациональный лоббизм, который включает в себя влияние групп интересов на наднациональные центры принятия решений в международных организациях и объединениях, таких как Евросоюз, Евразийский экономический союз, Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Североатлантический альянс (НАТО) и пр.

2. Дипломатический лоббизм, в рамках которого группы интересов формируют внешнеполитическую, внешнеэкономическую и идеологическую позиции своих государств и внешнеполитических ведомств с тем, чтобы те продвигали их интересы на международном уровне.

3. Иностраный лоббизм, который подразумевает влияние групп интересов, зарегистрированных на территории определенных государств, представляющих свои собственные интересы или интересы конкретных государств, на органы власти других суверенных государств.

4. Этнический лоббизм — разновидность иностранного лоббизма, в рамках которого субъектами лоббизма выступают этно-конфессиональные группы, находящиеся на территории конкретного государства, которые продвигают как интересы проживающих там диаспор, так и государств, с которыми у данных диаспор сохраняются социальные, политические и экономические связи.

Россия, как прочие крупные экономики мира, в последние десятилетия активно встраивалась в механизмы транснационального лоббизма. Лоббизм российских организованных групп в международном пространстве — это крайне актуальная тема, так как речь идет о защите и продвижении национальных интересов, развитии российской экономики, выходе российского бизнеса на внешние рынки и налаживании равноправного диалога с зарубежными пар-

тнерами. После распада социалистического блока и прежней системы взаимосвязей СССР с социалистическими странами Россия оказалась перед необходимостью выработки новой международной повестки. Быстрое становление рыночных отношений и частного сектора поставили задачи не только развития внутреннего рынка, но и эффективного продвижения российских групповых интересов в других странах. В годы активной демократизации и либерализации речь шла в первую очередь о западных странах, многие из которых еще во времена позднего социализма стали ключевыми направлениями внешнеэкономической стратегии, а в 1990-е гг. превратились в главных торговых и инвестиционных партнеров.

Вместе с тем сегодня место России в системе транснационального лоббизма претерпевает коренные изменения. Традиционные зарубежные экономические партнеры, такие как Евросоюз, США, ряд стран Юго-Восточной Азии, начали обрубать экономические связи с Россией, а российский бизнес стал терять давно разработанные и изученные рынки. Это прямым образом отразилось и на внешнеполитических и внешнеэкономических функциях российских компаний. Привычные лоббистские каналы в европейских столицах, Вашингтоне моментально схлопнулись, российских лоббистов лишили аккредитации, крупные лоббистские фирмы разорвали все контракты по услугам связей с органами власти, а о заключении новых контрактов сейчас не может быть речи.

Иными словами, завершилась целая эпоха продвижения российских групповых интересов в евро-атлантическом регионе, а также в некоторых странах Азии и Океании. Эта эпоха начиналась не в 1990-е гг., а гораздо раньше, в 1970-е гг., когда между Советским Союзом и странами Западной Европы (прежде всего ФРГ) началось сближение по ряду экономических отраслей, в первую очередь в сфере энергетики. Российские энергетические, а позднее и прочие промышленные и финансовые интересы постепенно проникали в западные сети согласования и принятия решений, налаживая диалог в условиях взаимовыгодного партнерства.

С.С. Костяев в 2009 г. выделял три этапа развития российского лоббизма за рубежом⁶. Первый этап — это переходный период от распада СССР в 1991 г. до 1993 г., когда вместо государственных монопольных торговых структур типа “Амторга” стали появляться относительно независимые субъекты, прежде всего, из числа нарождающихся крупных компаний и монополий. Следующий этап

⁶ См.: *Перезудов С.П., Уткин А.И., Костяев С.С. Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы.* М., 2009. С. 27.

(1993–2003 гг.) стал расцветом российского лобби в США и Европе, когда российские компании осуществляли активное продвижение своих интересов в Вашингтоне и Брюсселе. К этому стоит добавить, что данный период также характеризовался плюрализацией системы групп интересов в России. Иными словами, существовала тенденция к увеличению количества организованных групп, представлявших частные интересы, преимущественно в сфере промышленности и бизнеса. Последовавший за этим этап с 2004 по 2008 гг., напротив, характеризовался более активным взаимодействием между частным сектором и государством. Это было связано с новым витком развития политической системы и системы групп интересов. “Равноудаленность олигархов”, дело ЮКОСа, выстраивание вертикали власти привели к пересмотру стратегий по продвижению российских интересов за рубежом. Особенно сильно эта тенденция прослеживалась в США. Однако приход к власти Д. Медведева в 2008 г. и начало “перезагрузки” в отношениях с Соединенными Штатами вновь привели к частичному росту активности российских групп интересов. Особенно это было заметно на американском направлении, в котором свои позиции усилили энергетический, металлургический и банковский секторы.

Сегодня периодизацию С.С. Костяева следует дополнить исходя из новых геополитических реалий. Во-первых, событий вокруг Украины в 2014 г., которые открыли новую страницу взаимоотношения России и западных стран, во-вторых, начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г., которая знаменовала окончание более чем 30-летнего периода интеграции российских бизнес-интересов в странах и наднациональных организациях Запада. Резкое усиление конфронтации и начало санкционных войн привели к тому, что российские группы интересов оказались в крайне невыгодном для себя положении на Западе и сегодня вынуждены пересматривать стратегии транснационального лоббизма.

Политизация экономических отношений привела к тому, что уже после 2014 г. Россия и США начали планомерно обрывать контакты во многих ключевых областях, от энергетики до торговли технологиями. В Европе ситуация между 2014 и 2022 гг. отличалась от американской, так как российский бизнес был более успешно встроен в групповые сети влияния Евросоюза, а большой торговый оборот и зависимость от российских энергоресурсов долгое время удерживали ключевых европейских партнеров от резких шагов по отношению к России. Впрочем, в этот период Россия уже сталкивалась с многочисленными проблемами политического характера, прежде всего раскручивающимся маховиком санкционной политики.

В результате между 2014 г. и 2022 г. российский лоббизм за рубежом был сконцентрирован на нивелировании санкций, вводимых западными правительствами. Например, в Вашингтоне сложился целый пул фирм, защищавших интересы российских компаний. Среди них можно было выделить McLarty Inbound и Squire Patton Boggs (работали с компанией “Газпром” и ее дочерними структурами), Mercury (“Новатэк”), Sidley Austin (ВТБ), BGR Group (“Альфа Банк”), Madison Group и SGR LLC (“Сбербанк”), Prime Policy Group (МТС), Gibson, Dunn & Crutcher (“Трубная металлургическая компания”), Madison Group (оператор коммерческих пусков ракеты “Протон” International Launch Services, подконтрольный центру имени Хруничева); свои лоббисты были у “Северного потока — 2” и “Евраза”⁷.

Согласно открытым данным, российские компании из первой сотни по уровню капитализации и аффилированные с ними структуры в 2016 г. вложили в лоббистские услуги в США 1,65 млн долл., в 2017 г. сумма составила 1,73 млн долл.⁸ Причем последняя цифра не учитывала расходов со стороны международного консорциума Nord Stream 2 AG, который за 2017 г. потратил 1,45 млн долл., работая с четырьмя разными фирмами⁹. По сравнению с предыдущими годами это был заметный скачок, который был вызван именно активизацией контр-санкционных мер. И если интересы российских энергетических и металлургических компаний в той или иной степени всегда были представлены в США, то банковский сектор, впервые оказавшись под ударом кредитных ограничений, начал проявлять невиданную активность. Только за 2015–2016 гг. “Сбербанк”, “Газпромбанк” и “Альфа Банк” официально перечислили своим лоббистам 1,76 млн долл.; услуги банку ВТБ фирмой Sidley Austin оценивались в 440 тыс. долл.¹⁰

В Европе в силу исторически более тесных связей с местными политическими и деловыми сообществами интеграция российских групп интересов в процессы принятия решения была более глубокой. Многие крупные российские корпорации работали как с ведущими консалтинговыми фирмами в Брюсселе, такими как G-Plus или Edelman, так и с органами власти отдельных стран. Для

⁷ См.: Center for Responsive Politics. URL: www.opensecrets.org (дата обращения: 30.04.2023).

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Ахмадиев Э., Подрез Т. Американские лоббисты помогут ВТБ решить проблему санкций // Известия. 2016.04.02. URL: <https://iz.ru/news/603191> (дата обращения: 30.04.2023).

более эффективного продвижения своих интересов представители российских деловых кругов предпочитали осуществлять лоббистскую деятельность через свои дочерние структуры. Сформировалась устойчивая практика использования российскими компаниями своих контрагентов и дочерних компаний для продвижения собственных интересов. Например, в Словении этим занималась дочерняя компания ПАО «Газпром» Geoplın d.o.o., в Австрии — дочерняя компания ПАО «Сбербанк» Sberbank Europe AG и т.п. При этом наибольшую активность проявляли компании энергетического сектора. В первую очередь, выделялся Газпром, сумевший создать самую широкую сеть влияния в Европе. В ряде стран, в частности, в Великобритании, Испании, Австрии, Франции через лоббистов-консультантов действовали представители российского банковского сектора.

Взаимодействие с деловыми ассоциациями было важным дополнением стратегий российских групп интересов в Европе. Причем речь шла как о национальных, так и наднациональных ассоциациях. Российские компании были членами таких общеевропейских объединений как BUSINESSEUROPE, FuelsEurope, CONCAWE, CEFIC, European Energy Forum и пр. На национальном уровне российские группы осуществляли влияние посредством таких ассоциаций, как Французская независимая ассоциация электроэнергетики и газа, Германо-российский экономический альянс, Ассоциация банков Италии и пр. Использование бизнес-ассоциаций является эффективным способом встраивания в коллективный процесс обсуждения и принятия решений.

Вместе с тем взаимодействие российских корпораций с профессиональными лоббистами не шло в сравнение с аналогичными действиями азиатских и ближневосточных групп, не говоря об американских группах, которые в значительно большей степени проникали в процесс принятия решений. Российские интересы в Европе всегда были весьма узкопрофильными и касались в первую очередь энергетики, в меньшей степени — финансов и небольшого числа инфраструктурных проектов. За исключением Газпрома, основная часть российских компаний всегда была недостаточно встроена в европейские политические сети. Лишь малая часть взаимодействовала с лоббистами-консультантами и работала с европейским сообществом посредством проведения публичных кампаний. Одна из основных причин такого положения заключалась в том, что российские компании недостаточно эффективно выстраивали коммуникационные стратегии. В то же время российский бизнес всегда сталкивался с высоким уровнем недоверия на Западе. Транснаци-

ональный лоббизм является крайне политизированным пространством, а потому обладания ресурсами недостаточно для оказания эффективного влияния.

Еще в большей степени это было очевидно в США, где несмотря на некоторые успешные лоббистские компании Россия так и не смогла создать единую систему продвижения своих интересов. Пророссийские лоббисты всегда имели крайне незначительное влияние на американскую повестку по отношению к России. Неспособность изменить отношение к России приводило к нивелированию многих усилий со стороны вашингтонских консультантов, которым было не под силу повернуть вспять маховик санкционной политики. Единственное, на что в реальности было способно такое лобби, — решение краткосрочных задач. Проблема ограниченности точечного лоббизма раскрывает одну из главных причин отсутствия российской коммуникационной стратегии — в Вашингтоне невозможно серьезно влиять на повестку без учета всех уровней и особенностей принятия решений. А это включает в себя общественное мнение, медийное пространство, партийно-идеологические нюансы, электоральную динамику, взаимодействие с другими группами интересов, которые обладают необходимым политическим капиталом.

Проблема российского лоббизма, которая всегда была характерной как для Европы, так и для США, заключалась в неспособности создать монолитное и консолидированное лобби, которое было бы проводником разнообразных групповых интересов. Данная проблема является следствием не только недостаточных коммуникационных усилий отечественных групп интересов, но и сложного политического и идеологического окружения, в котором они находились. Причем российские группы интересов сталкивались с этим на протяжении всего постсоветского периода, даже в годы относительно благополучных отношений со странами Запада. Достаточно вспомнить болезненный процесс вступления России в ВТО, постоянную политизацию энергетических связей, трудности по гармонизации европейского и евразийского таможенного союзов, долгое нежелание США отменить поправку Джексона-Вэника. Соприкосновение интересов носило скорее точечный характер, что предопределяло относительную слабость российских групповых интересов на Западе.

2022 г. стал точкой окончательно разрыва политических и экономических связей со странами Запада. Это поставило перед Россией вопросы диверсификации внешних рынков, поиска новых торговых партнеров. Россия в 2022 г. продолжила активное наращивание торгово-экономических связей с Китаем, быстрыми

темпами развиваются экономические отношения с такими странами, как Индия, Объединенные Арабские Эмираты, Турция, Южная Корея, Сирия, Никарагуа, Бразилия, Израиль, целым рядом африканских стран.

Из перечисленных стран Китай, несомненно, становится сегодня одним из ключевых направлений переориентации российских бизнес-интересов. Статистические данные показывают, что торгово-экономические связи усиливаются. В 2022 г. товарооборот между Россией и Китаем вырос на 29,3% в годовом выражении. По итогам года показатель составил рекордные 190,27 млрд долл. Импорт из России в Китай составил 114,15 млрд долл., что на 43,4% больше итогов 2021 г. Экспорт из Китая в Россию вырос на 12,8%, до 76,12 млрд долл. Положительное сальдо России увеличилось почти в три раза, до 38 млрд долл.¹¹ После обвала торговли с Евросоюзом, Китай стал первым торговым партнером России.

Повторим уже приведенные выше цифры. По данным таможен КНР, по итогам 2022 г. из России в Китай было отправлено товаров на 114 млрд долл. (на 43,4% больше, чем в 2021 г.). В то же время китайский экспорт товаров в Россию оказался существенно меньше — 76 млрд долл. (прирост 12,8%). Таким образом, в торговле заметен явный дисбаланс между экспортом и импортом. К тому же примерно 70% российского экспорта в КНР — это сырьевые и энергетические ресурсы¹². Что логично, учитывая первоочередную заинтересованность Китая в российских энергоносителях.

Вместе с тем, диверсификация внешней торговли остро поставила вопрос о том, что российскому бизнесу требуется лучшее понимание того, каким образом устроены данные рынки, как наиболее эффективно продвигать российские бизнес-интересы, как выстраивать отношения с местными органами власти. Данные вопросы вскрыли проблему неподготовленности целого ряда отраслей и компаний к быстрой перенастройке своих лоббистских связей за рубежом.

Китай несмотря на расширение экономических контактов не является исключением. Взаимодействия с органами власти являются важнейшим условием для продвижения деловых интересов в

¹¹ Товарооборот России и Китая достиг рекордных \$190 млрд // Коммерсантъ. 2023.13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5761392> (дата обращения: 30.04.2023).

¹² Торговля России и Китая // TAdviser. 30.01.2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 30.04.2023).

стране. Однако КНР имеет крайне сложную бюрократическую систему и политико-управленческую культуру, которая определяется спецификой как современной китайской государственности, так и вековыми традициями, многие из которых не менее важны, чем формальные правила. В Китае, как и в большинстве стран Юго-Восточной Азии, нет четких законов и норм, регулирующих лоббизм, но есть целый свод неформальных правил и особая деловая культура, без понимания которых об успешной интеграции на китайский рынок говорить не приходится.

К термину и практике “лоббизма” в его западном (и российском) понимании в Китае сложилось скорее негативное отношение. Лоббизм ассоциируется с давлением “групп личной заинтересованности” (既得利益集团), которые преимущественно понимаются как коррумпированные объединения, возникающие на стыке государственных и деловых интересов. В 2017 г. на заключительном собрании партийной практики массового образования Си Цзиньпин заявил, что “абсолютно недопустимо заниматься формированием банд и шаек, абсолютно недопустимо создавать группы интересов и проводить обмен интересами”¹³. Вместе с тем, в Китае существует и другое понимание групп интересов (利益集团) — групп, которые не связаны с корыстными целями, а создаются для отстаивания социально значимых интересов и не вмешиваются в политику. В частности, Чжан Пейган, известный как отец “экономики развития”, считает, что группа интересов — это “группа членов общества, которая имеет общие установки, стремления, интересы и правила поведения в экономической жизни”¹⁴.

В реальной политической практике лоббизм носит неинституционализированный характер, а усилия групп интересов направлены преимущественно на закрепление личных договоренностей с представителями власти или ключевых корпоративистских институтов страны, таких как ассоциации промышленности и торговли, которые защищены специальными законами и имеют права участия в процессе принятия решений.

В Китае существует целая система неформальных связей, которая называется “Гуаньси” (關係), термин, который может быть переведен на русский язык как “связи” или “блат”. Данное понятие не имеет отрицательной окраски и обозначает помощь, поддержку или услугу. “Гуаньси” держится на многоуровневых связях, которые

¹³ Нармаев М., Синькевич А., Дэн В. Лоббизм в Китае: группы интересов // Современные проблемы международных отношений и мировой политики. М., 2019. С. 173.

¹⁴ Там же. С. 172.

могут включать в себя семью, знакомых, коллег по работе, такие связи часто развиваются многими поколениями. Устная договоренность посредством “гуаньси” может иметь больший вес в Китае, нежели формально подписанный контракт. Наладить такие связи иностранным лоббистам крайне сложно.

Выстраивание коммуникационной стратегии является одним из краеугольных камней продвижения групповых интересов в Китае. Переговорная культура КНР — это “сложный механизм взаимодействия между партнерами с огромным количеством подводных камней и недосказанностей”¹⁵. Китайская деловая и политическая культура не терпят неформальностей, поверхностных, “легких” отношений, которые гораздо важнее для выстраивания коммуникации на Западе. Открытость и искренность не свойственны китайской культуре в целом, а в бизнесе и политике тем более.

В процесс подготовки и принятия решений вовлечено множество государственных и окологосударственных структур. Однако без партнеров в деловой среде внутри страны напрямую выйти на стейкхолдеров из числа чиновников или партийных комитетов практически невозможно. Поэтому создание коалиций и внедрение в китайские деловые сети является важным этапом в построении лоббистской стратегии. Важное место в китайской системе лоббизма занимают деловые ассоциации, прежде всего торговые палаты и специфические отраслевые объединения.

Наиболее крупной и могущественной ассоциацией является Всекитайская федерация промышленности и коммерции (ВФПМ), созданная в 1953 г. в качестве преемника торговых палат, основанных во времена династии Цин. В китайской административно-управленческой иерархии статус главы ВФПМ, которым сегодня является Гао Юнлон, равняется рангу национального лидера. Членами ВФПМ являются преимущественно представители крупного бизнеса, однако на уровне региональных представительств она охватывает более 2,5 миллионов предприятий. Формально ВФПМ управляется Объединенным фронтом Коммунистической партии Китая, параллельно являясь учредительной организацией Народного политического консультативного совета Китая и обладая местами во Всекитайском собрании народных представителей¹⁶. Ор-

¹⁵ *Марченко В.* Такой загадочный Китай: что ждет российского предпринимателя в Поднебесной? // Школа Сколково. 2018.14.08. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/takoj-zagadochnyj-kitaj-chto-zhdet-rossijskogo-predprinimatelja-v-podnebesnoj/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁶ *Groot G.* Understanding the role of Chambers of commerce and industry Associations in United front work // Jamestown Foundation. 2018.19.06. URL: <https://jamestown.org>.

ганизация оказывает помощь правительству в управлении частной экономикой Китая и выступает в качестве связующего звена между частным сектором и правительством. В большинстве случаев установление связей с ВФПМ, особенно для внешних групп интересов, происходит через отдельные китайские компании, что вновь возвращает к необходимости грамотной коалиционной работы.

В Китае сегодня растет количество профессионалов из сферы GR, что связано с усилением координации между государством, деловыми ассоциациями и отдельными компаниями. Все большее количество компаний обзаводятся специалистами по связи с органами власти, которые в том числе перенимают опыт крупных транснациональных компаний, ведущих свою деятельность в Китае. Бывшие китайские чиновники и высокопоставленные члены партии являются одними из наиболее востребованных экспертов для китайского бизнеса, что соответствует и общемировой практике. Лоббистские контакты стали повседневной практикой диалога между бизнесом и государством в Китае. В особенности данное взаимодействие развито в исполнительной ветви власти — министерствах и комиссиях Госсовета, органа, ответственного за проведение в жизнь законов и постановлений, принятых Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом.

Большую роль в продвижении групповых интересов в Китае играют четкое понимание законов и регулятивных рисков. Китайские регуляторы и надзорные органы крайне внимательно относятся к продвижению групповых интересов, в особенности если речь идет об иностранных компаниях. Однако «мнение о том, что китайская судебная система сложна и запутана, основано чаще всего на том, что иностранные компании пытались установить свои правила игры на китайском рынке, которые шли в разрез с китайским законодательством, ввиду чего китайская судебная система априори не могла выступать на их стороне»¹⁷.

Регулятивные риски следует оценивать исходя из конкретной отрасли. Однако регулятивные механизмы в Китае сильно отличаются от западных аналогов, с чем уже столкнулись многие российские компании, продвигающие свои интересы в Поднебесной. Например, «Сбер», решивший открыть филиал в Китае, столкнулся со сложным и бюрократизированным процессом со стороны

[org/program/understanding-the-role-of-chambers-of-commerce-and-industry-associations-in-united-front-work/](https://www.wilson.com/program/understanding-the-role-of-chambers-of-commerce-and-industry-associations-in-united-front-work/) (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁷ Непарко М.В., Фролова А.Ю. Проблемы и перспективы торгово-экономических отношений между Россией и Китаем для субъектов российского малого и среднего бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5–2. С. 155.

Народного банка Китая, что усугублялось коммуникационными трудностями. Как утверждал первый зампред правления “Сбера” Александр Ведяхин в конце 2022 г., “мы активно сейчас с ними [с Народным банком Китая] в коммуникациях, туда уехал огромный пакет документов, китайский регулятор очень скрупулезно относится ко всем документам и запрашивает их в очень большом количестве”¹⁸.

Россия находится лишь в начале пути налаживания системных контактов с китайскими партнерами и понимания работы китайских государственно-регулятивных механизмов. Однако это проблема практически всех незападных направлений продвижения российских групповых интересов. Отечественному бизнесу зачастую не хватает экспертных данных, качественной аналитики, знания языков, понимания того, как коммуницировать с представителями политических и деловых кругов. Это ставит перед российским государством, бизнесом, экспертным сообществом задачу быстрого поиска наиболее оптимальных коммуникационных и GR-стратегий, необходимых для действенного продвижения групповых интересов за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадиев Э., Подрез Т. Американские лоббисты помогут ВТБ решить проблему санкций // Известия. 2016.04.02. URL: <https://iz.ru/news/603191>

Ильичева Л.Е. Лоббизм в США: опыт функционирования // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 5.

Как осуществляется лоббизм в США и что можно позаимствовать для России. Исследовательская группа Terra America по заказу фонда ИСЭПИ. М., 2013.

Марченко В. Такой загадочный Китай: что ждет российского предпринимателя в Поднебесной? // Школа Сколково. 2018.14.08. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/takoj-zagadochnyj-kitaj-chto-zhdet-rossijskogo-predprinimatelja-v-podnebesnoj/>

Нармаев М., Синькевич А., Дэн В. Лоббизм в Китае: группы интересов // Современные проблемы международных отношений и мировой политики. М., 2019.

Непарко М.В., Фролова А.Ю. Проблемы и перспективы торгово-экономических отношений между Россией и Китаем для субъектов российского малого и среднего бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5–2.

Перегулов С.П., Уткин А.И., Костяев С.С. Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы. Институт США и Канады РАН. М., 2009.

¹⁸ Сбербанк направил в Китай “огромный пакет” документов для первого филиала // РБК. 2022.26.12. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/12/2022/63a99c579a79476186281438> (дата обращения: 30.04.2023).

Руденкова Д.Э. Регулирование лоббизма в Европейском союзе: история и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1.

Сбербанк направил в Китай “огромный пакет” документов для первого филиала // РБК. 2022.26.12. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/12/2022/63a99c579a79476186281438>

Состоятельность государства и национальные интересы России в глобальном мире: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 3.

Товарооборот России и Китая достиг рекордных \$190 млрд // Коммерсантъ. 2023.13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5761392>

Торговля России и Китая // TAdviser. 2023.30.01. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F

REFERENCES

Ahmadiev Je., Podrez T. Amerikanske lobbisty pomogut VTB reshiti' problemu sankcij [American lobbyists will help VTB solve the problem of sanctions] // Izvestija. 2016.04.02. URL: <https://iz.ru/news/603191> (in Russian).

Groot G. Understanding the role of Chambers of commerce and industry Associations in United front work // Jamestown Foundation. 2018.19.06. URL: <https://jamestown.org/program/understanding-the-role-of-chambers-of-commerce-and-industry-associations-in-united-front-work/>

Il'icheva L.E. Lobbizm v SShA: opyt funkcionirovanija [Lobbying in the USA: experience of functioning] // Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki. 2015. N 5 (in Russian).

Kak osushhestvljaetsja lobbizm v SShA i chto mozžno pozaimstvovat' dlja Rossii [How lobbying is carried out in the USA and what can be borrowed for Russia]. Issledovatel'skaja gruppa Terra America po zakazu fonda ISJePI. M., 2013 (in Russian).

Kanevskij P. Between diplomacy and lobbying: the case of Russia-EU relations // Working Paper. Workshop “Lobbying and Diplomacy: Two Faces of the Same Coin?” P., 2017.

Kerr P. Diplomatic persuasion: an under-investigated process // The Hague Journal of Diplomacy. 2010. N 5. P. 236.

Marchenko V. Takoj zagadochnyj Kitaj: chto zhdet rossijskogo predprinimatelja v Podnebesnoj? [Such a mysterious China: what awaits a Russian businessman in China?] // Shkola Skolkovo. 14.08.2018. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/takoj-zagadochnyj-kitaj-chto-zhdet-rossijskogo-predprinimatelja-v-podnebesnoj/> (in Russian).

Narmaev M., Sin'kevich A., Djen V. Lobbizm v Kitae: gruppy interesov [Lobbying in China: interest groups] // Sovremennye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovoj politiki. M., 2019 (in Russian).

Neparko M.V., Frolova A. Ju. Problemy i perspektivy torgovo-jekonomiceskikh otnoshenij mezhdru Rossiej i Kitaem dlja sub#ektor rossijskogo malogo i srednego biznesa [Problems and prospects of trade and economic relations between Russia

and China for Russian small and medium-sized businesses] // *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*. 2019. N 5–2 (in Russian).

Peregudov S.P., Utkin A.I., Kostjaev S.S. Lobbizm rossijskogo biznesa v SShA i ES: jevoljucija i perspektivy [Russian business lobbying in the US and EU: evolution and prospects]. Institut SShA i Kanady RAN. M., 2009 (in Russian).

Pigman G. Contemporary Diplomacy // *Polity*. 2010. N 2.

Rudenkova D. Je. Regulirovanie lobbizma v Evropejskom sojuze: istorija i perspektivy [Regulation of lobbying in the European Union: history and prospects] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2015. N 1 (in Russian).

Sberbank napravil v Kitaj “ogromnyj paket” dokumentov dlja pervogo filiala [Sberbank sent a “huge package” of documents to China for the first branch] // *RBK*. 26.12.2022. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/12/2022/63a99c579a79476186281438> (in Russian).

Sostojatel'nost' gosudarstva i nacional'nye interesy Rossii v global'nom mire: materialy kruglogo stola [Consistency of the state and national interests of Russia in the global world: materials of the round table] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2017. N 3 (in Russian).

Tovarooborot Rossii i Kitaja dostig rekordnyh \$190 mlrd [Trade turnover between Russia and China reached a record \$190 billion] // *Kommersant*. 2023.13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5761392> (in Russian).

Torgovlja Rossii i Kitaja [Trade between Russia and China] // *TAdviser*. 2023.30.01. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F (in Russian).

Wiseman G. “Polylateralism” and new modes of global dialogue. Diplomatic studies programme, Center for the study of diplomacy // *Discussion Paper*. 1999. N 59.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-103-119

ГАРРИ БРАВЕРМАН О РАБОЧЕМ КЛАССЕ И СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ОБЩЕСТВА XX в.

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1. стр. 33, Ленинские горы, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная статья посвящена творчеству американского ученого Гарри Бравермана. Актуальность статьи обусловлена, во-первых, трансформациями системы социальной стратификации, происходящими в американском обществе в середине XX в., а также поиском релевантных подходов для его изучения. Во-вторых, тем, что в отечественной социологии недостаточно внимания уделяют уникальному вкладу Бравермана в разработку теории социальной структуры, его активному участию в актуальной научной дискуссии, посвященной рабочему классу. Американский социолог исследовал проблемы трансформации рабочего класса, его места в системе стратификации и роли в развитии общества. Бравермана часто называют марксистом, на этом интерес к его творчеству часто прерывается. Его видение социальной структуры американского общества отличается оригинальностью и основано на большом личном опыте трудовой деятельности. Американский социолог изучал трудовые отношения, которые он наблюдал непосредственно в трудовом процессе. Одной из задач, поставленных автором статьи, является рассмотрение эвристического потенциала одного из известных в мировой социологии подходов к исследованию социальной стратификации. Гарри Браверман значительно способствовал тому, что социологическое объяснение системы социальной стратификации трансформируется во второй половине XX в. Он принял участие в научной дискуссии, посвященной структурным трансформациям, происходящим в средней части системы стратификации американского общества. Браверман выступил с критикой возникающих теорий “нового среднего класса”, противопоставляя им свою концепцию “нового рабочего класса”. Браверман в известной степени развил теорию отчуждения К. Маркса, дополнил ее с учетом современного этапа развития капитализма. Автор статьи предприняла попытку проследить исследовательскую логику американского социолога, а также показать его успехи в осуществлении точного и подробного пересмотра производствен-

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

ного процесса в момент его очередного острого кризиса, что, безусловно, явилось большим вкладом в развитие марксистской теории с учетом современных реалий, позволившим продвинуться вперед.

Ключевые слова: Гарри Браверман, новый рабочий класс, социальная структура, деградация труда.

HARRY BRAVERMAN ON THE WORKING CLASS AND STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF TWENTIETH CENTURY SOCIETY

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Professor of History and Theory of Sociology of Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, 33, Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

This article is devoted to the work of the American scientist Harry Braverman. The relevance of the article is due, firstly, to the transformation of the system of social stratification occurring in American society in the middle of the twentieth century, as well as the search for relevant approaches for its study. Secondly, the fact that Russian sociology does not pay enough attention to Braverman's unique contribution to the development of the theory of social structure, his active participation in the current scientific discussion on the working class. The American sociologist investigated the problems of transformation of the working class, its place in the system of stratification and its role in the development of society. Braverman is often called a Marxist, and interest in his work is often interrupted. His vision of the social structure of American society is distinguished by originality and is based on extensive personal work experience. An American sociologist studied labor relations, which he observed directly in the labor process. One of the tasks set by the author of the article is to consider the heuristic potential of one of the approaches known in world sociology to the study of social stratification. Harry Braverman significantly contributed to the fact that the sociological explanation of the system of social stratification is transformed in the second half of the twentieth century. He took part in a scientific discussion on structural transformations taking place in the middle part of the stratification system of American society. Braverman criticized the emerging theories of the "new middle class", contrasting them with his concept of the "new working class". Braverman to a certain extent developed K. Marx's theory of alienation, supplemented it taking into account the current stage of the development of capitalism. The author of the article made an attempt to trace the research logic of the American sociologist, as well as to show his success in carrying out an accurate and detailed revision of the production process at the time of its next acute crisis, which was certainly a great contribution to the development of Marxist theory, taking into account modern realities, which made it possible to move forward.

Key words: Harry Braverman, new working class, social structure, degradation of labor.

Американский социолог Гарри Браверман — известный в социологическом научном сообществе ученый, который занимался разработкой проблемы трансформации социальной структуры в

обществе второй половины XX в. Особое внимание исследователь уделял изменению положения рабочего класса. Данная проблема была близка американскому ученому не только с точки зрения науки, но также с точки зрения собственного практического опыта рабочей жизни, начатой в достаточно раннем возрасте. Браверман родился в 1920 г. в Нью-Йорке в рабочей семье, в течение жизни он сам работал подмастерьем медника на верфи, котельщиком, слесарем и бригадиром в доке. Американский социолог изучал трудовые отношения, которые он наблюдал непосредственно в трудовом процессе. Этот факт позволил расширить существующие представления в данной области, основанные в предыдущий период чаще на исследованиях кабинетных ученых.

Отечественной социологии мало известно о биографии и научной работе этого американского ученого, его труды до сих пор не переведены на русский язык и остаются недоступны широкой аудитории. Во введении к своему известному труду “Труд и монополярный капитал: деградация труда в XX столетии”, опубликованному в 1974 г., автор дает краткие автобиографические данные, описывая свою трудовую жизнь¹. Браверман проделал долгий путь от стажировки на военно-морских верфях до офисной работы, связанной с редакторской деятельностью. Американский социолог был увлечен социалистическими идеями, что привело его к участию в создании партии Социалистический союз (Социалистическая партия Америки), а также к работе в периодических изданиях, связанных с партийной деятельностью. Еще в 1930-х гг. он присоединился к троцкистскому движению. Браверман стал редактором журнала “*American Socialist*”, и оставался в этой должности вплоть до прекращения его существования в 1959 г. В начале 1960-х гг. он работал редактором в “*Grove Press*”. В 1967 г. возглавил редакцию журнала “*Monthly Review Press*”, в котором проработал до конца жизни. До 1952 г., публикуя свои статьи, он использовал псевдоним Гарри Франкель.

Большой интерес к социалистическим идеям способствовал тому, что он обратил внимание на развитие социалистического порядка в России в середине XX в., чему была посвящена другая работа Гарри Бравермана “*Будущее России*”, опубликованная в 1966 г.² Книга ученого вызвала большой интерес в США, поскольку в ней был представлен широкий спектр вопросов, связанных с развитием

¹ *Braverman H. Labor and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century. N.Y., 1998.*

² *Braverman H. The future of Russia. N.Y., 1966.*

социализма в российском обществе в то время, когда оно являлось до известной степени закрытым, а развитие нового социалистического порядка воспринималось в качестве возможной альтернативы капиталистическому. В данной работе Браверман раскрывал вопросы экономического развития и влияния плановой экономики, прошлого, настоящего и будущего характера потребления, качества жизни, равенства и неравенства социальных классов, проблемы советской культуры, возможности демократии в Советском Союзе, перспектив развития социализма и коммунизма³.

Эта книга осталась малоизвестной в России как в 1960-х гг., так и в настоящем. Автор книги с большим интересом отреагировал на трансформации, произошедшие в Советском Союзе после внутриполитических событий 1956 г., в частности после речи Н.С. Хрущева, раскрывшего деятельность И.В. Сталина. Американский социолог общался с польскими марксистами по вопросам содержания собственной книги, консультируясь с ними по разным интересующим его проблемам. По мнению Бравермана, Россия в этот период переживала ускоренный процесс либерализации, а также процесс интенсивного экономического роста. Он обратил внимание на вовлечение Советского Союза и США в своего рода экономическую гонку, итог которой, по прогнозам американского социолога, был очевиден, им должно было стать превосходство России, поскольку “у советской системы меньше проблем и больше перспектив, чем в капиталистических странах”⁴. Браверман отмечает, что экономический рост дал возможность не только либерализации и прогрессу, но также еще должен был привести к дальнейшим благоприятным политическим изменениям. По его мнению, Россия наконец сделала верный шаг к главным идеям своих основателей и встала на верный путь движения к социализму. Судя по содержанию этой книги, Браверман не только был сторонником социалистических идей, но и активно интересовался политическими вопросами Советского Союза, а также судьбой рабочего класса и структурными трансформациями в условиях капиталистической и социалистической систем. Для Бравермана Советская Россия была рабочим государством. Автору книги была близка позиция американских марксистов, связанная с сочувствием тяжелому положению рабочего класса в любом обществе, однако, его отличало собственное убеждение в том, что капитализм не может быть уничтожен, а тенденция доминирования огромных бюрократических структур и монополистического капитала сохранится.

³ *Braverman H. The future of Russia.*

⁴ *Ibid.* P. 18.

Вероятно, вследствие увлечения социалистическими идеями, а также занятием практической деятельностью, связанной с социалистическим рабочим движением, в современной социологии Гарри Бравермана часто называют марксистом, однако это не совсем верно. Во-первых, сам американский ученый не склонен был подчеркивать этот факт и признавался в том, что он даже не дочитал до конца основной труд К. Маркса «Капитал». Во-вторых, он скорее предпринимал попытки аргументированной критики в адрес доминирующего направления академического марксизма. Одним из направлений критики была распространенная тенденция рассматривать классы через призму классового сознания, а также традиция описывать проблемы классовой структуры как выражение идеологии. В 60-х гг. XX в. в научной социологии, как известно, усиливаются дебаты о трансформации рабочего класса, поднимаются следующие вопросы: становится ли рабочий класс классом потребителей, каковы перспективы этой трансформации, насколько он становится деполитизированным и исчезающим из общественной жизни. Также новую актуальность приобретают вопросы классового господства, его влияния на изменения характера производства. Размышляя об этих проблемах, Браверман в значительной степени критикует академический марксизм, что сближает его с некоторыми сторонниками неомарксизма середины — второй половины XX в. Часто работы Бравермана воспринимались как политические в большей степени, чем научные, однако, очевидно, что в их основе лежит глубокая и обоснованная критика академического марксизма. К середине XX в. можно заметить активизацию дискуссии, которая возникает между марксистами и академическими социологами в области решения некоторых вопросов, связанных с положением прежде всего рабочего класса, в особенности, когда изменение характера рабочего класса рассматривается с точки зрения культуры. Браверман описывал трансформации, происходящие в характере производства в течение последних ста лет, при которых рабочие были сведены другими мыслителями к объектам, пешкам в чужой интеллектуальной игре, с чем сам автор был категорически не согласен. Для американского ученого более близкими были идеи возвращения значимого активного рабочего. Он стремится отойти от традиции рассматривать характер рабочего класса с точки зрения культуры и заменить культурные акценты экономическими, более тесно связанными с реалиями жизни рабочих. Браверман указывал на тот факт, что марксизм (после Маркса) недостаточно учитывал изменившийся характер трудового процесса, произошедший за прошедшие сто лет. Автор упрекает последователей Маркса в том,

что они не в полной мере проникли в суть изменения производственных процессов и развития монополистического капитала, а также в трансформации профессиональной структуры рабочего населения, и соответственно они не смогли обогатить классическую марксистскую теорию новыми наблюдениями и выводами. Современники Бравермана отмечают огромную ценность его творчества, поскольку соглашались с тем, что даже самые последовательные и известные сторонники идей Маркса, такие как В.И. Ленин, Антонио Грамши и другие действительно не смогли в достаточной мере развить его идеи, а также учесть при этом влияние фордизма и специфику американского массового производства.

Интерес Бравермана к проблеме труда и монополистического капитала был обусловлен не только личными причинами, опытом принадлежности к среде рабочего класса, но также и событиями, наблюдаемыми автором в европейских странах и США. Речь идет о возрастающей борьбе рабочих в десятилетие, предшествующее году выхода в свет его работы “Труд и монополюный капитал” (1974). Анализируя произошедшие массовые забастовки в разных странах Европы, в Германии, Италии, Великобритании, Бельгии, как и во всем промышленно развитом мире, американский социолог обращает внимание на растущее неприятие рабочими сверхурочной работы, иерархии должностей, общего снижения квалификации. Самым ярким и показательным событием стала всеобщая забастовка, произошедшая во Франции в мае 1968 г., в государстве, которое являлось развитым и полностью индустриализованным. Однако не только в европейских странах молодые образованные рабочие бросали вызов основам капиталистического общества. В 1969–1970 гг. в США также прошли массовые протесты рабочих, в частности это забастовки рабочих предприятия Levi Strauss, забастовки на деревообрабатывающих заводах Миссисипи, а также в среде санитарных работников Мемфиса. В этот же период значительные забастовки проводили рабочие американской корпорации General Electric, и около четырехсот тысяч рабочих приняли участие в забастовке крупнейшей автомобильной корпорации General Motors в октябре 1970 г. Происходящие события демонстрировали кризис капиталистического разделения труда, переставшего быть само собой разумеющимся и скрытым аспектом жизни рабочего. Браверман производит точный и подробный пересмотр производственного процесса в момент его очередного острого кризиса, что, безусловно, явилось большим вкладом в развитие марксистской теории с учетом современных реалий, позволившим продвинуться вперед.

Современные зарубежные социологи часто возвращаются к пересмотру работы американского ученого “Труд и монополичный капитал”, отмечая, что анализ Браверманом трансформации трудовой сферы в широком смысле был только частью более масштабной проблемы, которую он развивал в отношении структуры рабочего класса Америки. Он опирался на новые эмпирические исследования профессионального состава, давая оценку структурной эволюции рабочего класса США за прошедшие сорок лет. Браверман раскрывал текущие проблемы безработицы и неполной занятости, несоответствия права на труд и фактической его реализации. Наряду с другими известными американскими и европейскими социологами, такими как Райт Чарлз Миллз⁵, Роберт Блонер⁶, Андре Горц⁷, Серж Малле⁸ Гарри Браверман стал активным участником научной дискуссии по вопросам трансформации социальной структуры капиталистического общества, роли, места и значения рабочего класса, проблемы декавалификации труда.

Безусловно, есть некоторые аспекты, сближающие Бравермана и Маркса, главным из которых была концентрация внимания, прежде всего, на производственных отношениях. В качестве основной проблемы рассматривался не механизм производства, а классовые различия, определяющие способ использования этого механизма. Американский социолог рассматривает капитализм как систему, в которой формируются и доминируют потребности капитала. В данной системе под воздействием сил конкуренции руководство предприятий и крупных корпораций вынуждено постоянно расширять и обновлять свой тщательный контроль над рабочей силой, что делает его непрерывным процессом, при котором капитал пересматривает и совершенствует господство над трудом. Вместе с тем автор рассматривает этот период как период монополистического капитализма, формирующегося с конца XIX в. и постепенно переходящего в стадию абсолютного доминирования над рынками и государствами благодаря развитию современного менеджмента. Монополистический характер капитала способствовал расширению слоя техников, не занятых непосредственно на производстве, с целью усиления управленческого контроля над производством. По мнению Бравермана, систематическое управление может быть введено только тогда, когда монополической прибылью будет достаточно для фи-

⁵ Mills C.W. White collar. N.Y., 1951.

⁶ Blanner R. Alienation and freedom. Chicago; L., 1964.

⁷ Gorz A. Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism. Boston, 1987.

⁸ Mallet S. The new working class. Nottingham, 1975.

нансирования исследований в области менеджмента. Американский социолог отмечает большую или даже решающую роль системы научного менеджмента, зародившуюся в работах Ф.У. Тейлора. Автор указывает на то, что тейлоризм являлся не просто одним из методов управления, но определяющей чертой капиталистического трудового процесса. По сравнению с другими теоретиками менеджмента, Тейлор “имел дело с основами трудового процесса и контроля над ним”⁹. Для наиболее полного понимания описанных Браверманом процессов следует обратить внимание на его представление о генезисе научной системы управления Тейлора. Автор показывает, что система тейлоризма сохраняется в качестве основной политики в сфере трудовых отношений как капиталистических, так и социалистических современных обществ. Он пишет: “Если тейлоризм и не существует сегодня как особая школа, то это никоим образом не означает того, что его принципы не используются на современном предприятии, ибо они легли в основу всей организации труда”¹⁰.

По мнению Бравермана, работодатели всегда стремятся установить максимальный контроль над действиями работников, именно эта идея получила максимальное развитие в тейлоризме или научном менеджменте. Он высоко оценивает значение научного менеджмента в формировании современной корпорации, а также любых социальных институтов капиталистического общества, которые непосредственно связаны с рабочими процессами. Сравнивая различные школы менеджмента (Мейо, Мюнстенберг) с тейлоровской, Браверман называет их новаторскими, однако замечает, что они скорее были ориентированы на приспособление работника к уже установленному трудовому процессу, заданному инженерной сферой. Именно школа менеджмента Тейлора соответствует современной системе капитализма, поэтому заслуживает особого внимания и тщательного изучения. Браверман не соглашается с теми точками зрения, согласно которым система менеджмента, разработанная Тейлором, устарела, и потому позднее была вытеснена другими более прогрессивными школами, динамика развития менеджмента говорит об обратном¹¹. При том что американский социолог не был теоретиком менеджмента, он подвергает подробному анализу всю работу Тейлора, начиная с описания особенностей его биографии, повлиявшей на взгляды и направления научного интереса теоретика.

⁹ *Braverman H. Labor and monopoly capital...* P. 85.

¹⁰ *Ibid.* P. 87.

¹¹ *Ibid.*

Американский социолог отмечает, что в числе прочего и канцелярский, сервисный секторы экономики оказались не меньше подвержены влиянию принципов тейлоризма, также как и производство. И канцелярский и обслуживающий труд тоже подвержены наблюдаемому процессу профессиональной деградации и деквалификации, поскольку это основная характеристика капиталистической системы производства. Браверман опирался и на свой собственный опыт офисной работы, приводя конкретные примеры работы операторов с компьютерами и информационными данными, которая мало чем отличалась содержательно от труда рабочих, в котором, вопреки ожиданиям, компьютеризированный труд не стал более творческим и свободным. Данные, с которыми работали операторы, были подготовлены в соответствии с чужой, заданной заранее системой, в процессе труда скорость ценилась превыше всего, а элемент мастерства был намеренно сведен к минимуму. Исследователь отмечал, что операторы работали с данными, однако, работа эта была унижительной, и как высказывались сами сотрудники, их труд практически ничем не отличался от работы на заводе за исключением меньшей оплаты.

Что касается автоматизации труда рабочих и распространения любых технических новшеств, о которых так много стали говорить во второй половине XX в., то, по мнению Бравермана, все это в первую очередь оказало влияние на снижение общего уровня производственной квалификации. В 70–80-х гг. XX в. было широко распространено мнение о том, что автоматизация и компьютеризация труда благотворно повлияют на положение рабочего класса, обогатят привычный рутинный труд. Браверман представляет собственную точку зрения (противоречащую взглядам некоторых своих современников) о том, что технические инновации в условиях капиталистической системы будут всегда использоваться, прежде всего, для ужесточения контроля над рабочим процессом, преследуя основную цель капитализма — получение большей прибыли. Интересными являются прогнозы Бравермана о том, насколько разрушительными окажутся в будущем новые компьютерные технологии и новые методы управления, которые пришли с ними.

Работа Бравермана “Труд и монопольный капитал: деградация труда в XX столетии” оказалась значимым событием в сфере социальной науки. Автор активно включился в научную дискуссию о деквалификации белых воротничков и развил некоторые идеи теоретиков менеджериального и развитого индустриального общества, а точнее поставил их под сомнение. Это была дискуссия о проблеме изменения характера индустриального труда и о рабочем классе в

условиях развитого индустриального общества. Основным тезисом было утверждение о неизбежной деградации промышленного труда, о снижении уровня квалификации рабочих, о нивелировании этой квалификации, что получило широкое освещение в работах Гарри Бравермана. Рабочий класс для него был основным предметом научного интереса, которому были посвящены и другие работы, в основном статьи (“Работа и безработица”, “Создание рабочего класса США” и др.)¹².

Браверман пересмотрел основные положения одного из известных теоретиков развитого индустриального общества Роберта Блонера, также принявшего участие в дискуссии о новом рабочем классе, по мнению которого именно технология влияет на экономические и инженерные ресурсы, а также на тип, специфику, уровень квалификации рабочей силы. Основные положения критического характера в адрес концепции Блонера были направлены на его утверждения о том, что автоматизация ведет к интеграции рабочего с предприятием, его ценностями и целями. Блонер был одним из представителей так называемой теории “нового среднего класса”, формирующегося из новых рабочих, которую опровергал Браверман. На основе этого опровержения была сформирована концепция, получившая в социологической литературе широко распространенное название “тезис Бравермана”, который привлек внимание многих обществоведов и активно обсуждался. Идеи, высказанные американским социологом в его работе “Труд и монопольный капитал” в 1980-х гг. захватили читателей настолько сильно, что появился даже термин “бравермания” для обозначения тех, кто горячо поддерживал эти идеи.

Если постараться свести основную идею главного труда Бравермана к одной фразе, то ее можно сформулировать так — при капитализме существует общая тенденция к деградации труда. В процессе генезиса капитализма происходят следующие изменения. В первые годы формирования капиталистического порядка преобладали квалифицированные рабочие, но с течением времени они были заменены неквалифицированными, теми, кто оказался обречен на униженный, мало уважаемый труд. Браверман описывает, как происходит процесс деградации труда рабочего. Изначально умение или профессионализм рабочего были основаны на ремесленном мастерстве. В процессе превращения производства в коллективный процесс разрушается и традиционное понятие мастерства. Изменя-

¹² *Braverman H. Work and unemployment // Monthly Review. 1975. Vol. 27. N 2. P. 18–31; Idem. The making of the US working class // Monthly Review. 1994. Vol. 46. N 6. P. 14–35.*

ется общее представление о мастерстве в новых условиях, в которых оно теперь понимается как специфическая сноровка, навык производить ограниченные повторяющиеся операции, умение начинает пониматься как скорость осуществления этих операций. То же самое относится и к офисной работе, которая также изначально была более квалифицированной профессией, благодаря новым необходимым навыкам. Новые возникающие навыки, по мнению Бравермана, с неизбежной тенденцией подчинялись власти руководства, капитал детерминировал этот процесс, преследуя свою постоянную цель — получение наибольшей прибыли, превращая работу в скучную и рутинную. Очевидно, что в процессе развития капиталистического способа производства деградирует само понятие мастерства, как и труд в целом. Учитывая происходящие процессы деградации, Брейверман дает оценку структурным трансформациям общества, указывая на то, что научно некорректно говорить о появлении “нового рабочего класса” как “нового среднего класса”. Тем самым он подвергает критике развивающиеся теории “нового среднего класса”, согласно которым речь идет о рабочих автоматизированной промышленности, которые превращаются в новый средний класс, поскольку они больше интегрированы в компанию, разделяют ее цели и ценности, а также отличаются минимальной агрессивностью и наименьшим уровнем отчуждения. По мнению Бравермана, можно наблюдать снижение квалифицированных требований к работе служащих. Вместе с тем отмечается отрыв рабочих от реального участия в принятии решений на производстве и максимальное снижение для них возможности контроля над их собственным трудовым процессом. Все это указывает на то, что в сложившейся ситуации уместнее говорить о пролетаризации общества и структурных трансформациях внутри категории рабочего класса. Что касается роли современной системы менеджмента, то изменения наблюдаются скорее в стиле управления, и в действительности никак не влияют на вовлечение в эти процессы самого рабочего, разве что менеджеры стараются создать иллюзию участия трудящихся в принятии решений и контроле трудового процесса.

Браверман в известной степени развил теорию отчуждения К. Маркса, дополнил ее с учетом современного этапа развития капитализма. Если по Марксу отчуждение представляет вневременное качество, относится к общему состоянию, характеризующему капитализм, то в соответствии с представлениями американского социолога, отчуждение или деградация труда является процессом, создаваемым и воспроизводимым системой капиталистического менеджмента.

Автоматизация производства, по мнению Бравермана, никак не способствует обогащению или усложнению труда рабочих и служащих. Наоборот, наблюдаются обратные процессы, при которых рабочий класс только проигрывает, поскольку он теряет контроль над собственным трудовым процессом и все больше попадает в зависимость от увеличивающейся власти менеджеров и инженеров. Браверман подвергает тщательному анализу происходящие процессы деградации труда. Он указывает на то, что умение рабочих снижается как в абсолютном смысле, под которым понимается традиционное ремесленное умение, так и в относительном. Браверман пишет: «Чем больше необходимо знать рабочему для того, чтобы сохранять в труде свое человеческое достоинство, тем меньше он знает. Это то самое расхождение, которое скрывается за понятием “средняя квалификация”»¹³.

Есть еще один важный аспект в исследованиях американского социолога. Браверман указывает на необходимость учета универсального рынка, в который превращается все общество в условиях монополистического капитализма, рынка, где все обращается в товар. В тот период времени, когда большая часть населения Америки жила на фермах и в маленьких городах, производство товаров носило ограниченный характер. Материальные нужды в большей степени удовлетворялись в рамках внутреннего домашнего хозяйства. Однако растущая урбанизация кардинально изменила ситуацию. Браверман подробно анализирует происходящие трансформации. Усиливающаяся урбанизация уничтожает прежние условия жизни людей. Он пишет: “Город замыкает круг вокруг рабочего и фермера, изгнанных со своей земли, не позволяя им обеспечивать себя за счет производства продовольствия для себя дома... Социальное давление стиля, моды, рекламы, образовательного процесса [наряду с] падением профессиональных навыков [творчества] стимулируют стремление каждого члена семьи получать независимый доход, ибо статус теперь определяется не умением делать многие вещи, а возможностью приобретать их... Функция семьи как кооперативного предприятия, работающего над воспроизводством определенного образа жизни, тем самым, окончательно теряет смысл”¹⁴. Таким образом современный монополистический капитализм оказывает большое влияние на трансформацию семьи и семейных отношений. По мнению Бравермана, наблюдается упадок семьи, который сопровождается исчезновением прежних внутриобщинных социальных

¹³ Цит. по: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 264.

¹⁴ *Braverman H. Labor and monopoly capital... P. 276–277.*

обязанностей, таких как забота о детях, пожилых, больных. Эти функции заботы все больше институционализируются, превращаясь в особые обслуживающие отрасли, которые также подчиняются закону капитала и направлены в первую очередь на принесение прибыли своим владельцам. Изменения в сфере института семьи ведут к возрастающей атомизации в обществе и связанным с ней проблемам, таким как нарушение возможностей социальной адаптации, росту преступлений и другим. В свою очередь это способствует ужесточению институциональных требований, увеличению количества тюрем, приютов, различных специальных социальных служб.

В современных капиталистических условиях увеличивается зависимость работающего населения от товаров, все больше растет разделение труда и специализация, учитывая это, людям труднее становится удовлетворить многие свои потребности. Браверман отмечает, что все члены капиталистического общества плотно опутаны сетью потребительских товаров и услуг, из которой достаточно сложно выбрать. «Эта ситуация усугубляется атрофией компетентности, которая наблюдается не только в производственной сфере... Нет нужды говорить о недостатках этой урбанистической цивилизации и о связанных с нею бедах. Нас больше интересует другая сторона универсального рынка с его бесчеловечными аспектами, которая затрагивает большую часть населения и заключается в деградации труда»¹⁵. Браверман рассматривает универсальный рынок и деградацию труда в качестве взаимосвязанных феноменов, обеспечивающих воспроизводство рабочими прибыли и в процессе производства, и в процессе потребления. Что касается видимых путей решения проблемы и выхода из сложившейся ситуации, то здесь американский социолог не считает возможной революционную трансформацию общества, он полагает, что налицо абсолютное господство капитала над трудом.

Наблюдения Бравермана за процессами автоматизации производства, деградации труда, уменьшения различий между конторой и цехом, позволяют ему сделать вывод об очевидном расширении рабочего класса за счет рабочих сферы обслуживания. Американский социолог утверждает, что тенденции в развитии труда, такие как широкая распространенность однородности условий труда, общее снижение квалификации, усиление управленческого контроля над трудом, приводят к пролетаризации широких трудовых масс, в том значении, которое было описано Марксом, а также к снижению уровня революционности рабочего класса.

¹⁵ *Braverman H. Labor and monopoly capital... P. 281.*

Многие современники Бравермана подвергли строгой критике его идеи деградации труда, решающей роли тейлоризма, развития монополистического капитала, роли рабочего класса. Нам не хотелось бы останавливаться подробно на этой критике в рамках данной статьи. Отметим только один аспект критики, который прозвучал со стороны феминистских социологов. Одной из претензий стало указание на то, что Браверман сводит весь рабочий класс исключительно к мужчинам, которые заняты на производстве. Второй аргумент касался обвинения американского социолога в недостаточном внимании проблеме угнетения женщин рабочего класса. Только один аспект этой проблемы был упомянут Браверманом и касался он женской безработицы. Автор признает, что женщины составляют идеальную резервную армию труда для массовых профессий. Остальные проблемы зависимого положения женщины в семье и обществе остались без должного внимания в творчестве американского социолога, как считают феминистские теоретики. Однако следует отметить, что Браверман все-таки старается дать расширенный анализ изменяющейся природы семьи. Возможно и неправомерно обвинять его в игнорировании проблемы угнетения женщин, скорее всего автору не удалось представить убедительных объяснений трансформации семьи как социального института, а также его влияния на промышленный трудовой процесс.

В действительности одна из глав знаменитой книги Бравермана, которая называется “Универсальный рынок”, содержит описание изменения семьи в условиях монополистического капитализма. Автор замечает, что при капитализме рынок все больше преобладает во всех аспектах жизни людей. В докапиталистических обществах семья выполняла функции производства, потребления. В капиталистических условиях семья стала утрачивать эти роли и становиться в большей степени ослабленным местом потребления. Женщины лишились своей традиционной прежней роли производителя в домашнем хозяйстве, теперь они производят потребительские стоимости на работе, находясь под воздействием капитала. В данном случае как раз большое значение имеет проведенный американским социологом анализ положения женщин в резервной армии труда.

Возможно, Браверман несколько идеализирует докапиталистическую семью и преувеличивает перспективы трансформации семьи как социального института в условиях капитализма, что уже встречалось в истории социальной мысли у марксистов начиная с XIX в. Одним из предположений последователей марксизма был прогноз распада семей рабочего класса, наступающего под влия-

нием процессов урбанизации и промышленного роста. Однако эти прогнозы не оправдались в течение всего XX в. Конечно, мы наблюдаем тенденцию сокращения размеров семьи и уменьшения объема домашней работы, увеличения количества разводов, широкого распространения альтернативного образа жизни, тем не менее, семья как социальный институт продолжает существовать и в условиях современного капитализма.

Гарри Браверман внес большой вклад в разработку важнейших вопросов, касающихся структурных трансформаций американского общества. Изменения в сфере труда, высокий уровень отчуждения и неудовлетворенности трудом актуализируют вопрос о том, являются ли данные изменения присущими капитализму в силу самой его природы и поэтому нередуцируемыми, или они являются продуктом техники, организации труда, культурно-политических изменений в сфере ценностей и идеологии, и соответственно поэтому могут быть подвержены управлению, исправлению и изменению. В своей работе “Труд и монопольный капитал” Г. Браверман отвечает на этот вопрос: “Мы имеем дело с фундаментальными чертами капиталистического общества, и это означает, что, несмотря на некоторые улучшения, предпринимаемые корпорациями, структура и функционирование капитализма практически полностью определяют современный процесс труда”¹⁶.

Современные технологии, по мнению Г. Бравермана, не столько обогащают труд, сколько способствуют поляризации квалификационных групп. Большинство “синих” и “белых” воротничков подвергаются деквалификации (знаменитый “deskilling thesis”) и все более подпадают под власть монополистического капитала. Особенно это касается возрастающей армии клерков. Классовое структурирование, таким образом, является здесь “первой производной” индустриального и постиндустриального разделения труда. Основной тенденцией изменения современной системы социальной стратификации, по Браверману, является изменение положения рабочего класса в этой системе, снижение уровня революционности и рост его инкорпорированности в общую систему капиталистического общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батуренко С.А. Современный рабочий класс в России: проблема социальной интеграции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 37–45.

¹⁶ Цит. по: *Полякова Н.Л.* Указ. соч. С. 266.

Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2007.

Бочаров В.Ю. Трудовые отношения российской рабочей молодежи клиентского сервиса // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1 (46). С. 177–186.

Кузнецов А.Е. Производя раздор: Браверман, Буравой, Кларк // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. Вып. 1 (2). С. 379–391.

Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

Полякова Н.Л. Труд в социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2004. № 2. С. 130–148.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.

Смирнов В.Э. “Непопулярный класс” в современном “обществе знания” // Социология. 2013. № 4. С. 107–115.

REFERENCES

Baturenko S.A. Sovremennyy rabochij klass v Rossii: problema social'noj integracii [The Modern Working class in Russia: the problem of social integration] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2011. N 4. P. 37–45 (in Russian).

Bell D. The end of ideology. N.Y., 1960.

Bell D., Inozemcev V.L. Jepoha razobshhennosti: Razmyshlenija o mire XXI veka. [The Era of Disunity: Reflections on the world of the XXI century]. М., 2007 (in Russian).

Blanner R. Alienation and Freedom. Chicago; L., 1964.

Bocharov V. Ju. Trudovye otnoshenija rossijskoj rabochej molodezhi klientskogo servisa [Labor relations of the Russian working youth of the customer service] // Social'no-trudovye issledovanija. 2022. N 1 (46). P. 177–186 (in Russian).

Braverman H. Labour and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century. N.Y., 1974.

Braverman H. Marx in the modern world // American Socialist. 1958. May.

Braverman H. The future of Russia. N.Y., 1966.

Braverman H. The making of the US working class // Monthly Review. 1994. Vol. 46. N 6. P. 14–35.

Braverman H. Work and unemployment // Monthly Review. 1975. Vol. 27. N 2. P. 18–31.

Corey L. The crisis of the middle class. N.Y., 1935.

Gorz A. Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism. Boston, 1987.

Kuznecov A.E. Proizvodja razdor: Braverman, Buravoj, Klark [Making analysis: Braverman, Drilling, Clark] // Social'nye i gumanitarnye nauki: teorija i praktika. 2018. Vyp. 1 (2). P. 379–391 (in Russian).

Mallet S. The new working class. Nottingham, 1975.

Mills C.W. White Collar. N.Y., 1951.

Poljakova N.L. Ot trudovogo obshhestva k informacionnomu: zapadnaja sociologija ob izmenenii social'noj roli truda. [From labor society to information society: Western sociology on the changing social role of labor]. М., 1990 (in Russian).

Poljakova N.L. XX vek v sociologičeskijh teorijah obshhestva. [The twentieth century in the sociological theories of society]. M., 2004 (in Russian).

Poljakova N.L. Trud v sociologičeskoj teorii [Labor in sociological theory] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2004. N 2. P. 130–148 (in Russian).

Radaev V.V., Shkaratan O.I. Social'naja stratifikacija. [Social stratification] M., 1996 (in Russian).

Smirnov V. Je. “Nepopuljarnyj klass” v sovremennom “obshhestve znanija” [The “unpopular class” in the modern “knowledge society”] // Sociologija. 2013. N 4. P. 107–115 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-120-139

КИНО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА

Т.С. Мартыненко, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, МГУ, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается кинематограф как предмет социологического анализа. Представлены подходы к концептуализации термина “кинематограф”, выявляется их специфика. Кинематограф рассматривается в качестве вида искусства, средства массовой информации и коммуникации, социального института и индустрии экономики. Выделяются функции и роль кинематографа в обществе.

Особое внимание в статье уделяется особенностям современного кинематографа, среди которых выделяются три основные — глобализация кинематографа, изменение модели производства кино и сериализация кинематографа. В контексте анализа глобализации кинематографа рассматриваются особенности производства и потребления кино. Выделяются позитивные и негативные социальные последствия процесса глобализации в сфере кинематографа. Подчеркивается, что особую роль в эпоху глобализации приобретает государство, которое способно регулировать и контролировать процесс распространения кинопродукции. Анализируется неравенство в сфере кинопроизводства.

В статье представлены характеристики современной модели кинопроизводства, связанные с высоким уровнем конкуренции в сфере киноиндустрии, а также контролем в области защиты прав на интеллектуальную собственность. Как следствие, в современном кинематографе часто встречается расширение сюжетных линий и создание ремейков, приквелов, сиквелов и кроссоверов. Описываются причины этого процесса, такие как коммерциализация, нежелание идти на риск, ориентация на массового потребителя и другие. В качестве третьей значимой черты современного кинематографа рассматривается сериализация. Анализируются социально-психологические, философские трактовки этого процесса. Представлена история сериализации, ее основные этапы и их характеристики. В заключении на основе проведенного анализа делается вывод о потенциальных траекториях развития современного кинематографа.

Ключевые слова: кинематограф, социология кино, кинематографический процесс, глобализация, сериализация, кинопроизводство, кинопотребление.

* Мартыненко Татьяна Сергеевна, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

CINEMA AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS: FEATURES OF MODERN CINEMATOGRAPHY

Martynenko Tatiana S., PhD in Sociological Science, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

The article analyzes cinema as a subject of sociological analysis. Approaches to the conceptualization of the term “cinema” are considered, their specificity is revealed. Cinematography is presented as an art form, mass media and communication, a social institution, and an industry of the economy. The functions and role of cinema in society are highlighted.

Particular attention is paid to the features of modern cinematography, among which there are three main ones — the globalization of cinematography, the change in the model of film production and the serialization of cinematography. The positive and negative social consequences of the process of globalization in the field of cinema are highlighted. It is emphasized that the state, which can regulate and control the process of distribution of film products, acquires a special role in the era of globalization. The inequality in the field of film production is analyzed.

The article presents the characteristics of the modern film production model associated with a high level of competition in the film industry, as well as control in the field of protection of intellectual property rights. In modern cinema, it is common to expand storylines and create prequels, sequels, and crossovers. The reasons for this process are described, such as commercialization, unwillingness to take risks, focus on the mass consumer, and others. Serialization is considered as the third significant feature of modern cinema. The history of serialization, its main stages and their characteristics are presented. In conclusion, potential trajectories for the development of modern cinema are presented.

Key words: cinematography, sociology of cinema, cinematic process, globalization, serialization, film production, film consumption.

История кинематографа сегодня насчитывает более сотни лет. И хотя кино представляет собой один из самых молодых видов искусства, оно по-прежнему является самым популярным и широко распространенным. Жизнь современного человека сложно представить без кино. Старшее поколение привыкло пересматривать на Новый год “Иронию судьбы”, для молодежи совместный просмотр фильмов в кинотеатре или дистанционном формате является привычным способом проведения досуга, поход в кино с родителями для детей представляет собой не только возможность провести время вместе, но и посмотреть долгожданную премьеру, насладиться художественными приемами и спецэффектами. Кино заставляет нас смеяться, плакать, сочувствовать. Кино отражает нашу жизнь и одновременно меняет ее. Эти изменения могут быть незначительными, как, например, повсеместное распространение стрижки “как

у Рэйчел” из сериала “Друзья”¹, а могут и нести за собой серьезные социальные реформы, что произошло после выхода фильма “Паразиты”, когда власти Южной Кореи начали масштабное финансирование программы ремонта небольших квартир, расположенных в подвалах домов². Социология уделяет значительное внимание кинематографу фактически с момента его изобретения, поскольку это позволяет выявить характеристики общества, отношение населения к отдельным социальным проблемам и явлениям, а также характеристики конкретных социальных групп и общностей. Целью данной статьи является выявление и анализ особенностей современного кинематографа. Работа базируется на комплексе общенаучных и специальных методов, ключевыми из которых являются сравнительно-исторический и генетический анализ. Прежде чем перейти к рассмотрению современного кинематографа, необходимо обозначить основные подходы к трактовке термина, а также подчеркнуть роль кинематографа в обществе.

Кинематограф: основные значения и подходы к концептуализации

На протяжении XX в. кинематограф пережил ряд преобразований, связанных с изменением технологий производства, распространения и потребления кинопродукции, и успешно к ним адаптировался. Кинематограф является предметом изучения не только социологии, но широкого спектра таких дисциплин, как философия, экономика, история, политология, социальная психология, психология и многих других. Соответственно, в зависимости от выбранной перспективы меняется и значение термина. В самом широком смысле кинематограф можно определить как “отрасль культуры и промышленности, осуществляющую производство фильмов и показ их зрителю; наиболее массовый вид искусства, важное средство политической и научной пропаганды”³.

Поскольку термин “кинематограф” имеет несколько значений, то может рассматриваться, как минимум, в следующих: кино как вид искусства, средство массовой информации и коммуникации, индустрия (сфера экономики) и социальный институт.

¹ Roche E. Jennifer Aniston’s a cut above for 11 million women // Express. 2010.26.05. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/177204/Jennifer-Aniston-s-a-cut-above-for-11-million-women> (accessed: 14.01.2023).

² Sharf Z. After historic ‘Parasite’ run, South Korea vows to improve semi-basement apartments // IndieWire. 2020.24.02. URL: <https://www.indiewire.com/2020/02/parasite-south-korea-improve-semi-basement-apartments-1202213182/> (accessed: 14.01.2023).

³ Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. С. 255.

Кинематограф как вид искусства представляет собой “вид художественного творчества, основанный на различных технических способах записи и воспроизведения изображения в движении, как правило, в сопровождении звука”⁴. Как отмечает В.А. Монастырский, “кино — искусство синтетическое, пространственно-временное, звукозрительное, объединяющее на технической основе в одно качественно новое художественное целое выразительные возможности многих искусств”⁵. В определении С.С. Васильева “кинематограф — это многообразное явление, объединяющее в себе следующие составляющие: сами картины как продукт кинотворчества; кинопроизводство; кинопрокат и сеть кинозрелищных предприятий, существовавших достаточно автономно; кинотеорию, включающую в себя кинопедагогику, историю и эстетику кино, а также кинокритику”⁶.

Кино входит в семейство традиционных видов искусства таких, как литература, музыка, изобразительное искусство и театр. Кинематограф занимает особое место среди других видов искусства, хотя в сравнении с, например, изобразительным искусством является более молодым. Это место определяется художественной природой кинематографа, поскольку он не только объединяет в себе выразительные возможности других видов искусства (например, театра, живописи и др.), но и представлен в различных пространственно-временных измерениях. В то же время кинематограф относится к семейству техногенных искусств, которое включает фотографию, собственно кино, телевидение и цифровое искусство⁷.

Кино как средство массовой информации и коммуникации представляет собой инструмент воздействия на общество, обладающий такими характеристиками, как массовость, техническая опосредованность и многоканальность, и выполняет ряд значимых функций. Один из наиболее известных теоретиков социологии коммуникации середины XX в. Г. Лассуэлл выделял три наиболее значимые функции любой коммуникации (включая массовую) по отношению к социальному целому: во-первых, “наблюдение за окружающей средой”, во-вторых, “выявление корреляции между отдельными частями обще-

⁴ Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/киноискусство>

⁵ Монастырский В.А. Кино как вид искусства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3–2 (23). С. 79–82.

⁶ Васильев С.С. Отечественный кинематограф на рубеже эпох: история кризиса. 1986–1996 гг. (на примере Краснодарского края): Автореф. дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2003. С. 3.

⁷ Агафонова Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск, 2008. С. 12. URL: <https://www.aup.com.ua/ml/conf/9.pdf>

ства при реагировании на окружающую среду», в-третьих, «передача социального наследия от одного поколения другому»⁸. По мнению М.И. Жабского, кинематограф сегодня представляет собой специфическое средство коммуникации, воздействующее на все ее уровни: от массовой коммуникации до автокоммуникации⁹.

Кино представляет собой также и индустрию экономики. На современном этапе развития общества культура все чаще коммерциализируется. Фактически с момента своего появления кинематограф представлял собой коммерческий проект, задачей которого было приносить прибыль. Несмотря на то что в современной России доля киноиндустрии в экономике довольно мала, кино обеспечивает рабочие места большому количеству людей разных профессий: от актеров до кассиров кинотеатров. Кассовые сборы некоторых фильмов достигают очень высокой отметки: так, по данным сервиса Кинопоиск, фильм «Аватар» режиссера Джеймса Кэмерона собрал 3 млрд рублей кассовых сборов только в российском прокате¹⁰. Более того, эти рубежи периодически преодолеваются: так, отечественный фильм «Чебурашка» Дмитрия Дьяченко в январе 2023 г. уже побил этот рекорд¹¹.

Наконец, рассмотрим кино как социальный институт. Социальные институты являются важнейшими элементами структуры общества, которые обеспечивают ее устойчивость, преемственность и последовательность. Н.Г. Осипова пишет о роли социальных институтов следующее: «Устойчивость связей и отношений в рамках социальной структуры общества, организация общественной жизни в целом осуществляется с помощью социальных институтов — специфических образований, воплощающих относительно устойчивые типы и формы социальной практики»¹².

М.И. Жабский подчеркивает, что «кино как институт представляет собой социальное образование, в пространстве которого люди коммуницируют с помощью специфического художественного языка, удовлетворяя свои эмоционально-познавательные и

⁸ *Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // Schramm W., Roberts D.F. The Process and Effects of Mass Communication. Urbana, 1971. P. 84–99. URL: http://sipa.jlu.edu.cn/__local/E/39/71/4CE63D3C04A10B5795F0108EBE6_A7BC17AA_34AAE.pdf (accessed: 27.12.2022). P. 217.*

⁹ *Жабский М.С. Кинематограф — зеркало или молот? М., 2010. С. 299–422.*

¹⁰ *Аватар (2009) // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/251733/> (дата обращения: 27.12.2022).*

¹¹ *«Чебурашка» обошел «Аватар» и стал самым кассовым фильмом в истории российского проката // Коммерсантъ. 2023.13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5771561> (дата обращения: 14.01.2023).*

¹² *Осипова Н.Г. Эволюция социальных институтов семьи, родства и брака в контексте гендерного неравенства // Образование и право. 2020. № 6. С. 114.*

инные потребности”¹³. Важнейшим элементом этого института является фильм, ключевым звеном, по мнению М.И. Жабского, — кинотеатр¹⁴, что, на наш взгляд, весьма спорно с учетом широкого распространения различного рода дистанционных платформ для просмотра фильмов.

Кино как социальный институт представляет собой совокупность определенных правил, норм, ценностей, организаций и соответствующую систему статусов и ролей, выполняющих значимые для общества функции. Регулируют кинематограф в нашей стране, например, Министерство культуры РФ и другие учреждения, контролирующие деятельность многочисленных киностудий, фестивалей, киногольдий и т.д.

Социологические характеристики кинематографа: функции, участники и измерения производства и потребления кино

Социологи изучают кинематограф с различных точек зрения¹⁵. С одной стороны, для социологов важно, как отражаются в кино отдельные социальные процессы, явления и проблемы. Кино позволяет переступить границы реальности и более широко смотреть на повседневность. Как подчеркивает М.С. Мкртычева, в этом отношении фантастический кинематограф может стать дополнительным инструментом познания проблем различных эпох¹⁶. Кино позволяет фиксировать, как меняется восприятие таких острых проблем, как, например, социальное неравенство¹⁷. С другой стороны, кино обладает “трансформативным потенциалом” и способно оказывать влияние на ценности, нормы и культуру¹⁸.

Важнейшими социологическими характеристиками кинематографа являются, во-первых, социальные функции, которые выполняет кинематограф, во-вторых, специфика участников процесса производства и потребления кинематографа, в-третьих, способы

¹³ Жабский М.С. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ См. подробнее: *Осипова Н.Г.* Кино // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М., 2005. С. 718–720.

¹⁶ *Мкртычева М.С.* Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-predmet-sotsiologicheskogo-izucheniya-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁷ *Мартыненко Т.С.* Образ социального неравенства в антиутопиях начала XXI в. // Кино и капитал. Материалы VI Международной научной конференции Центра исследований экономической культуры СПбГУ. СПб., 2017. С. 84–85.

¹⁸ См. подробнее: *Кашани Т.* Фильмы, которые меняют жизнь. Конструктивная трансформация в кино. Харьков, 2018.

оценки продуктов кинопроизводства, и, в-четвертых, характеристики киноаудитории и ее предпочтения. Рассмотрим каждый элемент подробнее, проследив их эволюцию в социологическом дискурсе.

Ключевой характеристикой являются социальные функции, тем не менее существуют различные взгляды на то, какие функции являются для кинематографа определяющими. Даже одни и те же исследователи предлагают различные функциональные наборы. Например, М.И. Жабский выделяет следующие группы функций. Во-первых, он выделяет эстетическую, социализирующую функции, функцию закрепления и развития системы общественных отношений и коммерческую функцию¹⁹. Во-вторых, подчеркиваются эвристическая функция, коммуникативная, познавательная, эстетическая, воспитательная и развлекательная функции²⁰. Если попытаться обобщить функции кинематографа, которые приписывают ему различные исследователи²¹, то можно отметить, что, во-первых, кино как социальный институт выполняет все универсальные функции, присущие социальным институтам. К таким функциям относят функцию определения, закрепления и воспроизводства связей и отношений, регулятивную функцию, интегративную функцию, коммуникативную функцию и транслирующую функцию²². Во-вторых, специфические функции — познавательную, эстетическую, адаптационную, развлекательную и другие функции.

Поскольку кино является и средством массовой информации и коммуникации, то ему свойственны также некоторые другие функции и дисфункции. Так, по мнению известных зарубежных социологов П. Лазарсфельда и Р. Мертон, средства массовой коммуникации выполняют следующие функции: статусообразующую функцию, функцию закрепления социальных норм и обладают “наркотизирующей” дисфункцией²³.

Кино как социальный институт включает в себя разнообразные социальные позиции, играющие различную роль в процессе

¹⁹ Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2005. № 4 (42). С. 47.

²⁰ Жабский М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 27.

²¹ См., например: Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2018; Жижек С. Киногид извращенца. Кино, философия, идеология: Сборник эссе. Екатеринбург, 2014; Кашани Т. Указ. соч.

²² Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2020. Ч. 2. С. 50.

²³ См. подробнее: Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. М., 2004. С. 139–147.

производства, распространения и потребления фильмов. В этом контексте важно выделить основных участников этих процессов. Как отмечает М.И. Жабский, “исторически самыми первыми участниками кинематографического процесса были создатель фильма и зритель”²⁴. Тем не менее уже в самом начале своего пути кинематограф представлял собой коммерческий продукт, а потому в качестве еще одного участника мы можем обозначить рынок.

Очевидно, что в процессе институционализации расширялся и список участников процесса кинопроизводства. В отечественной науке интересной представляется типология А.В. Федюка, который предложил разделить участников процесса кинопроизводства на три большие группы²⁵. Во-первых, “креативные участники”, к которым относятся все те, кто непосредственно задействованы в процессе создания произведений кино, например режиссеры, сценаристы, актеры, гримеры и др. Во-вторых, “коммерческие акторы”, т.е. все те, кто связан с процессом финансирования и продвижения кинематографа. К ним могут относиться спонсоры, бизнес-структуры, кинотеатры и интернет-платформы, чья деятельность связана с распространением кинопродукции. В-третьих, “политико-идеологические участники”, к которым относятся все те, кто регулирует, контролирует и цензурирует процесс кинопроизводства и распространения кинопродукции. К ним могут относиться органы государственной власти, общественные фонды, некоммерческие организации и другие лица, которые имеют право регулировать эту сферу. Также сюда относят кинокритиков и кинозрителей, которые высказывают свое мнение о фильмах и других кинопродуктах.

Поскольку отдельный фильм представляет собой целостность, то социологи М.И. Жабский, К.А. Тарасов и Ю.У. Фохт-Бабушкин выделяют четыре измерения кино²⁶. Во-первых, подчеркивается художественно-эстетическая ценность. Фильм в этом контексте рассматривается как художественное явление, которое необходимо оценивать с точки зрения профессионального уровня (использование выразительных средств, художественные особенности и подобное). Во-вторых, социологи обращают внимание на социальную (или зрительскую) ценность фильма. Чтобы оценить это измерение фильма исследователи изучают посещение кинотеатров,

²⁴ Жабский М.И. К вопросу о рынке в кино // Вестник ВГИК. 2016. № 3 (29). С. 128.

²⁵ Федюк А.В. Советская система кинопроизводства и кинопроката в 1920-е — 1930-е гг.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 2009. С. 14.

²⁶ Жабский М.И., Тарасов К.А., Фохт-Бабушкин Ю.У. Кино в современном обществе: функции — воздействие — востребованность. М., 2000. С. 24–25.

жанровые предпочтения зрителей и др. В-третьих, идеологическая ценность произведения киноискусства. Любой фильм несет в себе эксплицитно и имплицитно определенные ценностные установки, демонстрирует границы нормы. Последнее, четвертое, измерение фильма — это его коммерческая ценность, которое включает, прежде всего, доходы от распространения кинопродукции и соотношение бюджета к кассовым сборам.

Несомненно, это только некоторые социологические характеристики кинематографа. Помимо указанных социологи обращают внимание на особенности посещения кинотеатров, предпочтения зрителей, их социально-демографические характеристики, представленность женских и мужских образов в кино, их специфику, а также анализируют то, как кино отражает социальные проблемы и влияет на их решение.

Особенности современного кинематографа

В начале XXI в. кинематограф также приобретает новые черты и характеристики. Меняются и способ производства, и особенности потребления и распространения кинопродукции. Появление, например, стриминговых платформ (таких, как Netflix, Amazon Prime, Кинопоиск HD, Иви и др.) способствовало переходу от просмотра отдельных серий к выходу сразу целых сезонов. Количество часов выпускаемой кинопродукции увеличивается с огромной скоростью, в том числе это связано с тем, что сегодня технологический прогресс позволяет даже обычные смартфоны оснащать качественными камерами и приложениями для обработки видео. Тем не менее если постараться обозначить наиболее значимые или ключевые особенности кинематографа начала XXI в., то следует выделить, во-первых, глобализацию кинематографа, во-вторых, изменение модели производства кино, в-третьих, сериализацию кинематографа.

Глобализация кинематографа представляет собой явление, в котором процессы производства, распространения и потребления кинопродукции начинают приобретать глобальный характер. Фактически каждый аспект кинематографа сегодня подвергается процессу глобализации. Значительное влияние на этот процесс оказывают крупные корпорации, стремящиеся извлечь прибыль на глобальном рынке, а также попытки повсеместно распространить западные ценности, что на протяжении долгого времени обеспечивало интерес к продукции крупных западных компаний.

Процесс производства кинопродукции сегодня характеризуется глобальным разделением труда. С одной стороны, большое

количество фильмов создается обширными и многонациональными командами актеров, режиссеров, сценаристов и др. Кроме того, большое количество задач отдается на аутсорсинг, в том числе и креативных, поскольку с увеличением числа производимой кинопродукции в этот процесс вовлекается все больше людей. Развитие транспортных средств, значительные бюджеты современных кинофильмов, а также риски, связанные с трудно прогнозируемым спросом на кино, приводят к тому, что фильмы снимают сразу в нескольких странах мира. С другой стороны, возникают специализации отдельных стран, которые предлагают зрителю специфические сюжеты, героев и форматы. В качестве примера можно привести все более набирающие популярность у глобального зрителя азиатские драмы (встречаются и корейские, и японские, и многие другие) или турецкие сериалы, которые смогли погрузить различные регионы планеты в особенности собственной культуры.

Глобализация кинематографа, с одной стороны, имеет и свои положительные черты, например возможности культурного и профессионального обмена. Благодаря этому процессу широко распространяются технические достижения, новые приемы съемки и темы. С другой стороны, отношения между глобализацией и кинематографом не так однозначны, поскольку современное кино не только является результатом глобализации, но и одним из ее факторов. Как пишет российский социолог И.И. Подойницына: "...кино — символ и атрибут, а также проводник глобализации"²⁷. Особое влияние кинематограф в этом контексте оказывает, по мнению социолога, на провинциальные регионы России, потому что в отличие от других "проводников" (например, "живых" выступлений музыкальных групп) легко преодолевает пространство и время, а также доступен массовому зрителю.

Все это меняет и процесс потребления кино и приводит к глобализации культурных практик, когда люди по всему миру знакомы с одними и теми же персонажами и сюжетами. Как пишет М.И. Жабский: «Реальность такова, что национальные зрительские аудитории чуть ли не всего мира превратились, по существу, в "глобальную деревню", способную эффективно финансировать голливудское производство высокобюджетных фильмов»²⁸.

²⁷ Подойницына И.И. Кино как фактор глобализации и как глэм-продукт: к постановке проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3. С. 250.

²⁸ Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2005. № 4 (42). С. 45.

При этом во всех аспектах кинопроцесса наблюдается неравенство, когда режиссеры и продюсеры отдельных стран имеют больше возможностей, чем других. Особое влияние на все страны сегодня оказывает американский кинематограф, что является следствием, как минимум, значительных инвестиций и масштаба кинопроизводства. Как отмечает М.И. Жабский: «Стремясь поначалу завоевать мировой кинорынок, а затем все больше укреплять на нем свои позиции, Голливуд создал инфраструктуру глобального кинопроизводства и распространения собственной продукции»²⁹.

Глобализация кинематографа является процессом амбивалентным. С одной стороны, он расширяет наш кругозор, знакомит с культурой и обычаями других стран, позволяет путешествовать и при этом оставаться дома. С другой стороны, кинематограф превращается в «мягкую силу», при помощи которой одни страны пытаются оказывать влияние на другие через трансформацию ценностных установок и моральных ориентиров. Вновь обратимся к М.И. Жабскому: «Принято считать, что кино является зеркалом общества. В известном смысле так оно и есть, ибо в любом случае кинематограф создает и распространяет определенную идеологию, пусть даже сильно искаженную. Если предлагаемая зрителю картина мира создана в его собственной стране, воссоздает ее реалии, словом, национальна по своему характеру, кинематограф может выступать средством трансляции от поколения к поколению социального опыта данного общества, средством познания народом своей истории и культурной самобытности. Если же кинематографическая картина мира в основном импортируется, формирование средствами кино социокультурной идентичности индивида и народа в целом утрачивает национальные корни»³⁰. В этой связи каждому государству очень важно уделять внимание национальному кинематографу, поскольку регулирование этой сферы может способствовать поддержанию и укреплению национальной идентичности, ценностей, культурных образцов и др. В условиях широкого распространения интернета регулировать кинопотребление становится сложнее, поэтому значимым шагом становится стимулирование востребованного на национальном рынке кинематографа. В нашей стране особую роль в этом процессе играет Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии (коротко — Фонд кино), деятельность которого направлена на «под-

²⁹ Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе. С. 44.

³⁰ Там же. С. 48.

держание отечественной кинематографии, повышение ее конкурентоспособности, обеспечение условий для создания качественных фильмов, соответствующих национальным интересам, а также популяризацию национальных фильмов в Российской Федерации и за рубежом”³¹.

Вторая особенность, которую мы обозначили выше, связана с изменением модели производства фильмов. На протяжении истории кинематографа можно выделить несколько типичных “формул”, на основе которых создавалось, распространялось и потреблялось кино. Так, например, на раннем этапе развития кинематографа, кинокомпании являлись не только производителями кино, но и основными его дистрибьюторами. Впоследствии (с ростом этих компаний) это привело к монополизации рынка и потребовало изменить кинематографическую модель. Во второй половине XX в. под влиянием распространения телевидения (а значит, и появления другого все более доступного массовому потребителю средства массовой информации) кинематограф вновь изменился: сократилось количество фильмов, стали все чаще возникать совместные проекты различных киностудий.

С этой точки зрения современный кинематограф формирует свою модель кинопроизводства в условиях жестких мер ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности и серьезной конкуренции на рынке кинопродукции. В итоге это приводит к широко распространенному сегодня расширению сюжетных линий и их повторению. Если посмотреть на список фильмов, которые выходят в течение года, то легко заметить, что большая их часть является ремейком, т.е. по сути переснятым фильмом (например, фильм “Звонок” (2002) является “переделкой” фильма с тем же названием 1998 г.), сиквелом или приквелом, т.е. продолжает или предваряет события, которые уже были показаны в какой-либо картине (например, фильм “Стражи Галактики. Часть 3” (2023) является продолжением предыдущих фильмов), либо кроссовером, т.е. фильмом, в котором объединяются несколько сюжетов или персонажей (например, фильм “Бэтмен против Супермена: на заре справедливости” (2016) объединяет двух известных героев в одну сюжетную линию).

Можно обозначить несколько причин подобных сюжетных изменений современного кинематографа. Во-первых, это извлечение прибыли и коммерциализация кинематографа. Успешные проек-

³¹ История, цели и задачи Фонда кино // Сайт Фонда кино. URL: <https://www.fond-kino.ru/about/history/> (дата обращения: 10.01.2023).

ты выходят за границы кинематографа, становясь (подобно героям Marvel) не менее успешными коммерческими проектами. Это не только позволяет вновь и вновь выпускать продолжения, но сопровождать их выход производством товаров для фанатов — коллекционных кукол, атрибутов супергероев, костюмов для фестивалей комиксов и многого другого. Во-вторых, нежелание создателей идти на риск, поскольку новые персонажи, особенно в условиях избыточного числа кинокартин, могут не понравиться зрителям и не окупиться. Персонажи и сюжеты, к которым зрители уже привыкли, чаще всего гарантируют, как минимум, окупаемость. В-третьих, это ностальгия. Это касается в большей степени ремейков, которые способны переместить зрителя во времени, в его прошлое, обратиться к его воспоминаниям. Зрители с удовольствием воспринимают то, что напоминает им о детстве или молодости. Значительное внимание кинематографу в качестве средства ностальгии уделяет Ф. Джеймисон³². В-четвертых, на расширение и повторение сюжетов влияют авторские права и ограничения, связанные с интеллектуальной собственностью, поэтому сегодня, если компания приобретает весьма дорогостоящие права на изображение каких-то героев, то пытается использовать их максимально эффективно, извлекая прибыль так долго, насколько это возможно. Наконец, пятая причина заключается в том, что массовый зритель, а именно на него сегодня ориентируется большая часть кинокомпаний, не готов к новому или не способен это новое воспринимать.

Третьей значимой чертой современного кинематографа становится его сериализация, т.е. широкое распространение многосерийных фильмов, связанных одной или несколькими сюжетными линиями. Важно отметить, что сериализация присутствует не только в кинематографе, но и широко распространена и в других видах искусства, например в литературе и живописи.

Повсеместное распространение сериализации имеет несколько объяснений и причин. Наряду с коммерческим успехом подобных проектов и высоким уровнем конкуренции за потребителя, которого пытаются удержать всеми возможными способами, встречаются социально-психологические и философские трактовки этого феномена. Так, с социально-психологической точки зрения мы можем говорить о терапевтическом эффекте сериалов. «Проживание» жизни персонажа сериала, его тревог, поражений и побед позволяет человеку пережить собственные проблемы, а многообразие

³² Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014.

персонажей — найти объект для идентификации. Социокультурный смысл влияния фильмов, по мнению социолога А.В. Вайсбург, “заключается в компенсаторной функции, выраженной в том, что они позволяют человеку испытывать те эмоции, которые в обычной жизни он не всегда может испытать”³³.

По мнению отечественного культуролога А.А. Новиковой, сериалы способствуют распространению толерантности в самом широком смысле этого слова: “За полвека господства сериала как большой экранной формы зрители привыкли к многообразию и удивительным сочетаниям, асоциальному поведению персонажей, их трудностям в общении, аллергии на повседневность, разного рода чудачествам и нетрадиционным идентичностям”³⁴.

С философской точки зрения сериалы могут трактоваться как то, что задает “длительность” повседневной жизни. Если использовать терминологию французского постмодерниста Ж.-Ф. Лиотара, фактически сериалы стали выполнять функции метанарративов, которые направлены на описание и объяснение мира³⁵. К ним французский философ относит науку, религию, психологию и др. Несмотря на то что современный человек живет в обществе, в котором метанарративы перестают работать, он все равно нуждается в этих объяснительных системах, поэтому, в частности, сериалы начинают решать эту задачу. Способствует этому и продолжительность отдельных кинокартин (например, сериал “Симпсоны”³⁶ выходит уже более 30 лет), а также появляются целые киновселенные, такие как Marvel, DC, вселенная “Звездных войн”, “Властелина колец” и др.).

Первые сериалы появились еще в начале XX в. на рассвете голливудского кинематографа и были связаны с, прежде всего, значительными социальными трансформациями того времени. Как пишет З. Саламова: “Введение сериализации в американский кинематограф 1910-х гг. стало реакцией на несколько трансформационных процессов: становление среднего класса, способного больше тратить на досуг, превращение женщин в основных потребителей

³³ Вайсбург А.В. Роль кинематографа в процессе социализации молодого поколения // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 105.

³⁴ Новикова А.А. Сериал как инструмент социокультурного воздействия // Большой формат: экранная культура в эпоху трансмедийности. Т. 3. М., 2018. С. 129. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/316256556.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).

³⁵ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.

³⁶ Симпсоны (сериал 1989 — ...) // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/77164/> (дата обращения: 11.01.2023).

развлечений, изменение кино как медиума — возникновение нарративного фильма”³⁷.

Следующей причиной увеличения количества сериалов в общем числе выпускаемой кинопродукции в середине XX в. стало появление и распространение телевидения. Необходимость заполнения сетки вещания сделала сериалы механизмом, при помощи которого зритель вновь и вновь возвращался к экрану телевизора. Кинокритик Инна Кушнарева предлагает выделять две основные модели телевидения — британскую (или “попечительскую”) и американскую (или “коммерческую”)³⁸. Особенностью британского телевидения в течение долгого времени был его государственный статус, а потому и программы, в том числе сериалы, были призваны просвещать нацию, влияя на ее знания, ценности и установки. В то же время американское телевидение изначально было коммерческим, а потому в большинстве своем носило развлекательный характер. По мере распространения интернета американская модель взяла верх, тем не менее, в начале XXI в. сериалы прошли серьезную эволюцию: наряду с развлекательным содержанием в сериалах, в том числе американских, все чаще стали подниматься социальные проблемы, такие как бедность, социальное неравенство, одиночество в городе, преступность и многие другие.

Тем не менее только с появлением интернета, а также снижением его стоимости и увеличением скорости для обычного потребителя, сериалы стали фактически ключевой формой кинопроизводства. Особую роль в этом сыграли стриминговые платформы, т.е. сайты, специализирующиеся на демонстрации большого числа фильмов и сериалов за подписку (установленную ежемесячную плату за доступ к сервису). Особенность этих сервисов в том, что они не ограничены сеткой вещания, а потому могут одновременно предлагать очень разные продукты для совершенно разных целевых аудиторий. Потому их контент способен чаще всего удовлетворить самого требовательного потребителя (особенно когда речь идет о таких крупных платформах, как Netflix). Более того, техническое развитие сделало возможным демонстрацию фильмов и сериалов почти на всех устройствах, которые доступны пользователю. Этот фактор серьезно повлиял на практики кинопросмотров: по сути,

³⁷ Саламова З. Сериалы: от викторианских романов до видеоигр // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 362–368. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12087/ (дата обращения: 11.01.2023).

³⁸ Кушнарева И. Как нас приучили к сериалам // Логос. 2013. № 3 (93). С. 10.

потребление кино прошло трансформацию от коллективного просмотра в рамках конкретного места и времени до индивидуального просмотра в любом месте и в любое время.

Таким образом, кинематограф начала XXI в. обладает своими специфическими чертами, определяемыми, прежде всего, социальным контекстом. Представляется, что дальнейшие изменения кинематографа будут обусловлены рядом факторов. Во-первых, серьезное влияние оказывают технологические изменения. На протяжении всей истории кинематографа технологии во многом определяли способы коммуникации автора со зрителем (а иногда и возможности зрителя участвовать в процессе создания фильма, когда речь зашла об интерактивном кино). Появление звукового кино, а затем и цифровых технологий меняло не только возможности и степень воздействия кинематографа на общество, но и масштабы производства, распространения, хранения и потребления кинематографической продукции.

Сегодня появление технологий искусственного интеллекта также не может не оказать влияние на то, каким будет кино в ближайшие годы. Уже сегодня эти технологии позволяют писать сценарии, обрабатывать изображения, а также сокращать время производства фильмов на всех этапах. Все это может привести к тому, что, подобно картинам, которые создают по нашим запросам нейросети, мы будем получать собственные фильмы с любимыми персонажами и сюжетными линиями. Тем самым, несмотря на высокий уровень неравенства в доступе к новейшим технологиям, возможна дальнейшая демократизация кинематографа как вида творческой деятельности и изменение глобальной кинематографической модели. Во-вторых, должна произойти трансформация кинотеатра как практики потребления кинопродукции. На фоне развития интернета, пандемии новой коронавирусной инфекции и ряда других причин в последние годы происходит существенное снижение посещений кинотеатров. Очевидно, что интернет-платформы предлагают более широкие возможности доступа к кинопродукции. Тем не менее кинотеатр — это не только просмотр фильмов как таковой, но и практика совместного проведения досуга, которую не заменяют в полной мере существующие способы совместного дистанционного просмотра. Потому в ближайшие годы должны появиться новые формы совместного просмотра кино, которые смогут в полной мере удовлетворить эту общественную потребность. В-третьих, уже сегодня мы наблюдаем значительный рост, например, азиатского кино (а также рост его популярности в том числе у российского зрителя), пред-

ставляется, что эта тенденция будет наблюдаться и в дальнейшем: все чаще будет транслироваться западное кино, которое позволит лучше узнать культуру других стран. Это лишь некоторые потенциальные направления развития современного кинематографа. Тем не менее неоспоримым остается лишь одно: кино по-прежнему будет представлять собой предмет анализа и пристального интереса для современной социологии и других наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

“Чебурашка” обошел “Аватар” и стал самым кассовым фильмом в истории российского проката // Коммерсантъ. 2023.13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5771561> (дата обращения: 14.01.2023).

Агафонова Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск, 2008. URL: <https://www.aup.com.ua/ml/conf/9.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

Вайсбург А.В. Роль кинематографа в процессе социализации молодого поколения // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 105–111.

Васильев С.С. Отечественный кинематограф на рубеже эпох: история кризиса. 1986–1996 гг. (на примере Краснодарского края): Автореф. дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2003.

Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014.

Жабский М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 25–35.

Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2005. № 4 (42). С. 43–50.

Жабский М.И. Кинематограф — зеркало или молот? М., 2010.

Жабский М.И. К вопросу о рынке в кино // Вестник ВГИК. 2016. № 3 (29). С. 128–139.

Жабский М.И., Тарасов К.А. Российская социология кино в контексте развития общества // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 73–81.

Жижек С. Киногид извращенца. Кино, философия, идеология: Сборник эссе. Екатеринбург, 2014.

История, цели и задачи Фонда кино // Сайт Фонда кино. URL: <https://www.fond-kino.ru/about/history/> (дата обращения: 10.01.2023).

Кашани Т. Фильмы, которые меняют жизнь. Конструктивная трансформация в кино. Харьков, 2018.

Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003.

Кушнарева И. Как нас приучили к сериалам // Логос. 2013. № 3. С. 9–20.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2018.

Мартыненко Т.С. Образ социального неравенства в антиутопиях начала XXI в. // Кино и капитал. Материалы VI Международной научной конференции Центра исследований экономической культуры СПбГУ. СПб., 2017.

Мкртычева М.С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012.

№ 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-predmet-sotsiologicheskogo-izucheniya-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 12.01.2023).

Монастырский В.А. Кино как вид искусства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3–2 (23). С. 79–82.

Новикова А.А. Серил как инструмент социокультурного воздействия // Большой формат: экранная культура в эпоху трансмедийности. Т. 3. М., 2018. С. 119–130. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/316256556.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).

Осипова Н.Г. Кино // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М., 2005. С. 718–720.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2020.

Осипова Н.Г. Эволюция социальных институтов семьи, родства и брака в контексте гендерного неравенства // Образование и право. 2020. № 6. С. 114–125.

Подойницына И.И. Кино как фактор глобализации и как глэм-продукт: к постановке проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3. С. 250–262.

Саламова З. Серилы: от викторианских романов до видеоигр // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 362–368. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12087/ (дата обращения: 11.01.2023).

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. <https://kartaslov.ru/значение-слова/киноискусство>

Федюк А.В. Советская система кинопроизводства и кинопроката в 1920-е — 1930-е гг.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 2009.

REFERENCES

“Cheburashka” oboshel “Avatar” i stal samym kassovym fil'mom v istorii rossijskogo prokata [“Cheburashka” bypassed “Avatar” and became the highest grossing film in the history of Russian distribution] // Kommersant#. 13.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5771561> (data obrashhenija: 14.01.2023) (in Russian).

Agafonova N.A. Obshhaja teorija kino i osnovy analiza fil'ma [General Theory of Cinema and Fundamentals of Film Analysis]. Minsk, 2008. URL: <https://www.aup.com.ua/ml/conf/9.pdf> (data obrashhenija: 10.01.2023) (in Russian).

Dzhejmison F. Marksizm i interpretacija kul'tury [Marxism and the interpretation of culture]. М.; Ekaterinburg, 2014 (in Russian).

Fedjuk A.V. Sovetskaja sistema kinoproizvodstva i kinoprokata v 1920-e — 1930-e gg. [The Soviet system of film production and distribution in the 1920s — 1930s]: Avtoref. diss. ... k.i.n. Novosibirsk, 2009 (in Russian).

Istorija, celi i zadachi Fonda kino [History, goals and objectives of the Cinema Fund] // Fond kino. URL: <https://www.fond-kino.ru/about/history/> (data obrashhenija: 10.01.2023) (in Russian).

Kashani T. Fil'my, kotorye menjajut zhizn', Konstruktivnaja transformacija v kino [Films that change lives, Constructive transformation in cinema]. Har'kov, 2018 (in Russian).

Kononenko B.I. Bol'shoy tolkovyj slovar' po kul'turologii [Large explanatory dictionary of cultural studies]. М., 2003 (in Russian).

Kushnareva I. Kak nas priuchili k serialam [How we were taught to serials] // Logos. 2013. N 3. S. 9–20 (in Russian).

Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // Schramm W., Roberts D.F. The Process and Effects of Mass Communication. Urbana, 1971. P. 84–99. URL: http://sipa.jlu.edu.cn/_local/E/39/71/4CE63D3C04A10B5795F0108EBE6_A7BC17AA_34AAE.pdf (accessed: 27.12.2022).

Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]. M.; SPb., 1998 (in Russian).

Makljujen M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]. M., 2018 (in Russian).

Martynenko T.S. Obraz social'nogo neravenstva v antiutopijah nachala XXI v. [The image of social inequality in the anti-utopias of the early XXI century] // Kino i kapital. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Centra issledovanij jekonomicheskoy kul'tury SPbGU. SPb., 2017. S. 84–85 (in Russian).

Mkrtycheva M.S. Kino kak predmet sociologicheskogo izuchenija: vozmozhnosti i perspektivy [Cinema as a subject of sociological study: opportunities and prospects] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. N 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-predmet-sotsiologicheskogo-izucheniya-vozmozhnosti-i-perspektivy> (data obrashhenija: 12.01.2023) (in Russian).

Monastyrskij V.A. Kino kak vid iskusstva [Cinema as a form of art] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2001. N 3–2 (23). S. 79–82 (in Russian).

Novikova A.A. Serial kak instrument sociokul'turnogo vozdejstviya [The series as a tool of social and cultural influence] // Bol'shoj format: jekrannaja kul'tura v jepohu transmedijnosti. T. 3. M., 2018. S. 119–130. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/316256556.pdf> (data obrashhenija: 11.01.2023) (in Russian).

Osipova N.G. Kino [Cinema] // Jeffektivnaja kommunikacija: istorija, teorija, praktika. Slovar'-spravochnik. M., 2005. S. 718–720 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaja sociologicheskaja teorija [Modern sociological theory]. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G. Jevolucija social'nyh institutov sem'i, rodstva i braka v kontekste gendernogo neravenstva [The evolution of social institutions of family, kinship, and marriage in the context of gender inequality] // Obrazovanie i pravo. 2020. N 6. S. 114–125 (in Russian).

Podojnicyna I.I. Kino kak faktor globalizacii i kak gljem-produkt: k postanovke problemy [Cinema as a factor of globalization and as a glam product: to the formulation of the problem] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika. 2011. N 3. S. 250–262 (in Russian).

Roche E. Jennifer Aniston's a cut above for 11 million women // Express. 2010.26.05. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/177204/Jennifer-Aniston-s-a-cut-above-for-11-million-women> (accessed: 14.01.2023).

Salamova Z. Seryaly: ot viktorianskih romanov do videoigr [Series: from Victorian novels to video games] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. N 4 (140). S. 362–368. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12087/ (data obrashhenija: 11.01.2023) (in Russian).

Sharf Z. After historic "Parasite" run, South Korea vows to improve semi-basement apartments // IndieWire. 2020.24.02. URL: <https://www.indiewire.com/2020/02/parasite-south-korea-improve-semi-basement-apartments-1202213182/> (accessed: 14.01.2023).

Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] / Pod red. A.P. Evgen'evoj. M., 1999. <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/ki-noiskusstvo> (in Russian).

Vajsburg A.V. Rol' kinematografa v processe socializacii molodogo pokolenija [The role of cinema in the process of socialization of the young generation] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Nauki ob obshhestve i gumanitarnye nauki. 2018. N 2. S. 105–111 (in Russian).

Vasilev S.S. Otechestvennyj kinematograf na rubezhe jepoh: istorija krizisa. 1986–1996 gg. (na primere Krasnodarskogo kraja) [Domestic cinema at the turn of eras: the history of the crisis. 1986–1996 (on the example of the Krasnodar Territory)]: Avtoref. diss. ... k.i.n. Krasnodar, 2003 (in Russian).

Zhabskij M.I. Globalizm i funkcii kino v obshhestve [Globalism and the functions of cinema in society] // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. 2005. N 4 (42). S. 43–50 (in Russian).

Zhabskij M.I. K voprosu o rynke v kino [To the question of the market in cinema] // Vestnik VGIK. 2016. N 3 (29). S. 128–139 (in Russian).

Zhabskij M.I. Kinematograf — zerkalo ili molot? [Cinema — a mirror or a hammer?]. M., 2010 (in Russian).

Zhabskij M.I. Vesternizacija kinematografa: opyt i uroki istorii [Westernization of cinema: experience and lessons of history] // Sociologičeskie issledovanija. 1996. N 2. S. 25–35 (in Russian).

Zhabskij M.I., Tarasov K.A. Rossijskaja sociologija kino v kontekste razvitija obshhestva [Russian Sociology of Cinema in the Context of Society Development] // Sociologičeskie issledovanija. 2019. N 11. S. 73–81. DOI: 10.31857/S013216250007449-6 (in Russian).

Zhizhek S. Kinogid izvrašhenca. Kino, filosofija, ideologija: sbornik jesse [Film guide pervert. Cinema, philosophy, ideology: a collection of essays]. Ekaterinburg, 2014 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ И УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-140-167

К ВОПРОСУ О ПРОГНОЗИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФЕРТОВ ДЛЯ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ

Т.Ю. Яковец, канд. эконом. наук, академик Российской академии естественных наук, ученый секретарь Отделения проблем народонаселения Российской академии естественных наук, пер. Сивцев Вражек, д. 29/16, г. Москва, Российская Федерация, 119002*

В.В. Голубков, канд. физ.-мат. наук, Отделение проблем народонаселения Российской академии естественных наук, пер. Сивцев Вражек, д. 29/16, г. Москва, Российская Федерация, 119002**

Работа является продолжением исследования, выполненного в 2017 г. и опубликованного в журнале “Экономика и математические методы” (2018 г., № 4). Формулируется необходимость в форс-мажорной для страны ситуации с целью недопущения резкого падения уровня жизни населения страны повысить роль социальных трансфертов. Особая роль этому отводится в условиях современной демографической ситуации в России. Обосновывается целесообразность разработки и принятия на уровне федерального закона Социальной доктрины РФ 2025–2030 гг. Рассматриваются основные положения такой Доктрины, разработанные Н.М. Римашевской и С.С. Сулакиным. Приводятся основные принципы Социальной доктрины и ее составные части. Дана схема взаимосвязей моделей при прогнозировании социальных трансфертов. Приводится схема классификации регионов РФ для проведения модельных демографических расчетов на основе территориально-этнического принципа на базе значений показателей естественного прироста населения и интегрального индекса качества жизни и его ранга, рассчитанных Л.А. Миграновой. Рекомендовано проводить расчеты по моделям как 12-региональную связку. Проанализировано на статистическом материале влияние уровня ВВП на основные демографические показатели. В качестве примеров моделирования демографических показателей как функций от ВВП на душу населения были взяты следующие показатели:

* Яковец Татьяна Юрьевна, e-mail: tzag@mail.ru

** **Голубков Виктор Владимирович**

суммарный коэффициент рождаемости, средний возраст женщин при рождении ребенка, ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении, ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении. Предлагаются показатели оценки эффективности системы социальных трансфертов.

Ключевые слова: социальные трансферты, социальная доктрина, ВВП, коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, классификация регионов России.

ON THE ISSUE OF FORECASTING SOCIAL TRANSFERS FOR THE MACRO- REGIONS OF RUSSIA

Yakovets Tatiana Y., Candidate of Economic Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Scientific Secretary of the Department of Population Problems of the Russian Academy of Natural Sciences, per. Sivtsev Vrazhek, 29/16, Moscow, Russian Federation, 119002, e-mail: tzag@mail.ru

Golubkov Viktor V., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Department of Population Problems of the Russian Academy of Natural Sciences, per. Sivtsev Vrazhek, 29/16, Moscow, Russian Federation, 119002

The work is a continuation of the research carried out in 2017 and published in the journal "Economics and Mathematical Methods" (2018, N 4). The need is formulated in a force majeure situation for the country to prevent a sharp drop in the standard of living of the population of the country to increase the role of social transfers. A special role belongs to this in the conditions of the modern demographic situation in Russia. The expediency of the development and adoption at the level of the federal law of the Social Doctrine of the Russian Federation 2025–2030 is substantiated. The main provisions of such a Doctrine developed by N.M. Rimashevskaya and S.S. Sulakshin are considered. The basic principles of the Social Doctrine and its components are given. The scheme of interrelations of models in forecasting social transfers is given. The scheme of classification of regions of the Russian Federation for carrying out model demographic calculations based on the territorial-ethnic principle based on the values of indicators of natural population growth and the integral index of quality of life and its rank calculated by L.A. Migranova is given. It is recommended to carry out calculations using models as a 12-regional bundle. The influence of the level of GDP on the main demographic indicators is analyzed on statistical material. As examples of modeling demographic indicators as functions of GDP per capita, the following indicators were taken: total fertility rate; average age of women at birth; life expectancy of men at birth; life expectancy of women at birth. Indicators for evaluating the effectiveness of the social transfer system are proposed.

Key words: social transfers, social doctrine, GDP, fertility rate, mortality rate, classification of Russian regions.

Исторически в СССР социальные трансферты гражданам осуществлялись через пенсионную систему и общественные фонды потребления. Это позволяло удовлетворять самые насущные социальные и экономические потребности населения. В условиях современных беспрецедентных санкций со стороны ведущих экономик мира народное хозяйство РФ вынуждено будет “выживать”, и в таких условиях роль социальных трансфертов в доходах населения повысится.

Россия, как социальное государство по Конституции РФ, ставит в качестве целей социально-экономического развития страны повышение уровня и качества жизни своих граждан, увеличение их численности и поддержание необходимого уровня национальной безопасности. Это подтверждает стратегия реализации Национальных проектов до 2024 г. и утверждено в Указе о целях национального развития на период до 2030 г. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” отмечено, что необходимо формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете.

Государственное регулирование социодемографических процессов предполагает целенаправленное проведение эффективной социальной политики в интересах граждан и в интересах государства. Социальная политика на макроуровне — это использование централизованных ресурсов государства в интересах безопасности и комфортного проживания его граждан, роста их численности, на микроуровне — благополучие семей, домохозяйств как ячеек всего общества. Поскольку российская экономика интегрирована в мировую, влияние санкций будет ощутимо и на макро-, и на микроуровнях в течение некоторого времени.

Социальные трансферты — это связь таких макро- и микроуровней в рамках формирования пенсионной системы, системы обязательного медицинского страхования и системы государственных минимальных социальных стандартов. Для неработающих граждан данные социальные стандарты — пенсии и пособия, для работающих — повышение прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, для всех — здравоохранение, образование, ЖКХ, культура, туризм, спорт. Прогнозирование этих величин на среднесрочную перспективу — необходимое условие адекватной социально-экономической политики в будущем. Это актуализируется в связи с преобразованием с 1 января 2023 г. Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования в Социальный фонд РФ.

Особенно повышается роль социальных трансфертов в условиях современной пандемии, мирового финансово-экономического кризиса и санкций. Заболеваемость от коронавируса и карантинные мероприятия уменьшили налоговые поступления как в стране, так и в регионах, и увеличили нагрузку на здравоохранение и социальные выплаты. Принимаемые государством экстренные социально-экономические меры способствовали предотвращению кризисных явлений в народном хозяйстве РФ, но они носили форс-мажорный характер. По окончании коронавирусной пандемии и в новых внешнеэкономических условиях руководству страны придется пересматривать свои стратегии в социально-экономической сфере, в том числе и в рамках реализации Национальных проектов. В глобальном мире происходит бифуркация развития, человечество переходит на новый аттрактор своей динамики¹. Россия, как часть глобальной целостности, тоже участвует в данном процессе. Поэтому с учетом происшедших изменений в глобальной динамике и во внешней политике необходимо перманентно вырабатывать долгосрочную социальную стратегию в нашей стране.

Эта статья является продолжением исследования по гранту РГНФ (РФФИ), результаты которого были опубликованы в журнале “Экономика и математические методы” в № 4 за 2018 г.² Авторы³ учитывали всю сложность текущего социально-экономического положения России и мира, вызванного пандемией коронавируса, внешнеэкономическим положением России и назревающим мировым финансово-экономическим кризисом. В этих условиях резко возрастает роль социальных трансфертов населению от государства, что является основным инструментом поддержания уровня и качества жизни россиян. Но и по истечении форс-мажорной ситуации в стране определяющая роль социальных трансфертов сохранится, что требует прогнозирования их величин на период действия вырабатываемой социальной политики. Особую роль социальные трансферты приобретают в связи с тем, что академик РАН А.Г. Аганбегян на V Римашевских чтениях, состоявшихся в ИСЭПН ФНИСЦ РАН им. Н.М. Римашевской 29.03.2022, охарактеризовал ситуацию в стране как *демографическую катастрофу*.

¹ Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мировом хозяйственном укладах. М., 2018.

² Голубков В.В., Яковец Т.Ю. Прогноз демографической ситуации в России до 2033 года // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 4. С. 71–87.

³ В.В. Голубков умер в феврале 2022 г. и в статью включен подготовленный им материал.

Социальная доктрина РФ 2025–2030 гг. и социальные трансферты

Расчет будущих финансовых потоков между макро- и микроуровнями социальной политики до внедрения методов “цифровой экономики” производился в основном экспертно. Хорошо были налажены исчисления потоков налогов от микроуровня на макроуровень, но потоки “сверху вниз” требуют своей прогнозной оценки. В работе Е.А. Коломак и Т.В. Сумской⁴ делается статистическая оценка эффективности федеральных трансфертов, но не учитывается их влияние на демографические характеристики регионов. Форс-мажор 2022 г. и дальнейшая реализация в 2023–2025 гг. Национальных проектов РФ позволят получить необходимые данные для научного анализа результатов такой деятельности. Поэтому с учетом накопленного опыта нам кажется необходимым для соблюдения преемственности в социальной политике РФ к 2025 г. разработать и принять Социальную доктрину РФ 2025–2030 гг. с демографическим императивом, утвержденную на уровне федерального закона. Для ее разработки потребуются проведение прогнозных расчетов, прежде всего, в сфере демографии. От демографического тренда и результатов экономического развития будет зависеть характер социальных трансфертов государства населению.

Разработку Социальной доктрины РФ для переходного периода в 2003 г. предложила советник РАН, член-корреспондент РАН, профессор Н.М. Римашевская. В своей монографии “Человек и реформы. Секреты выживания” (2003) она пишет: “Основу социальной политики российского государства составляет социальная доктрина, включающая аналитические и теоретические представления о современной социальной ситуации, ключевые проблемы и противоречия в социальной сфере, критерии и принципы социальной политики переходного периода, концептуальный подход к построению социальной программы действий, механизмы и способы решения важнейших социальных задач”⁵. Н.М. Римашевская разработала семь принципов российской социальной доктрины:

1. Оптимальное сочетание либерализма и социальных гарантий⁶.
2. Радикальное повышение трудовой мотивации.

⁴ Коломак Е.А., Сумская Т.В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 03.03.2022).

⁵ Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М., 2003. С. 189.

⁶ Этот принцип переходного периода, сейчас это оптимальное сочетание государственного регулирования и рыночных механизмов в социальной политике.

3. Суверенитет семьи⁷.
4. Активизация местного самоуправления, благотворительных организаций, социальных инициатив.
5. Взаимодействие федеральных и региональных усилий.
6. Эшелонирование мероприятий во времени.
7. Учет гендерных и национально-этнических аспектов состояния населения⁸.

По мнению Н.М. Римашевской, область социальной доктрины может быть представлена четырьмя сегментами:

1. Население как объект социальной политики.
2. Население как субъект социальной деятельности в основных сферах жизни общества.
3. Социальная инфраструктура.
4. Качество социальной жизни⁹.

При выработке социальной политики России Н.М. Римашевская предлагала формирование и корректировку минимальных социальных нормативов, и комплексное использование перераспределительных механизмов.

К сожалению, Н.М. Римашевской не удалось реализовать на практике свои теоретические наработки в области социальной доктрины, но ее научное наследие, включая уникальные пятидесятилетние лонгитюдные исследования¹⁰ населения г. Таганрога¹¹ является неоценимым вкладом в развитие науки, занимающейся социодемографическими процессами в РФ.

В 2010 г. к разработке Социальной доктрины РФ предложил приступить Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под управлением профессора С.С. Сулакшина, выпустив книгу «Социальная доктрина Российской Федерации. Макет-проект»¹². Авторы данной монографии определили

⁷ Принцип суверенитета семьи: государство признает, уважает и защищает суверенитет семьи и избегает принятия мер, нарушающих этот суверенитет и имеющих целью оказать экономическое или иное давление на семью, повлиять на ее решения в экономической, демографической или другой области ее жизни.

⁸ Римашевская Н.М. Указ. соч.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ Лонгитюдное исследование (англ. longitudinal study от longitude — «долговременный») — научный метод, применяемый, в частности, в социологии и психологии, в котором изучается одна и та же группа объектов (в психологии — людей) в течение времени, за которое эти объекты успевают существенным образом поменять какие-либо свои значимые признаки.

¹¹ Таганрогские исследования: полвека спустя / Под науч. ред. Н.М. Римашевской, В.В. Локосова. М., 2017.

¹² Социальная доктрина Российской Федерации. М., 2010.

цели Социальной доктрины, ее ценностный подход, адаптивность и стабильность, функции. Но, на наш взгляд, они не учли такую важнейшую функцию Социальной доктрины РФ, как поддержание состояния социальной безопасности в России¹³.

Национальные проекты, реализуемые в настоящее время в стране, рассчитаны до 2024 г., Концепция демографической политики РФ — на период до 2025 г. Поэтому мы предлагаем к 2025 г. разработать и принять на уровне федерального закона Социальную доктрину РФ 2025–2030 гг. Подобно тому, как Военная доктрина РФ разрабатывается для поддержания военной безопасности страны, что закреплено в Конституции РФ, Социальная доктрина должна способствовать сохранению социальной безопасности государства¹⁴ и не допускать “сваливание” страны в социальную катастрофу подобно той, 100-летие которой мы недавно отмечали.

Социальная доктрина РФ 2025 г. своей составной частью должна иметь раздел, касающийся механизмов и институтов социальных трансфертов в России на период действия данной Доктрины. Это предполагает их прогнозирование с помощью построения системы моделей, имитирующих механизмы перераспределительных процессов на мезоуровне в стране. В основе данной системы моделей лежит демографическая модель макрорегиона¹⁵. Она же лежит и в основе описания социально-экономического положения макрорегиона — от численности и структуры населения зависят как ВРП¹⁶, так и необходимый объем “потребления” социальных трансфертов в макрорегионе.

Для построения такой системы моделей мы предлагаем использовать накопленный нами опыт при создании Глобальной 9-регио-

¹³ Социальной доктрине посвящена глава в монографии: *Яковец Т.Ю.* Государственное регулирование социодемографических процессов в России (2017). М., 2019. URL: <http://www.isesp-ras.ru/monograph/2019-05-30-10-45-37> (дата обращения: 31.03.2020). Данная монография в 2020 г. была удостоена Бронзовой медали Н.Д. Кондратьева.

¹⁴ Подробнее про социальную безопасность в статьях: *Яковец Ю.В., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю.* Социальная безопасность как основа социальной политики РФ // Стратегические приоритеты. 2017. № 2. С. 26–40. URL: <http://sec.chgik.ru/sotsialnaya-bezopasnost-kak-osnova-sotsialnoy-politiki-rf-2/> (дата обращения: 31.03.2020); *Яковец Т.Ю.* Социальная безопасность — основа российской устойчивости // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 245–251.

¹⁵ Подробно демографическая модель на макроуровне рассмотрена в статье: *Голубков В.В., Яковец Т.Ю.* Указ. соч.

Категория “макрорегион” на мезо-уровне управления социо-демографической сферой России будет рассмотрена ниже.

¹⁶ ВРП — валовый региональный продукт, обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования.

нальной модельной связки советской модели “Римского клуба” во ВНИИСИ АН СССР в 1976–1983 гг.¹⁷ Авторы данной статьи принимали участие в этом исследовании. Для реализации этого моделирования необходимо осуществить следующие действия:

1. Построить адекватную систему интерактивных имитационных моделей описываемого объекта.
2. Собрать необходимую информацию.
3. Разработать сценарный аппарат.
4. Организовать вычислительные процедуры.

В этой статье мы останавливаемся на методике выделения макрорегионов на территории РФ и методологии увязывания демографической и макроэкономической моделей макрорегиона (демографическая модель была ранее нами описана¹⁸). Прогноз социальных трансфертов основывается на сценарном задании перераспределительных процессов в ВРП, зависящих от трех факторов:

1. Численности и структуры населения макрорегиона, на которые влияют социальные трансферты предыдущих периодов.
2. Объемы и структуры произведенного ВРП.
3. Межрегиональных связей и межбюджетных отношений.

Система моделей для прогнозирования социальных трансфертов на уровне макрорегиона представлена на рис. 1. Для России оценка будущих социальных трансфертов делается путем агрегирования региональных данных.

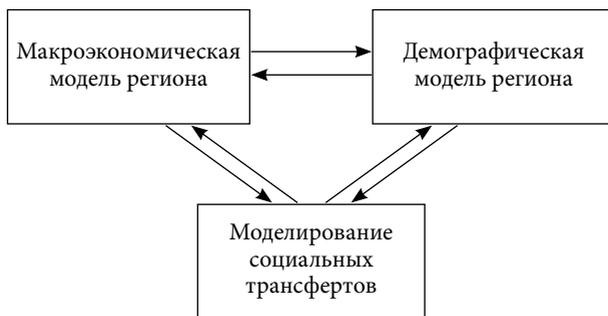

Рис. 1. Система моделирования социальных трансфертов

В 2023–2025 гг. запланированный до начала резкого изменения внешнеэкономического положения РФ объем расходов федерального бюджета на национальные проекты представлен в табл. 1, но

¹⁷ Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): результаты глобального моделирования. М., 2009.

¹⁸ Голубков В.В., Яковец Т.Ю. Указ. соч.

политические реалии внесут изменения в этот прогноз. Тем более важно в изменяющихся условиях наладить процесс прогнозирования социальных трансфертов в макрорегионы России.

Таблица 1

Федеральный бюджет в 2023–2025 гг. (трлн рублей)

Показатель / Годы	2023	2024	2025
Доходы федерального бюджета	26,13	27,24	27,98
Расходы федерального бюджета	29,06	29,43	29,24
Национальные проекты (проект)	4,5	4,7	5,0
ВВП	149,95	159,71	170,60

Источники: Федеральный бюджет 2023–2025 гг. Федеральный закон от 05.12.2022 № 466–ФЗ. Официальное опубликование правовых актов // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 10.01.2023); Минфин предлагает расширить расходы на нацпроекты и реализацию посланий президента. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050007?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 10.01.2023).

Социальные трансферты можно разделить на три типа: на неработающих граждан до трудоспособного возраста, на всех трудоспособных граждан, на неработающих граждан после трудоспособного возраста. Расчет по годовой численности каждой из этих когорт производится в демографической модели. В модели проводятся расчеты для 100 годичных возрастов населения по мужчинам и женщинам для каждого года. Но на рождаемость и смертность влияют социальные трансферты за предыдущие годы.

Моделирование демографических процессов на макроуровне достаточно хорошо разработано. Например, моделированием демографических процессов занимается Международная лаборатория демографии и человеческого капитала под руководством С.Я. Щербова в РАНХиГС, авторами данной статьи опубликована в журнале “ЭММ” в 2018 г. статья В.В. Голубкова и Т.Ю. Яковец “Прогноз демографической ситуации в России до 2033 г.”¹⁹ Но Россия — многонациональная страна. Каждый этнос имеет свое репродуктивное поведение. Поэтому нами предлагается производить прогнозные демографические расчеты для каждого из выделенных нами макрорегионов РФ и потом делать обобщение для макроуровня.

¹⁹ Голубков В.В., Яковец Т.Ю. Указ. соч.

Регионализация РФ для проведения прогнозных демографических расчетов

Проведение прогнозных расчетов с помощью демографической модели предполагает однородность социодемографических процессов в исследуемом регионе. РФ как суперэтнос (россияне) включает с себя большое число этносов, скрепой которых исторически является русский этнос. Данные этносы характеризуются сильными социально-экономическими связями и в свою очередь состоят из субэтносов²⁰. Поэтому при регионализации для построения демографических моделей нами был применен *территориально-этнический принцип*.

Мы предлагаем ввести следующие восемь макрорегионов для проведения прогнозных расчетов с помощью демографических моделей (см. табл. 2):

1. Москва.
2. Санкт-Петербург.
3. Мусульманские регионы Европейской части России без Северного Кавказа (два субъекта РФ).
4. Северный Кавказ (шесть субъектов РФ).
5. Прочая Европейская часть России без Арктики.
 - 5.1. Центральный федеральный округ (17 субъектов РФ).
 - 5.2. Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (девять субъектов РФ).
 - 5.3. Поволжский федеральный округ (12 субъектов РФ).
 - 5.4. Северо-Западный федеральный округ (девять субъектов РФ).
6. Урал и Сибирь без Арктики.
 - 6.1. Уральский федеральный округ (четыре субъекта РФ).
 - 6.2. Сибирский федеральный округ (десять субъектов РФ).
7. Дальний Восток без Арктики (девять субъектов РФ).
8. Арктические регионы России (пять субъектов РФ).

Для макрорегионов из пунктов 5 и 6 демографические модели строятся по субрегионам, а затем агрегируются в макрорегион. Демографический прогноз для России получается путем агрегирования восьми макрорегионов. Таким образом, строится 12-региональная модельная связка.

Для каждого из субъектов РФ нами были взяты для 2019 г. (допандемийного года) численность населения и показатели естественного движения населения, а также для 2015 г. интегральный индекс качества жизни и его ранг, рассчитанные Л.А. Миграновой.

²⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2010.

Как показывает анализ табл. 2, данные показатели внутри выделенных регионов имеют значительный разброс. Демографы объясняют это разной степенью прохождения демографического перехода²¹. Кроме того, на демографические показатели влияют традиции репродуктивного²², матримониального²³ и самосохранительного²⁴ поведения этноса, социально-экономические условия жизни в данном регионе, межбюджетные отношения, и, безусловно, государственные социальные трансферты. Прирост численности населения наблюдался в республиках Северного Кавказа, Арктических регионах России и Республике Тыва. Наибольшая убыль населения — в субъектах Центрального федерального округа. Поэтому реформирование межбюджетных отношений в области социальной политики должно учитывать социодемографическую ситуацию в макрорегионе.

Для каждого из макрорегионов (включая субрегионы) необходимо строить свою модельную связку. Как показывает опыт построения советской модели “Римского клуба”, наибольшие проблемы возникают со сбором и обработкой информации для модельных расчетов. Для реализации задачи прогнозирования социальных трансфертов следует создать междисциплинарный коллектив исследователей, каждый из которых специализируется на конкретной задаче в области реализации всего проекта. Координация их деятельности в рамках всего проекта должна исходить из единого методологического центра.

Центром прогнозного моделирования являются демографические модели, связанные с макроэкономическими прогнозами. Один из ракурсов взаимосвязи системного моделирования демографических и макроэкономических процессов для макрорегиона представлен ниже. В то же время необходимо отметить, что при

²¹ *Демографический переход* — исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, в результате чего воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений, а на заключительном этапе вследствие падения рождаемости ниже уровня воспроизводства населения (2,1 рождений на женщину) из-за старения населения и, как следствие, постепенно растущей смертности рождаемость падает ниже уровня смертности, и возникает депопуляция.

²² *Репродуктивное поведение* — система действий и отношений, определяющих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака.

²³ *Матримониальное поведение* — поведение, характеризующее склонность и желание человека жить семьей, по достижении брачного возраста вступить в брак и продолжить семейные традиции.

²⁴ *Самосохранительное поведение* — сознательная система действий и отношений, в значительной мере определяющих качество индивидуального и семейного здоровья, которое выражается через заболеваемость, временную нетрудоспособность, инвалидность и продолжительность жизни.

Макрорегионы РФ

Макрорегион / Субъект РФ	Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2019 в тыс. человек	Естественное движение населения в 2019 г. (на 1000 человек)			Интегральный индекс качества жизни в 2015 г. (по Л.А. Миграновой)	
			Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Индекс качества жизни	Ранг
1. Москва	ЦФО	12 630	10,8	9,6	+1,2	0,647	2
2. Санкт-Петербург	СЗФО	5 382	11,0	11,0	0,0	0,719	1
3. Мусульманские регионы Европейской части России без Северного Кавказа							
3.1. Республика Башкортостан	ПФО	4 051	10,4	12,2	-1,8	0,541	42
3.2. Республика Татарстан	ПФО	3 899	11,0	11,0	0,0	0,596	6
4. Северный Кавказ							
4.1. Республика Дагестан	СКФО	3 085	14,7	4,7	+10,0	0,431	78
4.2. Чеченская Республика	СКФО	1 458	19,2	4,3	+14,9	0,380	83
4.3. Кабардино-Балкарская Республика	СКФО	866	11,5	8,2	+3,3	0,478	71
4.4. Республика Северная Осетия	СКФО	699	12,3	10,3	+2,0	0,554	27
4.5. Республика Ингушетия	СКФО	497	15,9	2,9	+13,0	0,333	84
4.6. Карачаево-Черкесская Республика	СКФО	466	11,0	9,0	+2,0	0,440	76
5. Прочая Европейская часть России без Арктики							
5.1. ЦФО							
5.1.1. Московская область	ЦФО	7 596	9,7	12,1	-2,4	0,566	17

Макрорегион / Субъект РФ	Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2019 в тыс. человек	Естественное движение населения в 2019 г. (на 1000 человек)			Интегральный индекс качества жизни в 2015 г. (по Л.А. Миграновой)	
			Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Индекс качества жизни	Ранг
5.1.2. Воронежская область	ЦФО	2 328	8,5	14,2	-5,7	0,567	16
5.1.3. Белгородская область	ЦФО	1 548	8,5	13,4	-4,9	0,589	7
5.1.4. Тульская область	ЦФО	1 479	7,6	15,9	-8,3	0,563	19
5.1.5. Владимирская область	ЦФО	1 365	8,2	15,7	-7,5	0,532	49
5.1.6. Тверская область	ЦФО	1 269	8,6	16,3	-7,7	0,558	23
5.1.7. Ярославская область	ЦФО	1 260	9,0	14,7	-5,7	0,577	12
5.1.8. Брянская область	ЦФО	1 200	8,4	14,7	-6,3	0,524	54
5.1.9. Липецкая область	ЦФО	1 144	8,6	14,3	-5,7	0,573	13
5.1.10. Рязанская область	ЦФО	1 114	8,3	15,2	-6,9	0,567	15
5.1.11. Курская область	ЦФО	1 107	8,5	15,0	-6,5	0,587	8
5.1.12. Тамбовская область	ЦФО	1 015	7,6	15,0	-7,4	0,558	20
5.1.13. Калужская область	ЦФО	1 010	8,9	14,6	-5,7	0,536	46
5.1.14. Ивановская область	ЦФО	1 004	7,9	15,8	-7,9	0,526	53
5.1.15. Смоленская область	ЦФО	943	7,6	15,1	-7,5	0,546	35
5.1.16. Орловская область	ЦФО	739	8,1	15,4	-7,3	0,558	21
5.1.17. Костромская область	ЦФО	637	9,1	14,7	-5,6	0,538	45
5.2. ЮФО и СКФО							
5.2.1. Краснодарский край	ЮФО	5 647	10,8	12,4	-1,6	0,515	60

Макрорегион / Субъект РФ	Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2019 в тыс. человек	Естественное движение населения в 2019 г. (на 1000 человек)			Интегральный индекс качества жизни в 2015 г. (по Л.А. Миграновой)	
			Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Индекс качества жизни	Ранг
5.2.2. Ростовская область	ЮФО	4 203	9,0	13,3	-4,3	0,508	63
5.2.3. Старополюский край	СКФО	2 795	10,0	11,3	-1,3	0,529	52
5.2.4. Волгоградская область	ЮФО	2 508	8,4	13,1	-4,7	0,530	50
5.2.5. Республика Крым	ЮФО	1 912	10,1	14,1	-4,0	0,429	79
5.2.6. Астраханская область	ЮФО	1 014	10,9	11,3	-0,4	0,558	22
5.2.7. Республика Адыгея	ЮФО	454	9,3	12,4	-3,1	0,516	58
5.2.8. Г. Севастополь	ЮФО	443	9,6	13,1	-3,5	0,467	73
5.2.9. Республика Калмыкия	ЮФО	273	10,3	9,4	+0,9	0,462	74
5.3. ПФО							
5.3.1. Нижегородская область	ПФО	3 214	9,0	14,6	-5,6	0,587	9
5.3.2. Самарская область	ПФО	3 184	9,4	13,3	-3,9	0,551	29
5.3.3. Пермский край	ПФО	2 610	10,3	13,2	-2,9	0,532	48
5.3.4. Саратовская область	ПФО	2 441	8,3	13,7	-5,4	0,544	37
5.3.5. Оренбургская область	ПФО	1 963	10,0	13,1	-3,1	0,557	24
5.3.6. Удмуртская Республика	ПФО	1 507	9,7	11,9	-2,2	0,541	43
5.3.7. Пензенская область	ПФО	1 318	7,9	14,0	-6,1	0,542	40
5.3.8. Кировская область	ПФО	1 273	8,8	14,3	-5,5	0,546	34
5.3.9. Ульяновская область	ПФО	1 239	8,8	13,8	-5,0	0,539	44

Макрорегион / Субъект РФ	Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2019 в тыс. человек	Естественное движение населения в 2019 г. (на 1000 человек)			Интегральный индекс качества жизни в 2015 г. (по Л.А. Миграновой)	
			Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Индекс качества жизни	Ранг
5.3.10. Чувашская Республика	ПФО	1 224	9,5	12,5	-3,0	0,541	41
5.3.11. Республика Мордовия	ПФО	796	7,5	13,2	-5,7	0,551	30
5.3.12. Республика Марий Эл	ПФО	681	9,8	12,1	-2,3	0,506	64
5.4. СЗФО							
5.4.1. Ленинградская область	СЗФО	1 849	7,3	12,7	-5,4	0,498	67
5.4.2. Вологодская область	СЗФО	1 168	9,7	14,1	-4,5	0,501	66
5.4.3. Архангельская область*	СЗФО	1 101	8,8	13,2	-4,4	0,533	47
5.4.4. Калининградская область	СЗФО	1 002	9,3	12,0	-2,7	0,572	14
5.4.5. Республика Коми	СЗФО	830	9,6	11,9	-2,3	0,557	26
5.4.6. Мурманская область	СЗФО	748	8,9	11,3	-2,4	0,583	10
5.4.7. Псковская область	СЗФО	630	8,5	16,9	-8,4	0,543	39
5.4.8. Республика Карелия	СЗФО	618	9,0	14,3	-5,3	0,524	56
5.4.9. Новгородская область	СЗФО	600	8,7	16,4	-7,7	0,557	25
6. Урал и Сибирь без Арктики							
6.1. УФО							
6.1.1. Свердловская область	УФО	4 316	10,7	13,4	-2,7	0,551	28
6.1.2. Челябинская область	УФО	3 476	9,9	13,1	-3,2	0,516	59
6.1.3. Тюменская область*	УФО	1 518	12,8	10,6	+2,2	0,548	32

Макрорегион / Субъект РФ	Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2019 в тыс. человек	Естественное движение населения в 2019 г. (на 1000 человек)			Интегральный индекс качества жизни в 2015 г. (по Л.А. Миграновой)	
			Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Индекс качества жизни	Ранг
6.1.4. Курганская область	УФО	835	9,2	15,3	-6,1	0,429	80
6.2. СФО							
6.2.1. Красноярский край	СФО	2 873	10,6	12,3	-1,7	0,522	57
6.2.2. Новосибирская область	СФО	2 793	10,8	12,8	-2,0	0,504	65
6.2.3. Кемеровская область	СФО	2 610	9,1	14,3	-5,2	0,479	70
6.2.4. Иркутская область	СФО	2 399	11,8	13,2	-1,4	0,478	72
6.2.5. Алтайский край	СФО	2 334	9,1	14,1	-5,0	0,482	69
6.2.6. Омская область	СФО	1 945	9,8	12,6	-2,8	0,544	38
6.2.7. Томская область	СФО	1 078	9,7	11,2	-1,5	0,530	51
6.2.8. Республика Хакасия	СФО	536	10,4	12,5	-2,1	0,490	68
6.2.9. Республика Тыва	СФО	325	18,9	8,3	+10,6	0,328	85
6.2.10. Республика Алтай	СФО	219	13,7	10,1	+3,6	0,423	82
7. Дальний Восток без Арктики							
7.1. Приморский край	ДФО	1 903	9,6	13,5	-3,9	0,513	61
7.2. Хабаровский край	ДФО	1 321	11,0	13,4	-2,4	0,551	31
7.3. Забайкальский край	ДФО	1 066	11,8	12,4	-0,6	0,438	77
7.4. Республика Бурятия	ДФО	983	12,7	11,1	+1,6	0,426	81
7.5. Амурская область	ДФО	794	10,0	14,0	-4,0	0,511	62

Макрорегион / Субъект РФ	Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2019 в тыс. человек	Естественное движение населения в 2019 г. (на 1000 человек)			Интегральный индекс качества жизни в 2015 г. (по Л.А. Миграновой)	
			Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Индекс качества жизни	Ранг
7.6. Сахалинская область	ДФО	489	11,6	12,4	-0,8	0,566	18
7.7. Камчатский край	ДФО	315	10,5	12,4	-0,6	0,607	5
7.8. Еврейская автономная область	ДФО	160	10,5	14,2	-3,7	0,446	75
7.9. Магаданская область	ДФО	141	9,3	11,5	-2,2	0,637	3
8. Арктические регионы России							
8.1. Ханты-Мансийский автономный округ	УФО	1 664	12,5	6,1	+6,4	0,545	36
8.2. Республика Саха (Якутия)	ДФО	968	13,2	7,8	+5,4	0,546	33
8.3. Ямало-Ненецкий автономный округ	УФО	542	12,6	4,7	+7,9	0,581	11
8.4. Чукотский автономный округ	ДФО	49	10,6	9,2	+1,4	0,629	4
8.5. Ненецкий автономный округ	СЗФО	44	13,5	8,5	+5,0	0,524	55

*Без автономий

Источники: Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, браков, разводов за январь-декабрь 2019 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn12-19.htm (дата обращения: 12.01.2023); Мигранова Л.А. Качество жизни населения: жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации // Гримальские чтения. «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни». Материалы общероссийской научно-практической конференции 27 марта 2018 года. М., 2018. С. 180-186; Численность населения РФ на 1 января 2019 года. URL: <https://realnougtema.ru/attachments/1043> (дата обращения: 25.02.2020).

прогнозировании социальных трансфертов должен быть на реальной статистике проверен предлагаемый список макрорегионов для данных расчетов. Так как у авторов не было возможности проводить подобные расчеты, взаимосвязь макроэкономических и демографических показателей исследовалась только на макроуровне. Само прогнозирование социальных трансфертов в макрорегионах предполагает учет большего количества факторов взаимосвязи макроэкономических и демографических показателей, что на данном этапе исследования не было учтено.

Моделирование демографических показателей как функций ВВП на душу населения²⁵

Основная идея данной работы заключается в том, чтобы понять, как демографические показатели, являющиеся функциями времени, зависят от ВВП в постоянных ценах на душу населения, что позволит оценить влияние экономических факторов на демографические показатели. Это только первый этап работы. На следующих этапах должно быть учтено влияние и других факторов, таких как доля материнского капитала в социальных трансфертах и т.п.

Моделирование демографического показателя от ВВП на душу населения

Пусть $Dp(t_k)$, $Vp(t_k)$, $k = 1, \dots, n$ известные временные ряды соответственно для демографического показателя $Dp(t)$ и ВВП на душу населения в постоянных ценах $Vp(t)$, а $Mdl(Vp(t), q_1, q_2, \dots, q_m)$ — параметрическая модель демографического показателя $Dp(t)$ от $Vp(t)$, где q_1, q_2, \dots, q_m — параметры модели. Ставится задача построения параметрической модели и определения оценок ее параметров по статистическим данным $Dp(t_k)$ и $Vp(t_k)$. Оценки $\tilde{q}_1, \tilde{q}_2, \dots, \tilde{q}_m$ параметров q_1, q_2, \dots, q_m находятся методом наименьших квадратов:

$$(\tilde{q}_1, \tilde{q}_2, \dots, \tilde{q}_m) = \text{Arg} \left(\min_{q_1, q_2, \dots, q_m} \sum_{k=1}^n (Dp(t_k) - Mdl(Vp(t_k), q_1, q_2, \dots, q_m))^2 \right). \quad (1)$$

По полученным оценкам $\tilde{q}_1, \tilde{q}_2, \dots, \tilde{q}_m$ также вычисляется несмещенная оценка стандартного отклонения

$$\tilde{\sigma} = \sqrt{\frac{\sum_{k=1}^n (Dp(t_k) - Mdl(Vp(t_k), \tilde{q}_1, \tilde{q}_2, \dots, \tilde{q}_m))^2}{n-m}}, \quad (2)$$

²⁵ Раздел, написанный В.В. Голубковым.

характеризующего отклонение статистических значений $Dp(t_k)$ демографического показателя от соответствующих его модельных значений $Mdl(Vp(t_k), \tilde{q}_1, \tilde{q}_2, \dots, \tilde{q}_m)$.

Примеры моделирование ряда конкретных демографических показателей

В качестве примеров моделирования демографических показателей $Dp(t)$ как функций от ВВП на душу населения $Vp(t)$ были взяты следующие показатели:

- суммарный коэффициент рождаемости²⁶;
- средний возраст женщин при рождении ребенка;
- ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении²⁷;
- ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении.

Для проведения моделирования перечисленных показателей были использованы временные ряды (статистические данные) для этих показателей, а также для общей численности населения и ВВП на период времени с 1990 г. по 2016 г. с шагом 1 год (число измерений $n = 27$). Все статистические данные (кроме ВВП) брались из Демографических ежегодников Росстата 2009, 2021 гг.²⁸, а для ВВП в сопоставимых (постоянных) ценах — из “Макроэкономических исследований”²⁹.

Для всех перечисленных демографических показателей были взяты параметрические модели одного и того же типа с числом параметров $m=4$, представляющие собой аппроксимации Паде³⁰:

$$Mdl(Vp(t), q_1, q_2, q_3, q_4) = \frac{q_1 + q_2 x + q_3 x^2}{1 + q_4 x}, \quad x = Vp(t). \quad (3)$$

²⁶ Суммарный коэффициент рождаемости — коэффициент, показывающий сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т.е. от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель независимо от смертности и от изменений возрастного состава.

²⁷ Ожидаемая продолжительность жизни — значение средней продолжительности предстоящей жизни, прогнозируемое в предположении, что уровни смертности населения во всех возрастах в будущем останутся такими же, как в рассматриваемом году.

²⁸ Демографический ежегодник России. М., 2009; Демографический ежегодник России. М., 2021.

²⁹ Макроэкономические исследования “Валовый внутренний продукт России, 1990–2020”. URL: be5.biz (дата обращения: 10.01.2023).

³⁰ Бейкер Дж. (мл.), Грейвс-Моррис П. Аппроксимации Паде. М., 1986.

Таблица 3

Статистические данные

Год	Общая численность населения на 1 янв. (тыс. человек)	ВВП в постоянных ценах 1990 г. (млрд.долл.)	ВВП на душу населения (долл. в ценах 1990 г.)	Суммарный коэффициент рождаемости	Средний возраст женщины при рождении ребенка	Ожидаемая продолжит. жизни мужчин при рождении	Ожидаемая продолжит. жизни женщин при рождении
1990	147665,1	574,1	3887	1,89	25,30	63,73	74,30
1991	148273,7	545,4	3678	1,73	25,00	63,37	74,19
1992	148514,7	466,3	3188	1,55	24,90	61,91	73,66
1993	148561,7	425,7	2850	1,37	24,70	58,75	71,80
1994	148355,9	371,4	2503	1,39	24,60	57,42	71,08
1995	148459,9	356,4	2400	1,34	24,80	58,12	71,59
1996	148291,6	343,6	2317	1,27	25,00	59,62	72,40
1997	148028,6	348,3	2352	1,22	25,20	60,85	72,84
1998	147802,1	329,7	2230	1,23	25,40	61,22	73,13
1999	147539,4	350,6	2376	1,16	25,60	59,87	72,40
2000	146890,1	385,8	2637	1,20	25,80	59,03	72,26
2001	146303,6	405,5	2771	1,22	25,90	58,92	72,17
2002	145649,3	424,7	2916	1,29	26,10	58,68	71,90
2003	144963,6	455,7	3143	1,32	26,30	58,56	71,86
2004	144333,6	488,4	3383	1,34	26,40	58,91	72,36
2005	143801,0	519,6	3613	1,29	26,50	58,92	72,47
2006	143236,6	561,9	3922	1,30	26,60	60,43	73,34

Год	Общая численность населения на 1 янв. (тыс. человек)	ВВП в постоянных ценах 1990 г. (млрд долл.)	ВВП на душу населения (долл. в ценах 1990 г.)	Суммарный коэффициент рождаемости	Средний возраст женщины при рождении ребенка	Ожидаемая продолжит. жизни мужчин при рождении	Ожидаемая продолжит. жизни женщин при рождении
2007	142862,7	604,9	4234	1,42	27,00	61,46	74,02
2008	142747,5	641,9	4497	1,50	27,20	61,92	74,28
2009	142737,2	591,7	4145	1,54	27,40	62,87	74,79
2010	142833,5	618,3	4328	1,57	27,70	63,09	74,88
2011	142865,4	642,90	4500	1,58	27,70	64,04	75,61
2012	143056,4	668,8	4675	1,69	27,90	64,56	75,86
2013	143347,1	680,5	4747	1,71	27,98	65,13	76,30
2014	143666,9	685,5	4771	1,75	28,10	65,29	76,47
2015	146267,3	672,0	4594	1,78	28,20	65,92	76,71
2016	146544,7	673,3	4594	1,76	28,40	66,50	77,06
2017	146804,4	685,6	4670	1,62	28,50	67,51	77,64
2018	146880,4	704,8	4798	1,58	28,7	67,75	77,82
2019	146780,7	719,2	4899	1,50	28,7	68,24	78,14
2020	146748,6	697,9	4756	1,51	28,8	66,49	76,43
2021	146141,0	–	–	–	–	–	–

Источники: Макроэкономические исследования «Валовый внутренний продукт России, 1990–2020»: URL: be5.biz (дата обращения: 10.01.2023); Демографический ежегодник России. М., 2009. С. 24, 95, 103, 172; Демографический ежегодник России. М., 2021. С. 15–16, 45, 46, 66.

Модели для разных демографических показателей отличались друг от друга только значениями параметров.

В табл. 3 приведены статистические данные, использованные при моделировании. По данным в табл. 3 для 4-х демографических показателей методом наименьших квадратов (1) были вычислены оценки параметров q_1, q_2, q_3, q_4 их моделей вида (3), а также стандартные отклонения (2). При этих вычислениях для обеспечения необходимой точности использовались нормированные значения ВВП на душу населения: $Vp(t_k) / Vp(t_1), t_1 = 1990$ г.

Полученные результаты проведенного моделирования представлены в табл. 4. Следует отметить, что в целях избежания потери точности моделирование проводилось с использованием относительных значений ВВП на душу населения, равных отношению текущих значений к значению на начальный 1990-й год моделирования. Из табл. 4 следует, что полученные результаты имеют вполне приемлемые значения, особенно если учесть, что на период времени с 1990 г. по 2000 г. в стране произошел демографический переход, который качественно изменил демографическую ситуацию в России.

Таблица 4

Результаты моделирования

Название демографического показателя	Оценки параметров модели				Стандартное отклонение	Среднее значение демографического показателя на период 1990–2016 гг.	
	\tilde{q}_1	\tilde{q}_2	\tilde{q}_3	\tilde{q}_4		$\tilde{\sigma}$	Sr
Суммарный коэффициент рождаемости	0,777	-0,023	-0,748	-0,997	0,109	1,460	0,075
Средний возраст женщин при рождении ребенка	22,074	18,587	5,080	-1,059	0,575	26,359	0,022
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении	52,983	47,550	10,194	-1,076	1,628	61,448	0,0265
Ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении	67,653	59,059	-6,495	-0,972	0,796	73,694	0,011

Источники: Расчет В.В. Голубкова на временных рядах за 1990–2016 гг.

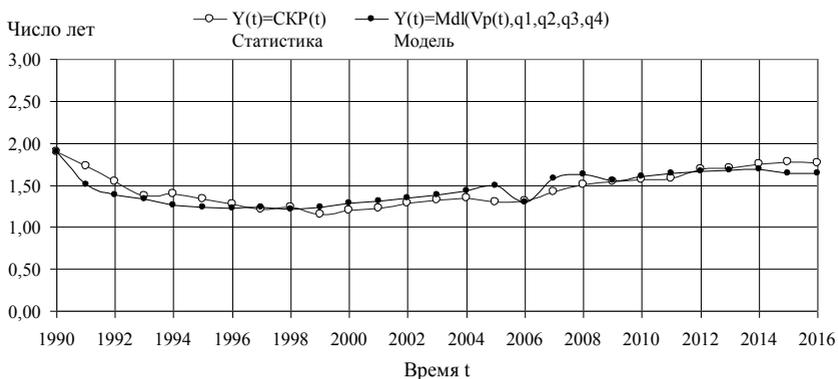

Рис. 2. Зависимости от времени статистических и модельных значений суммарного коэффициента рождаемости

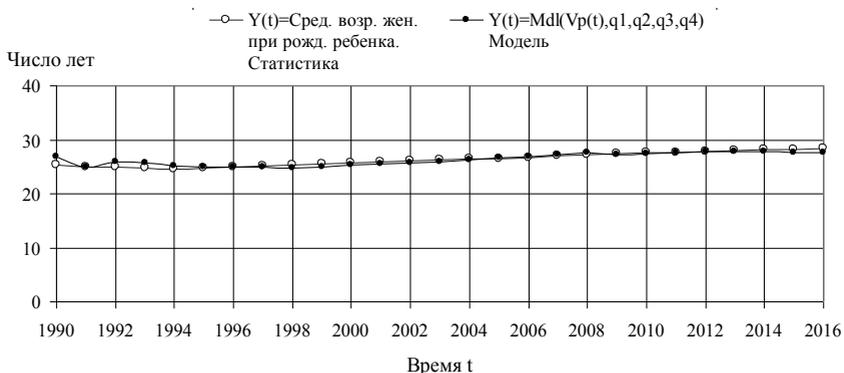

Рис. 3. Зависимости от времени статистических и модельных значений среднего возраста женщин при рождении ребенка

На рисунках 2–5 представлены графики статистических и модельных значений суммарного коэффициента рождаемости, среднего возраста женщин при рождении ребенка, продолжительности жизни мужчин и женщин соответственно.

Анализ графиков на приведенных рисунках подтверждает выводы, сделанные в результате анализа данных в табл. 3.

Предложенный в данной работе подход позволяет при наличии прогнозируемых значений ВВП на душу населения в постоянных ценах сделать прогноз демографических показателей как функций от ВВП, что даст возможность оценить социодемографические процессы в будущем.

Рис. 4. Зависимости от времени статистических и модельных значений ожидаемой продолжительности жизни мужчин при рождении

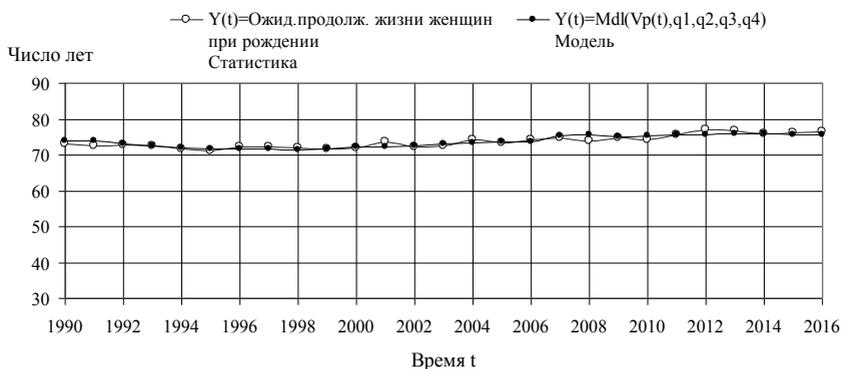

Рис. 5. Зависимости от времени статистических и модельных значений ожидаемой продолжительности жизни женщин при рождении

Заключение

Проведенные исследования позволяют подтвердить прослеживающуюся связь между уровнем ВВП на душу населения и демографическими показателями на макроуровне. В то же время, если для показателей ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин, зависящих от смертности, эта связь очевидна, то для ряда показателей на их величину влияют и другие факторы. Так, на показатель “суммарный коэффициент рождаемости” оказывает влияние введение выплат по материнскому капиталу с 2007 г. на макроуровне и с 2012 г. в регионах. Как показывают исследования, проведенные

Е. Яковлевым³¹, “рождаемость в буквальном смысле скакнула на 10% после введения федерального и на 5% после введения региональных материнских капиталов (и более того, продолжала расти после этих скачков)”. Таким образом, на показатель суммарного коэффициента рождаемости будет влиять как доля социальных трансфертов в располагаемом ВРП, так и доля материнского капитала в социальных трансфертах.

Особая роль принадлежит оценке эффективности принимаемой системы социальных трансфертов. Так, в кандидатской диссертации Л.С. Засимовой “Методы оценки эффективности системы социальных трансфертов в России”³² в качестве критериев оценки системы социальных стандартов предлагаются следующие показатели: 1) влияние на неравенство (Коэффициент Джинни), 2) влияние на бедность (уровень бедности) и 3) затратность (общая сумма расходов). С учетом демографической ситуации в стране к этому следует добавить 4) демографическую характеристику (естественный прирост).

Можно предположить, что данные зависимости характерны для предложенных нами макрорегионов, что могут подтвердить только статистические исследования. Поэтому для реализации национального проекта “Демография” так важны прогнозы располагаемого регионального ВРП, на размер которого влияет объем социальных трансфертов в регион. Прогнозирование объема социальных трансфертов в макрорегионы — это только одна из задач, решаемых при разработке методологии Социальной доктрины РФ 2025–2030 гг. Данный проект по сложности можно сравнить с задачей построения плана ГОЭЛРО в 1920-х гг., но его реализация позволит сделать социальную политику в стране более адекватной имеющимся экономическим и социальным реалиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейкер Дж. (мл.), Грейвс-Моррис П. Аппроксимации Паде. М., 1986.
- Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): результаты глобального моделирования. М., 2009.
- Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М., 2018.
- Голубков В.В., Яковец Т.Ю. Прогноз демографической ситуации в России до 2033 года // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 4. С. 71–87.

³¹ Яковлев Е. Как материнский капитал повлиял на рождаемость. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (дата обращения: 03.04.2022).

³² Засимова Л.С. Методы оценки эффективности системы социальных трансфертов в России: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Специальность 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (Экономика труда). М., 2004.

- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2010.
- Демографический ежегодник России. М., 2009.
- Демографический ежегодник России. М., 2021.
- Засимова Л.С. Методы оценки эффективности системы социальных трансфертов в России: Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Специальность 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (Экономика труда). М., 2004.
- Коломак Е.А., Сумская Т.В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 03.03.2022).
- Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, браков, разводов за январь–декабрь 2019 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn12-19.htm (дата обращения: 12.01.2023).
- Макроэкономические исследования “Валовый внутренний продукт России, 1990–2020”. URL: be5.biz (дата обращения: 10.01.2023).
- Мигранова Л.А. Качество жизни населения: жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации // I Римашевские чтения. “Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни”. Материалы общероссийской научно-практической конференции 27 марта 2018 года. М., 2018. С. 180–186.
- Минфин предлагает расширить расходы на нацпроекты и реализацию посланий президента. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050007?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 10.01.2023).
- Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М., 2003.
- Таганрогские исследования: полвека спустя / Под науч. ред. Н.М. Римашевской, В.В. Локосова. М., 2017.
- Социальная доктрина Российской Федерации. М., 2010.
- Федеральный бюджет 2023–2025 гг. Федеральный закон от 05.12.2022 № 466–ФЗ. Официальное опубликование правовых актов // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 10.01.2023).
- Численность населения РФ на 1 января 2019 года. URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1043> (дата обращения: 25.02.2020).
- Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России (2017). М., 2019.
- Яковец Т.Ю. Социальная безопасность — основа российской устойчивости // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 245–251.
- Яковец Ю.В., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Социальная безопасность как основа социальной политики РФ // Стратегические приоритеты. 2017. № 2. С. 26–40.
- Яковлев Е. Как материнский капитал повлиял на рождаемость. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (дата обращения: 03.04.2022).

REFERENCE

- Bejker Dzh. (ml.), Grejvs-Morris P. Approksimacii Pade [Padé approximants]. М., 1986 (in Russian).
- Chislennost' naseleniya RF na 1 yanvarya 2019 goda [The population of the Russian Federation as of January 1, 2019]. URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1043> (data obrashcheniya: 25.02.2020) (in Russian).

- Demograficheskij ezhegodnik Rossii [Demographic Yearbook of Russia]. M., 2009 (in Russian).
- Demograficheskij ezhegodnik Rossii [Demographic Yearbook of Russia]. M., 2021 (in Russian).
- Federal'nyj byudzhet 2023–2025 gg. Federal'nyj zakon ot 05.12.2022 N 466–FZ. Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov [Federal budget 2023–2025 Federal Law No. 466–FZ dated December 5, 2022. Official publication of legal acts] // Oficial'nyj in-ternet-portal pravovoj informacii. URL: pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 10.01.2023) (in Russian).
- Gelovani V.A., Britkov V.B., Dubovskij S.V.* SSSR i Rossiya v global'noj sisteme (1985–2030): rezul'taty global'nogo modelirovaniya [USSR and Russia in the global system (1985–2030): results of global modeling]. M., 2009 (in Russian).
- Glaz'ev S. Yu.* Ryvok v budushchee. Rossiya v novyh tekhnologicheskome i mirohozyajstvennom ukladah [Leap into the future. Russia in the new technological and world economic structures]. M., 2018 (in Russian).
- Golubkov V.V., Yakovec T.Yu.* Prognoz demograficheskoj situacii v Rossii do 2033 goda [Forecast of the demographic situation in Russia until 2033] // *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2018. T. 54. N 4. S. 71–87 (in Russian).
- Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. M., 2010 (in Russian).
- Koefficienty rozhdanosti, smertnosti, estestvennogo prirosta, brakov, razvodov za yanvar'–dekabr' 2019 goda [Birth, death, natural increase, marriage, divorce rates for January–December 2019]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn12-19.htm (data obrashcheniya: 12.01.2023) (in Russian).
- Kolomak E.A., Sumskaya T.V.* Ocenka roli federal'nyh transfertov v subnacional'noj byudzhetnoj sisteme Rossijskoj Federacii [Assessment of the role of federal transfers in the subnational budget system of the Russian Federation]. URL: cyberleninka.ru (data obrashcheniya: 03.03.2022) (in Russian).
- Makroekonomicheskie issledovaniya “Valovyj vnutrennij produkt Rossii, 1990–2020” [Macroeconomic Research “Gross Domestic Product of Russia, 1990–2020”]. URL: be5.biz (data obrashcheniya: 10.01.2023) (in Russian).
- Migranova L.A.* Kachestvo zhizni naseleniya: zhilishchnaya obespechennost', do-stupnost' social'nyh uslug, vozmozhnosti professional'noj samorealizacii [Quality of life of the population: housing security, accessibility of social services, opportunities for professional self-realization] // *I Rimashevskie chteniya. “Sberezhenie naseleniya Rossii: zdorov'e, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni”*. Materialy obshcherossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 27 marta 2018 goda. M., 2018. S. 180–186 (in Russian).
- Minfin predlagaet rasshirit' raskhody na nacroekty i realizaciyu poslanij prezidenta [The Ministry of Finance proposes to expand spending on national projects and the implementation of the president's messages]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050007?index=0&rangeSize=1> (data obrashcheniya: 10.01.2023) (in Russian).
- Rimashevskaya N.M.* Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya [Man and reforms: secrets of survival]. M., 2003 (in Russian).
- Social'naya doktrina Rossijskoj Federacii [Social Doctrine of the Russian Federation]. M., 2010 (in Russian).
- Taganrogskie issledovaniya: polveka spustya [Taganrog research: half a century later] / Pod nauch. red. N.M. Rimashevskoj, V.V. Lokosova. M., 2017 (in Russian).

Yakovec T. Yu. Gosudarstvennoe regulirovanie sociodemograficheskikh processov v Rossii (2017) [State regulation of socio-demographic processes in Russia (2017)]. M., 2019 (in Russian).

Yakovec T. Yu. Social'naya bezopasnost' — osnova rossijskoj ustojchivosti [Social Security as the Basis for Russian Sustainability] // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. N 6. S. 245–251 (in Russian).

Yakovec Yu. V., Dobrobleb V. G., Yakovec T. Yu. Social'nye bezopasnost' kak osnova social'noj politiki RF [Social Security as a Basis for Social Policy of the Russian Federation] // *Strategicheskie priority*. 2017. N 2. S. 26–40 (in Russian).

Yakovlev E. Kak materinskij kapital povliyal na rozhdaemost' [How maternal capital affected the birth rate]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/27/823925-materinskii-kapital> (data obrashcheniya: 03.04.2022) (in Russian).

Zasimova L. S. Metody ocenki effektivnosti sistemy social'nyh transfertov v Rossii: Avtoref. diss. ... kand. ekonom. nauk. Special'nost' 08.00.05 — *Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom (Ekonomika truda)* [Methods for evaluating the effectiveness of the system of social transfers in Russia: Abstract of the thesis. diss. ... cand. economy Sciences. Specialty 08.00.05 — *Economics and management of the national economy (Labor Economics)*]. M., 2004 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-168-196

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ

А.В. Маркеева, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются направления и существующие барьеры включения российских пенсионеров в новые формы занятости. Радикальные трансформации труда в постиндустриальной экономике с сопровождающим их процессом "нового демографического перехода" требуют модернизации существующих подходов и программ организации трудовой деятельности в старших возрастах. Для эффективного решения поставленных задач необходимо разрешить ряд концептуальных вопросов в определении новых форм занятости, существенно затрудняющих измерение масштабов их распространения и разработку программ содействия, приводящих к перекосам в регулировании складывающихся новых моделей занятости. Необходима интеграция доминирующих организационно-технологических и правовых подходов к изучению новых моделей занятости с социологической диагностикой и экспертизой процессов трансформации.

На основе результатов социологического исследования российских пенсионеров (2022), проведенного сотрудниками социологического факультета, актуальных статистических данных и результатов исследовательских центров (ВЦИОМ, ФОМ, SuperJob, HeadHunter) выявлены отношение и готовность российских пенсионеров к дистанционной (удаленной) работе и самозанятости. В статье обосновывается необходимость применения дифференцированного подхода к разработке программ развития новых форм занятости у пожилых (государственных и внутрикорпоративных программ), основанного на системном анализе восприятия пенсионерами и предпенсионерами изменений в своем социальном и трудовом статусе, учете разнообразных личных характеристик (возраст, гендер и др.), локальных социально-экономических обстоятельств (места жительства) и жизненных ситуаций. На основе анализа дистанционной занятости и самозанятости обосновывается, что развитие новых форм позволит пенсионерам формировать более разнообразные, отвечающие их интересам, жизненные и трудовые траектории.

Ключевые слова: активное долголетие, новые формы занятости, нестандартная занятость, ненадежная занятость, пенсионеры, пожилые, самозанятость, дистанционная (удаленная) работа

* Маркеева Анна Валерьевна, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

THE PERSPECTIVE OF DEVELOPING NEW FORMS A RUSSIAN PENSIONER'S EMPLOYMENT

Markeeva Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiy Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

The article focuses on the directions and current barriers for including Russian pensioners in new forms of employment. Radical transformations of labour in the post-industrial economy with the accompanying process of “new demographic transition” require modernization of existing approaches and programmes to organize work activities in elderly age groups. In order to effectively address these challenges, it is necessary to solve a series of conceptual issues in defining new forms of employment, that make it difficult to measure the scale of their spread, to develop assistance programmes that lead to bias regulation of emerging new models of employment. The dominant organizational, technological and legal approaches should be integrated with sociological diagnostics and examination of the transformation processes.

Based on the results of sociological survey of Russian pensioners (2022), current statistical data and results of research centers (VCIOM, FOM, SuperJob, HeadHunter) the attitude and availability of Russian pensioners to remote work and self-employment are revealed. The article substantiates the need for a differentiated approach to the development of programmes to support new forms of employment for the elderly people (public and company employment programmes) based on the systemic analysis of pensioners' and pre-retirees' perception of changes in their social and employment status, taking into account a variety of individual characteristics (age, gender, etc.), local socio-economic conditions (place of residence) and life situations. Based on the analysis of remote employment and self-employment, it is justified that the development of new forms will allow pensioners to form more diverse life and work trajectories that meet their interests.

Key words: active ageing, new forms of employment, non-standard employment, precarious employment, pensioners, the elderly, self-employment, remote work.

Модернизация сложившихся в XX в. пенсионных систем, популяризация в разных странах мира идеологии “активного долголетия” связаны с кардинальным пересмотром взглядов на необходимость продолжения трудовой деятельности в старших возрастах. Закрепленная в Мадридском плане действий неолиберальная политика старения подвергается обоснованной критике и начинает пересматриваться. Пандемия COVID-19 показала принципиальную недостижимость ее во многих институциональных средах. Все чаще исследователи обращают внимание, что реализация концепции “активного долголетия” приводит к сужению вариантов жизненных сценариев по достижении пенсионного возраста, ограничивая их только теми, которые включают как обязательные компоненты про-

должение работы и активный (деятельностный) досуг¹; формирует порочный круг вовлечения в организационные и государственные программы долголетия только активных пожилых, тех, кто изначально мотивирован, и никак не решают проблемы тех пожилых, которые пассивны и, вероятно, нуждаются в большей помощи². Управленцы на разных уровнях пытаются реализовать программу в рамках сложившихся институтов без их кардинального пересмотра, часто не осознавая бесперспективность таких действий. Так, во многих странах мира увеличивается пенсионный возраст, однако происходит это при сохранении сложившихся систем социального обеспечения и найма на рынке труда, которые работают на прямо противоположный результат, способствуя более раннему выходу на пенсию. Отсутствие согласованности, а иногда прямые противоречия в работе институтов способствуют тому, что проблема старения населения усугубляется “скорее следствием жестких и устаревших стратегий и институтов, чем демографических изменений как таковых”³.

Важно не только то, что в целом современные общества стареют (старение населения как глобальный тренд реализуется и в развитых, и развивающихся странах), но и то, что в контексте “нового демографического перехода” (назван исследователями “переходом в долголетие” (the longevity transition)⁴) происходит нивелирование “демографических дивидендов” перехода. Данные исследований показывают, что требуются политически трудные решения, если “общество хочет сохранить положительную взаимосвязь между ростом продолжительности жизни и ростом благосостояния”⁵. Однако в поиске инструментов решения проблем упор делается преимущественно только на расширении занятости, причем достаточно часто в форме удлинения периода работы сотрудника в системе стандартной занятости. В то же время игнорируется факт, что одно только увеличение занятости пожилых без решения проблемы ро-

¹ Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12 (2). С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

² Розозин Д.М. Счастье и свобода в старости: власть, секс, путешествия // Социодигер: Старые люди — новые тренды. 2022. Т. 3. Вып. 5–6 (18). С. 35.

³ Bloom D., et al. Implications of population ageing for economic growth // *Oxford Review of Economic Policy*. 2010. Vol. 26. N 4. P. 609.

⁴ Новый демографический переход характеризуется увеличением продолжительности жизни за счет более поздних возрастов, имеет важные социально-экономические последствия вне зависимости от моделей рождаемости

⁵ Эгглстон К., Фукс В. Новый демографический переход: наибольший прирост продолжительности жизни в настоящее время происходит за счет старших возрастов // *Демографическое обозрение*. 2019. Т. 6. № 4. С. 146.

ста производительности труда, развития системы непрерывного повышения и обновления профессиональных навыков и компетенций возрастных работников, без стимулирования и развития систем личных накоплений на пенсию, а главное без усилий по снижению дискриминации по возрасту и проявлений самозиджизма невозможно создать условия для устойчивого социально-экономического развития стран.

В контексте поставленной проблемы данная статья направлена на изучение потенциала развития новых форм занятости у пожилых. Новые модели занятости потенциально создают большую гибкость и вариативность стратегий жизненного пути на пенсии, позволяя регулировать трудовую деятельность в соответствии с состоянием здоровья или жизненной ситуацией, органично сочетать труд с другими важными целями и задачами человека — участия в жизни семьи, расширения досуга или социальной активности, гражданского участия. А также могут предоставлять возможности пожилым для реализации в новых профессиональных задачах или сферах деятельности. Выводы и положения строятся на результатах всероссийского опроса пенсионеров в рамках научно-исследовательского проекта “Особенности трудоустройства и карьеры пожилых людей в современной России”, проведенного сотрудниками социологического факультета МГУ в 2022 г.⁶, а также их соотнесении с актуальными статистическими данными и результатами исследовательских центров.

Занятость и отношение к труду у российских пенсионеров

Несмотря на неуклонное снижение доли работающих пенсионеров после введения поправок в пенсионное законодательство, закрепляющих неиндексацию пенсий работающим пенсионерам, с 36,0% в 2015 г. до 19,3% в октябре 2022 г.⁷, значительное число пожилых

⁶ Всероссийский опрос пенсионеров в рамках научно-исследовательского проекта “Особенности трудоустройства и карьеры пожилых людей в современной России” проведен в феврале 2022 г., N=1200. Региональная структура выборочной совокупности (предельная ошибка выборки с вероятностью 95% не превышает 3%) соответствует структуре населения России, достигшего пенсионного возраста, в разрезе федеральных округов в целом, и соотношению городского и сельского населения в них. В каждом федеральном округе опросом охвачено не менее половины входящих в него Субъектов Федерации. В выборочной совокупности Москва рассматривается как саморепрезентирующая территориальная единица. В ходе случайного отбора респондентов в пределах указанной выше погрешности обеспечивалось соответствие половозрастной структуры респондентов половозрастному распределению населения России, достигшего пенсионного возраста.

⁷ Старшее поколение // Сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 15.01.2022).

продолжает трудиться. 8,1 млн российских пенсионеров включены в систему формальной занятости и еще свыше 1 млн представителей старшего поколения россиян (60+) заняты в неформальном секторе экономики⁸. Стратегия активной трудовой старости как варианта жизненной реализации остается востребованной, и в перспективе будет вовлекать все большее количество пожилых. Этому способствуют как активные усилия государства в создании инфраструктурных условий для реализации данной стратегии, ее популяризации и продвижения в СМИ⁹, так и деятельность коммерческих компаний, начинающих рассматривать работников старших возрастов как ресурс для развития организации. Популяризации стратегии способствуют и культурные изменения: распространение интеллектуальных и творческих работ дает возможность все большему числу пожилых людей успешно трудиться даже в преклонном возрасте. Сегодня это не только представители творческой или научной элиты, которые всегда отличались активным и содержательно наполненным трудовым долголетием, но и представители более широких профессиональных групп (IT, маркетологи, инженеры и т.д.). Пространство традиционных СМИ и социальных медиа наполнено множеством историй о достижениях и карьерном старте в зрелых возрастах, что формирует привлекательность для широких социальных слоев такого варианта жизненного пути. Это фиксируется и данными репрезентативных опросов россиян: так, на вопрос о будущем работы (через 50 лет) в 2021 г. 24% респондентов указали, что люди будут работать дольше, чем сейчас, 25% — столько же, как сейчас. При этом показательны ответы молодой аудитории, будущих пенсионеров: молодые четко осознают необходимость продолжения работы на пенсии (среди них незначительное число сомневающийся, только 8% респондентов от 18–34 затруднились с ответом, зато самые высокие показатели, что работать придется дольше — так посчитали 37% опрошенных)¹⁰. В ходе проведенного нами опроса пенсионеров 53% респондентов посчитали, что в будущем люди работать будут дольше.

⁸ Численность занятых в неформальном секторе по возрастным группам и статусу // Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. М., 2022. С. 103.

⁹ В рамках реализации Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. N 164-р.

¹⁰ Работа в будущем. Возможно ли общество, где в труде нет необходимости? // Сайт ФОМ. Аналитический обзор. 2021.09.02. URL: <https://fom.ru/Rabota-idom/14537> (дата обращения: 14.10.2022).

Понимая, что в будущем продолжение работы по достижению пенсионного возраста будет восприниматься как нечто естественное и необходимое¹¹, для текущих поколений пенсионеров и предпенсионеров необходимо обеспечить плавный переход. Нельзя игнорировать, что для многих представителей старших возрастов, сформированных в других социокультурных и экономических реалиях, идеал пенсии — это “заслуженный отдых после долгих лет работы”, это возможность больше проводить времени с семьей, заняться воспитанием внуков или вести домашнее хозяйство, заниматься хобби, на которые в течение жизни не хватало времени. Для них необходимо предусмотреть более комфортные способы сочетания трудовых и внерабочих ценностей и приоритетов жизни на пенсии. Одним из таких способов является расширение возможностей для включения пожилых в новые формы занятости. Они предоставляют большую в сравнении с традиционной занятостью гибкость в условиях рабочего дня, в формате и содержании работ, в способах взаимодействия с работодателем, что позволяет пенсионерам формировать более разнообразные жизненные траектории. Для российских условий есть еще два важных фактора — это вынужденность работы (необходимость поддерживать уровень и качество жизни в условиях недостаточности пенсии или материально поддерживать младшие поколения семьи) и отсутствие соответствующих квалификации рабочих мест для пожилых (особенно в ряде регионов РФ). Так, наиболее популярными ответами на вопрос, что для них работа в пенсионном возрасте для опрошенных пенсионеров оказались — средство зарабатывания денег (45,1%), необходимость (42,4%), значительно уступая мотивам преодоления одиночества и поддержания контактов (22,5%), самореализации (7,6%) и удовольствия (13,1%)

Предпенсионная и пенсионная возрастные группы самые уязвимые на рынке труда — это выражается и в общей сложности нахождения работы, особенно по специальности, и в необходимости соглашаться на худшие условия труда (в том числе оплату) как следствие существующих проблем и дискриминационных барьеров. Таким образом, развитие новых форм занятости может решать несколько проблем — содействовать расширению занятости, появ-

¹¹ Подробно полученные в ходе анализируемого опроса данные о факторах изменения жизненных приоритетов российских пенсионеров, отношения к труду на пенсии представлены в статье: Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 828–843.

лению новых источников дохода для пенсионеров (что особенно актуально с учетом существующих негативных социально-экономических факторов, препятствующих созданию качественных рабочих мест со стандартной занятостью), возможности создания гибких условий работы (особенно в дистантных формах, надомной занятости и др.), позволяющих пожилому человеку выстраивать собственные траектории, позволяющие органично сочетать внутрисемейные домашние обязанности, хобби, выстраивать трудовую деятельность с учетом изменения физического и эмоционального здоровья и т.д.

Дискуссионные вопросы определения новых форм занятости

Прежде чем рассмотреть возможности и направления включения пожилых россиян в новые формы занятости, необходимо указать на существующие концептуальные пробелы в описании самого понятия. Существует множество понятий, связанных с трансформацией занятости (“нестандартная”, “ненадежная”, “неустойчивая”, “нетипичная”, “прекарная” и т.д.), которые пока плохо разграничены, часто используются как синонимичные, что существенно затрудняет диалог между исследователями — иногда складывается впечатление, что, используя один и тот же термин, специалисты ведут речь о совершенно разных явлениях. Сложности с выделением и классификацией новых форм занятости существенно осложняют измерение масштабов их распространения, а также выработки регуляторных практик, выступают сдерживающим фактором для разработки эффективных программ содействия такой занятости.

Теоретико-прикладная задача определения новых форм занятости, выделения содержательных характеристик отдельных форм и их типологизации требует специальных исследований. В рамках данной статьи хотелось бы сконцентрироваться на нескольких дискуссионных моментах.

Новые формы занятости являются “зонтичным” понятием, объединяющим внутри множество содержательно различных форм, часть из которых связана с трансформацией стандартных трудовых контрактов и рабочих мест в результате цифровой трансформации труда и производства, другие же являются модернизацией форм классической самозанятости. Объединяющим является фактор новизны по отношению к сложившемуся в XX в. представлению о работодателе (заказчике) и наемном работнике (их функциона-

ле, взаимных обязательствах, условиях организации труда, формах контроля и т.д.). Цифровизация производственных и трудовых процессов обеспечивает непрерывную подвижность форм, формирует в реальной практике смешанные (гибридные) и переходные формы занятости, что затрудняет построение строгих аналитических конструкций, но не отменяет необходимость таких построений. Важным становится не столько конкретизация правовых или технологических аспектов новых моделей, но привязка их к жизненным ситуациям (постоянная и/или временная занятость, дополнительный или основной заработок и т.д.), мотивации (вынужденность и добровольность включения) работника и т.д.

Наиболее часто в отечественной и зарубежной литературе пытаются разграничить понятия “новые формы занятости”, “нестандартная (нетипичная) занятость”, “ненадежная (прекарная) занятость”. Под нестандартной (нетипичной) занятостью понимаются различные “формы организации труда, которые основаны на нестандартных организационно-правовых условиях, дают большую свободу действий и возможность самостоятельной деятельности, а также снижают регламентацию в организации труда, производства и управления. Такие формы занятости, как правило, усиливают риски, снижают гарантию обеспечения всех трудовых прав работников”¹². Такой подход часто используется для международных сравнительных исследований; так, эксперты МОТ выделяют четыре основных типа нестандартной занятости¹³: временная занятость, трудовая деятельность на условиях неполного рабочего времени, временный агентский (заемный) труд и другие формы многосторонних трудовых отношений, замаскированные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость. Использование терминов “нетипичность” и “нестандартность” не в полной мере отражает существующие процессы трансформации социально-трудовой сферы, скорее это дань сложившемуся в XX в. идеалу организационной занятости, рассмотрению ее как некоторой универсальной нормы. Согласно данным Всемирного банка в 2019 г. 46,4% всех работников мире не были включены в систему организованного наемного труда (не являлись наемными сотрудниками)¹⁴.

¹² Потуданская В.Ф., Мокрецова А.В. Классификация нестандартных форм занятости // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 75–78.

¹³ Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспектив решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда. Женева, 2017.

¹⁴ См.: Self-employed, total (% of total employment) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS> (accessed: 10.01.2023).

Нестандартные и новые формы занятости — взаимосвязанные понятия, но последнее более широкое, так как включает помимо форм, основывающихся на нестандартных организационно-правовых условиях организации труда, и те, которые опираются на существующие трудовые контракты (правовые условия стандартной занятости) и новые формы организации труда. В такой формулировке понятие “новые формы занятости” сближается с широкой интерпретацией нестандартной занятости у ряда специалистов¹⁵.

Большая вариативность включаемых моделей занятости позволяет преодолевать однобокость сложившихся узких интерпретаций нестандартной занятости. Так, многие из изучаемых новых форм могут не снижать, а усиливать регламентацию (ярко проявляется в платформенной занятости), кроме того не во всех случаях повышаются социальные риски для работника и существенно снижаются гарантии трудовых прав. Так, получают распространение новые форматы трудовых договоров, сочетающие гибкость контрактных ролей и преимущество постоянных рабочих мест. Например, программа Unilever U-work позволяет работнику иметь постоянный контракт и минимально гарантированный гонорар за выполненную работу в виде процента от заработной платы на рабочем месте при условии отработки установленного количества недель в году по краткосрочным заданиям компании. При этом компания берет на себя необходимые медицинские и пенсионные отчисления¹⁶.

В рамках исследования новых форм занятости пытаются сформировать взвешенную позицию по вопросу “ненадежности”, “неустойчивости” новых моделей занятости (*precarious work*). Как правило, при обсуждении нестандартной занятости различные накладывающиеся друг на друга процессы одновременного изменения форм организации труда, модернизации трудовых отношений и сферы деятельности, все то, что характеризуется как “ломкость” сферы труда, рассматриваются с негативной позиции, как фактор углубления социальных проблем — роста социального неравенства, инклюзии, формирования прекариата¹⁷. Не отрицая имеющихся

¹⁵ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М., 2005. С. 10.

¹⁶ Сайт Unilever. URL: <https://www.unilever.com/planet-and-society/future-of-work/future-workplace/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁷ Прекарная занятость и формирование прекаритата подробно исследуется в российских и зарубежных исследованиях. См.: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014; Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М., 2018; Голенкова З.Т. Прекариат как новое явление в современной

негативных эффектов трансформации занятости в части снижения трудовых гарантий, вознаграждений и перспектив профессионального роста, необходимо указать, что неустойчивость и ненадежность охватывают не все новые формы, а только те, которые сопряжены с вынужденным характером включения. Превращение той или иной формы занятости в ненадежную, неустойчивую может зависеть от семейной ситуации работника (работает ли супруг(а), есть ли несовершеннолетние дети и т.п.), индивидуальных ожиданий работника в контексте выстроенной им стратегии профессионального развития и поддержания баланса профессиональной и личной жизни, а также от различных мер социальной защиты, предоставляемых государством и/или компаниями¹⁸.

В этом отношении только еще предстоит исследовать, является ли нестабильность занятости неким переходным феноменом или это новая качественная характеристика складывающейся системы занятости, насколько можно говорить о нестабильности занятости только с позиций негативных последствий, нивелируя возможные открывающиеся преимущества для общества, организации и работника¹⁹. Следует согласиться с А. Каллебергом, что задача и определенный вызов для социологии состоят в формировании целостного, междисциплинарного подхода к исследованию занятости, «объясняющего как создаются и поддерживаются различные виды новых трудовых отношений, какие механизмы, которые в разной степени поддаются политическому вмешательству, соответствуют различным видам государственной политики. Необходимо понять спектр новых моделей занятости и их последствия как для организационной деятельности, так и для благосостояния людей»²⁰.

При изучении новых форм занятости намечается попытка интеграции трех подходов и соответствующих им исследовательских оптик: организационно-технологического, правового и социологического. Организационно-технологический связан с развитием

структуре // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015.

¹⁸ Kalleberg A.L. Good jobs, bad jobs: the rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s–2000s. N.Y., 2011; *Idem*. Precarious lives: job insecurity and well-being in rich democracies. Cambridge, 2018.

¹⁹ Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 48–71. DOI: 10.19181/soc-jour.2018.25.1.6279

²⁰ Kalleberg A.L. Precarious work, insecure workers: employment relations in transition // American Sociological Review. 2009. Vol. 74 (1). P. 1–22. DOI: org/10.1177/000312240907400101

гибридных производственных систем, сконцентрирован на технико-технологической основе и организации современного производства, на том, как в рамках нового технологического уклада трансформируются сферы деятельности, продолжительность, условия труда. Правовой подход акцентирует внимание на правовых аспектах закрепления и регулирования моделей занятости, возникающих новых взаимоотношений, которые заменяют, расширяют сложившиеся в XX в. социально-трудовые контракты. В рамках социологического подхода упор делается на изменении содержания социально-экономических и социально-трудовых отношений, на возникающих особых позициях занятых, реализующих свою трудовую деятельность в новых формах, в социально-экономической структуре современных обществ и вытекающие из этих трансформаций социальные последствия. Важно, что социологический подход не только способствует выделению и типологизации работников новых форм занятости, их характеристик, сфер деятельности, в которых они получают наибольшее распространение, но исследуются мотивации включения, что позволяет в общем контексте не только фиксировать интерес и востребованность форм в текущих условиях, но и строить социальные прогнозы относительно их расширения в будущем²¹.

Правовой и организационно-технологический подходы доминируют в практике. Это обусловлено требованиями общественной среды и государственных органов, заинтересованных в том, чтобы, с одной стороны, оценить масштабы новых форм занятости, а с другой — нивелировать пробелы в регулировании новых форм взаимоотношений работника и работодателя. Именно на таком сочетании подходов построена получившая распространение типологизация новых форм занятости Еврофонда (2015)²². На базе исследований были выделены и содержательно описаны девять форм, появившихся с начала 2000-х гг. и получивших свое распространение:

- Совместное использование наемного работника.
- Совместное рабочее место.
- Временное управление.
- Разовая работа.
- Мобильная работа на основе ИКТ.

²¹ Преимущества данного исследовательского подхода продемонстрированы при изучении российских фрилансеров. См.: *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М., 2022.

²² *New Forms of Employment.* Publications Office of the European Union. Eurofound. Luxembourg. Report. 2015. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1461en.pdf (accessed: 12.10.2022).

- Работа по ваучерам.
- Работа по портфолио.
- Краудворк.
- Коллаборативная занятость.

Данная классификация не является “полной”, отражая только текущий взгляд на наиболее распространенные модели выполнения работ в ЕС. Например, среди видов отсутствует “фрилансерство”. Вид “работа по портфолио” лишь частично покрывает то многообразие возможных форм взаимодействия заказчика и исполнителя работы, сфер приложений и т.д., которое традиционно вкладывается в понятие “фриланс”. По сути, фрилансерство может выступать как инвариантом краудворка (когда платформа служит средством, при помощи которого выполняется ряд задач), так и мобильной работы через приложение (работа по запросу, при котором для выполнения традиционных трудовых действий используются приложения, управляемые фирмами, которые также участвуют в установлении минимальных стандартов качества услуг, в отборе и в управлении рабочей силой новой формы занятости).

Концентрация на нахождение только общих организационных характеристик новых моделей и построения на их основе правовых норм (в соотнесении их с нормами стандартной занятости) без соответствующей социологической экспертизы и глубокого понимания социальных процессов трансформации провоцирует в системе управления формирование избыточных норм регулирования (“запретить все”), что неизбежно формирует условия для распространения теневого (неформального) форм, сужает столь необходимые возможности дополнительной занятости и дохода. При рассмотрении способов стимулирования новых форм необходимо опираться на широкую трактовку, включающую как новые модели отношений занятости между работодателем и работником или клиентом и работником, и новые модели трудовой деятельности, основывающиеся на новых способах выполнения работы, но главное — основывающиеся на социологической интерпретации стратегий включения в данные формы самих работников.

Отношение российских пенсионеров к дистанционной занятости

В современных условиях представления о возможностях трудовой реализации людей старшего возраста все еще стереотипизированы. Закрепленные в общественном сознании представления о снижении возможностей пожилых к обучению, о слабом владе-

Таблица 1

Факторы, обуславливающие готовность пенсионера работать дистанционно, % работающие и ищущие работу пенсионеры

Готовы ли Вы работать в дистанционном формате?	Всего, %	Пол		Образование			Смена работы по достижении пенсионного возраста		Готовность к дистанционному обучению		Наличие в организации системы обратного наставничества		
		Мужской	Женский	Неполное среднее	Средне-профессиональное	Высшее/неоконченное высшее	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	
Да	38,4	27,3	46,0	40,0	20,9	49,3	30,1	42,5	61,9	13,8	66,7	43,2	29,8
Нет	61,6	72,7	54,0	60,0	79,1	50,7	69,9	57,5	38,1	86,2	33,3	56,8	70,2

нии цифровыми технологиями и многое другое создают давление, существенно ограничивая желание и возможности пенсионеров к продолжению работы. Многие из стереотипов формируются и воспроизводятся благодаря специалистам кадровых служб. Готовность пенсионеров к работе в новых форматах значительно выше, чем принято полагать. Это четко проявилось в ходе исследования при выявлении отношения к дистанционной занятости²³ и включения в самозанятость. 38,4% опрошенных российских пенсионеров высказали готовность к работе в дистанционном формате (табл. 1). На желание включаться в такой формат работы влияет множество индивидуальных факторов и жизненных ситуаций, что требует введения дифференцированного подхода к разработке программ. Необходимо преодолеть сложившийся в управленческой практике подход рассмотрения пожилых как гомогенной группы со схожими потребностями и стратегиями поведения. Опираясь на полученные данные, можно говорить о нескольких линиях дифференциации программ. Так, готовность к такой работе зависит от пола (более характерна для женщин (46%), чем для мужчин), уровня образования (наибольшую готовность работать в таком формате демонстрируют люди с высшими или неполным высшим образованием) (табл. 1).

Важным фактором, определяющим готовность к дистанционной занятости, выступает смена работы по достижению пенсионного возраста. Те, кто сталкивается с необходимостью добровольной или вынужденной смены работодателя, в меньшей степени готовы прибегать к формату дистанционной работы. Не секрет, что представители старших возрастов одни из самых дискриминируемых при найме групп на российском рынке труда, им приходится дольше и сложнее находить работу (особенно по специальности). Согласно данным SuperJob, в 2021 г. самые высокие субъективные оценки в сложности поиска работы испытывают россияне в возрасте 54–56 лет (средний показатель 8,7 балла из 10) и в возрасте 60+ (8,3 балла из 10)²⁴. Смена работы по достижению пенсионного возраста часто способствует закреплению пожилых в зоне низкоквалифицированных и плохо оплачиваемых рабочих мест.

²³ В Трудовом кодексе РФ использует термин “дистанционная (удаленная) работа”.

²⁴ Самый сложный возраст для поиска работы — предпенсионный, проще всего трудоустроиться в возрасте 30–35 лет // Сайт Исследовательского центра портала Superjob.ru. Обзор. 25 марта 2021 года. URL:<https://www.superjob.ru/research/articles/112750/samyj-slozhnyj-vozrast-dlya-poiska-raboty/> (дата обращения: 27.06.2022).

Это общемировая тенденция находит отражение и на российском рынке труда: те, кто после выхода на пенсию сменил место работы, нередко теряют и в квалификации, и в трудовых гарантиях. Они часто трудятся без официального оформления, просто ради небольшого приработка. Работодатели же получают ощутимые доходы от экономии на налогах и низких зарплатных ожиданиях пенсионеров²⁵.

Ожидаемо, что положительнее относятся к дистанционной форме занятости те, кто демонстрирует большую готовность обновлять текущие или осваивать новые знания с применением дистанционных технологий. Готовность проходить дистанционное обучение выразили 49,3% опрошенных пенсионеров, среди готовых проходить обучение существенно выше процент тех, кто выражает готовность к дистанционному формату работы (табл. 1). Важную роль в этом играет не только внедрение дистанционных образовательных программ и работа российских организаций по повышению цифровой грамотности работников старших возрастов (такие программы развивают крупнейшие российские организации — РЖД, Газпромнефть, Альфа Банк и др.), но и внедрение программ реверсирсивного (обратного) наставничества. Если молодежь активно делится своими знаниями и умениями по части владения компьютерной техникой и программ, лицам старших возрастов легче их использовать в работе. Обретая такую опору и поддержку в лице молодых коллег, работники старших возрастов легче принимают новшества и включаются в различные форматы удаленной работы.

Положительным триггером в расширении дистанционной занятости послужила пандемия COVID-19. Исследование HeadHunter показывает, что переход на дистанционный формат работы позволил работодателям преодолеть стереотипы о негибкости и низкой обучаемости старших возрастов “цифре”, неготовности их к восприятию удаленных или гибридных форматов работы. Наоборот, большая стрессоустойчивость, желание сохранить рабочее место заставляли пожилых работников быстрее осваивать новый формат работы, приспосабливаются к изменениям, находить нестандартные решения. В 2022 г. российские компании стали чаще рассматривать возрастных кандидатов при найме (на 29% по сравнению с 2021 г.

²⁵ Сонина Ю.В., Колосницына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i2.1781>

увеличилось количество приглашений для старших возрастов, на 38,2% возросло количество откликов на резюме пожилых), по отдельным сферам деятельности увеличилась доля сотрудников старших возрастов в составе организаций²⁶.

Неочевидным, но вполне логичным фактором выбора дистанционной работы стало место жительства. Пенсионеры, проживающие в сельской местности, более склонны рассматривать вариант дистанционной работы. Существуют и региональные отличия. Пенсионеры, проживающие в регионах Северо-Кавказского федерального округа, демонстрируют большую готовность к удаленной работе. Вероятно, такие оценки вызваны отсутствием достаточного количества рабочих мест, традиционно округ объединяет российские регионы с самой высокой безработицей²⁷. Учет данного фактора позволит модернизировать программы содействия занятости старших возрастов, в перспективе качественно переломить сложившуюся ситуацию, давая возможность трудоустройства за пределами регионов.

Рассматривая перспективы развития удаленной занятости для россиян старших возрастов, необходимо указать на несколько моментов, важных для всех групп занятых, но для пожилых в особенности:

- обеспечение нормирования работы, чтобы избежать переработки, поддержание баланса работы и личной жизни;
- создание технических условий для выполнения трудовых функций (в ряде случаев создание дистанционного рабочего места);
- обеспечение обратной связи и поддержки (в тех формах, которые востребованы у пожилых работников, привычны им);
- сохранение заработной платы или установление ее приемлемого уровня (когда речь ведется о переходе на дистантную форму внутри предприятия с сохранением функционала).

Важным барьером включения в дистанционный формат работы, как отмечалось, становится личная (жизненная) ситуация.

²⁶ Зачем нанимать профессионалов 45+ // Исследовательский центр HeadHunter. Обзор. 12 ноября 2022. URL: <https://hh.ru/article/research> (дата обращения: 18.01.2023).

²⁷ В 2021 г. уровень безработицы в Северо-Кавказском федеральном округе составлял 14,8%, максимальное значение по всем федеральным округам. См.: Численность и состав рабочей силы в субъектах Российской Федерации (по данным выборочных обследований рабочей силы в среднем за ноябрь 2020 г. — январь 2021 г.) // Сайт Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/38.htm (дата обращения: 20.01.2023).

Реализация трудовых функций в домашних условиях для пожилых работников с семьями может быть затруднена сложностью создания рабочей обстановки. Переход на дистанционную занятость должен сопровождаться обязательным введением кадровых инструментов и технологий: 1) связанных с диагностикой и оценкой эмоционального состояния и настроения работников, чтобы вовремя диагностировать признаки эмоционального выгорания и снижения продуктивности; 2) обеспечивающих управленческую, организационную, техническую, психологическую и иную помощь и поддержку в условиях возникающих проблем; 3) помогающих в планировании рабочего дня.

Удаленная занятость (особенно для одиноких пенсионеров) может сужать до минимума социальные контакты, уменьшать плотность коммуникации, приводить к дефициту профессионального и бытового общения. Это может порождать не только проблемы ментального здоровья, но негативно влиять на физическое самочувствие. Снижение двигательной активности, мобильности работников повышает риски для здоровья. Все это в совокупности может снижать интерес к такому формату работы. Поэтому важным (если не ключевым) во внутриорганизационном стимулировании занятости становится учет жизненных обстоятельств (наличие семьи, бытовые условия и др.) и социально-психологических характеристик пожилого работника (возраст, состояние здоровья, стремление и желание автономной работы, самодисциплина и т.д.).

В современных российских реалиях развитие дистанционной занятости для пожилых будет реализовываться в ограниченном круге индустрий/отраслей и сфер профессиональной деятельности. Во многих видах деятельности дистанционные модели работы пока невозможны в принципе, существуют значительные диспропорции как в распространении дистанционного труда, например, между сферой услуг и промышленного производства, так и в разрезе профессиональной квалификации работников — высококвалифицированные работники оказываются заметно чаще вовлеченными в дистанционный труд по сравнению с работниками средней и низкой квалификации²⁸. По данным Всемирного банка, только около четверти всех работников могут выполнять свои трудовые функции в

²⁸ Productivity gains from teleworking in the post COVID-19 era: how can public policies make it happen? // Organization for Economic Co-operation and Development. Report. 2020. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policyresponses/productivity-gains-from-teleworking-in-the-post-covid-19-era-a5d52e99/> (accessed: 10.01.2023).

дистанционном режиме²⁹. Среди возможностей развития удаленной работы нельзя недооценивать готовность россиян менять профессиональную траекторию в зрелом возрасте. Так, в ходе опроса было зафиксировано, что почти половина (47,2%) работающих или ищущих работу российских пенсионеров готова к освоению новой сферы деятельности. Важно, что значительная часть допускающих вариант удаленной занятости готова изменять не только формат работы, но и ее содержание (табл. 2). В целом готовность к изменению профессиональной сферы в большей степени характерна (табл. 2) для мужчин (чаще допускают возможность смены профессиональной ориентации), более молодых пенсионеров (65 лет и младше) и городских жителей. При этом московские пенсионеры существенно опережают жителей российских регионов в готовности освоить новую профессию. Это результат развития инфраструктурных проектов для переобучения и нахождения работы в Москве, а также целенаправленной информационной работы Московского правительства по популяризации программ для предпенсионеров и пенсионеров.

Таблица 2

Факторы, влияющие на готовность пенсионера освоить новую профессию, % работающие и ищущие работу пенсионеры

Если для продолжения трудовой деятельности придется освоить новую профессию это будет для Вас приемлемо?	Всего, %	Пол		Место жительства				Возраст		Готовность к дистанционному формату работы	
		Мужской	Женский	Москва	Столицы регионов	Другие города	Поселки и села	65 лет и младше	старше 65 лет	Да	Нет
Да	47,2	55,4	41,6	65,5	47,3	47,4	36,5	51,7	36,6	59,5	39,5
Нет	49,9	42,4	55,0	27,6	49,7	51,6	59,6	45,4	60,4	36,6	58,1
Затрудняюсь ответить	2,9	2,2	3,5	6,9	3,0	1,1	3,8	2,9	3,0	0,0	0,0

²⁹ Daniel D., Nicolas N., Ozden C., Rijkers B., Viollaz M., Winkler H. Who on Earth can work from home? // Policy Research Working Papers. 2020. N 9347.

При всех очевидных преимуществах дистанционных моделей работы (не надо тратить время на дорогу, большая гибкость в графике работы, автономность выполнения заданий и т.д.) потенциал предполагаемых плюсов для работника и организации, возникающие социальные риски должны просчитываться, необходимо избежать искусственного вталкивания работающих пенсионеров в такой сценарий работы. Для тех категорий пенсионеров, кто заинтересован в таком варианте трудовой реализации, должен быть предусмотрен комплекс дополнительного профессионального обучения, предусмотрена работа по повышению цифровых навыков.

Перспективы расширения самозанятости российских пенсионеров

Характеризуя стратегию самозанятости, необходимо указать, что в ходе опроса было выявлено, что 40,2% работающих или ищущих работу пенсионеров допускают переход к самозанятости, что существенно выше, чем в общероссийских исследованиях ВЦИОМ. Так, в 2022 г., согласно ВЦИОМ, только 19% в возрасте 45–59 лет и 20% представителей возрастной группы 60+ “хотели бы реализоваться как фрилансеры и самозанятые”³⁰. В большей степени интерес к такой трудовой траектории проявляют более “молодые пенсионеры” (младше 65 лет), более образованные, жители столиц регионов (табл. 3). Есть отличия в оценках жителей разных регионов: так, респонденты Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов наименее заинтересованы в самозанятости. В целом, российские пенсионеры начинают видеть плюсы самозанятости и понимают, что она наряду со всем прочим дает возможность реализовать давнюю мечту, например, заработать на хобби, которым человек занимался всю жизнь.

Как и на развитие дистанционных форм, на готовность к самозанятости влияет наличие в организации систем реверсивного наставничества. Сформированные в рамках таких программ механизмы взаимодействия пожилых и молодых сотрудников учат пожилого человека функционировать в среде, где более молодые сотрудники обладают большим объемом технических знаний и готовы ими делиться. Принятие пожилыми этой новой социальной реальности, умение работать и найти свое место в условиях префигуративной культуры — важные составляющие успешной про-

³⁰ Фриланс в России больше чем фриланс // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 26.07.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (дата обращения 13.01.2023)

Таблица 3

**Факторы, влияющие на готовность пенсионера стать
самозанятым, % работающих и ищущие работу пенсионеры**

Вы допускаете для себя возможность стать самозанятым?	Всего, %		Возраст		Образование			Тип населенного пункта			Наличие в организации системы обратного наставничества	
	65 и младше	65+	Неполное среднее/среднее	Средне-профессиональное	Высшее/неоконченное высшее	Столица указанного субъекта Федерации	Другой город субъекта Федерации	Поселок или сельский населенный пункт	Да	Нет		
Уже работаю	1,7	3,0	0,0	1,6	2,4	2,1	3,2	0,0	1,4	3,3		
Допускаю	47,1	23,8	40,0	27,1	48,3	46,9	30,5	32,7	48,2	25,6		
Не допускаю	50,4	67,3	60,0	69,8	46,4	49,0	62,1	67,3	47,7	69,4		
Затрудняюсь ответить	0,8	5,9	0,0	1,6	2,9	2,1	4,2	0,0	2,7	1,7		

фессиональной ориентации возрастных сотрудников. Обратное наставничество формирует у пожилых готовность выйти “в свободное плавание” и стать самозанятым.

При стимулировании программ самозанятости необходимо исходить из разных способов ее реализации. Следует разделить самозанятость и фиктивную (зависимую) самозанятость. Первая представляет собой не просто осознанный переход на новый формат налогового режима, но является содержательной реализацией желания автономности и самостоятельности в труде (желания работать на себя). Во втором случае переход на самозанятость часто является следствием давления компаний, заинтересованных к переводению значительной части работников с традиционного формата социально-трудовых отношений к гибким формам, которые обеспечивают значительную экономию на рабочей силе. Несмотря на созданные в РФ законодательные и регуляторные ограничения сотрудник может продолжать работать на прежнем месте, выполняя прежний комплекс трудовых операций, просто на других условиях взаимоотношения с работодателем.

В отношении зависимой самозанятости преобладают алармистские взгляды, ее связывают с утратой значительной части социально-трудовых гарантий. Такой негативный взгляд отражает часть сложившихся проблем. Однако следование жесткой логике “запретить”, существенно ограничить может не дать возможности реализовать потенциал подобной занятости на всех уровнях (в системе государственного регулирования и содействия занятости, для бизнес-структур и для определенных возрастных/профессиональных категорий работников)³¹.

В текущих социально-экономических условиях следует обеспечить несколько направлений эффективного применения зависимой самозанятости:

³¹ Федеральный закон 422-ФЗ от 27.11.2018 устанавливает несколько ограничительных мер для признания статуса самозанятого, для ограничения массового перехода к этой форме для снижения налоговой нагрузки компаний, в частности не признаются объектом для налогообложения доходы, получаемые в рамках трудовых отношений, от оказания (выполнения) физическими лицами услуг (работ) по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками услуг (работ) выступают работодатели указанных физических лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад и др. Также Федеральная налоговая служба создала скоринговую систему, выявляющую зависимую самозанятость, на основании данных организации штрафуют, а лиц лишают статуса самозанятого. Отдельно классифицируются признаки “подмены” трудовых отношений, например, платеж поступает самозанятому в одно и то же время, в одном и том же размере; юридическое лицо — единственный заказчик самозанятого; в договоре прописан распорядок труда самозанятого и др.

– государственным органам совместно с представителями бизнес-сообщества продолжить работу по модернизации трудового законодательства, при этом ориентироваться не только на устранение существующих пробелов в регулировании такой занятости, но отказаться от ряда избыточных норм и процедур;

– способствовать институционализации разрозненных инициатив по созданию “новых типов профсоюзных движений” для представителей гибких форм занятости (будут помогать выработке механизмов сдержек, установления баланса между интересами работодателей и работников, включенных в новые модели занятости, защите их прав);

– сформировать систему государственного контроля по соблюдению прав граждан, занятых в новых моделях занятости;

– разработать информационные кампании как в отношении российских организаций, так и сотрудников. Основная цель информационной работы с пожилыми сотрудниками — разъяснение особенностей налоговой отчетности, прав и возможностей, формирование установок к возможному использованию зависимой самозанятости.

Системная работа по данным направлениям позволит эффективно купировать возникающие конфликты, снизить дискриминацию со стороны организации социально-уязвимых групп, обеспечит старшим поколениям возможности для продолжения работы в условиях снижения способности государства и организаций по созданию рабочих мест с традиционной занятостью.

Развитие классической (независимой) самозанятости сопряжено с несколькими направлениями деятельности:

– расширение возможностей для профессионализации хобби пожилыми;

– создание платформенных решений для краудворка;

– развитие образовательных программ для пожилых по переходу на самозанятость;

– информационная поддержка и популяризация самозанятости.

Основные усилия в настоящий момент с точки зрения государственной политики концентрируются на образовательных программах и информационной поддержке самозанятости. И это дает свои плоды: растет количество россиян старших возрастов, знающих о самозанятости, повышается интерес к такому формату работы. В то же время потенциал самозанятости для смены профессиональной траектории в зрелом возрасте использован не в полной

мере. Самозанятость продолжает связываться преимущественно с текущей работой/профессиональной сферой, представляется некой альтернативой гибкого графика работы и независимости от руководства.

В то же время самозанятость в рамках развития творческой работы/профессионализации хобби может стать инструментом самореализации пожилого человека в новой сфере. Для обеспечения таких траекторий базовыми институтами могут стать проекты (службы) Активного долголетия, которые развиваются в регионах. Созданные на их основе клубы по интересам могут становиться не только образовательными площадками, но и давать инструменты для монетизации хобби (выход на платформы по предложению своих услуг или произведенных на дому товаров).

Одним из инструментов стимулирования самозанятости могут выступать платформы для краудворка³² и работы по запросу. Существующие в мире веб-платформы, позволяющие сводить заказчика и исполнителя, т.е. физическое лицо или бизнес и исполнителя, который будет выполнять оплачиваемую работу удаленно, показали свою эффективность в разных сферах. Они увеличивают возможности удаленной занятости: расширяют географию поиска заказов и клиентов, позволяют выходить на национальный или международный рынок труда, физически оставаясь в пределах региона или страны проживания, становятся эффективным инструментом включения в занятость групп населения, временно или постоянно ограниченных в мобильности или не имеющих возможности работать по жесткому графику³³. Веб-платформы для краудворка обеспечивают пожилым возможности в трех аспектах:

1) доступ на рынок труда и получения дохода в рамках имеющейся или новой профессии, когда на региональных рынках труда традиционная занятость не может быть обеспечена;

³² Краудворк определяется как новая форма занятости, которая позволяет организациям и (или) физическим лицам с помощью онлайн-платформ передавать решение определенных проблем или оказание услуг неопределенному, заранее неизвестному кругу лиц (физических и (или) юридических) в обмен за вознаграждение (плату); как новая форма организации выполнения заданий, которая характеризуется тем, что выполнение задания, с которым обычно справлялся один работник, предлагается огромному количеству виртуальных работников. В отчете Еврофонда 2020 г. термин «краудворк» заменен на платформенную работу. См.: New forms of employment: 2020 update. New Forms of Employment Series. EU. Luxembourg, 2020. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20027e.pdf (accessed: 11.11.2022).

³³ Платформенная занятость: определение и регулирование. М., 2021. С. 18.

2) получение дополнительного дохода к пенсии за счет выполнения “простых” работ (не связанных с базовыми профессиональными навыками).

Важным фактором является то, что платформы дают возможность получать регулярные (ежедневные/по выполнению микро-задания) выплаты, что позволяет более гибко выстраивать занятость под жизненные ситуации.

Еще один вариант платформенных решений связан с разработкой приложений и доступа к выполнению работ через них. В последние годы такой формат занятости активно стимулировался цифровыми компаниями в основном в сфере только “простой” занятости (например, доставка, сборка заказов и т.д.). Примеры приложений для подключения к работе: Сбер.Маркет, Сам.Маркет, Bringo, Jump. Work, Самокат³⁴ и др. Ряд компаний, оценив потенциал пожилых, создали специальные информационные разделы для пенсионеров, объясняющие принципы перехода к самозанятости и демонстрируя возможности работы приложений именно для этой целевой группы³⁵.

Такой опыт может быть масштабирован и на другие востребованные сферы и задачи. Например, можно расширять работу пожилых в качестве компаньонов друг другу — социальный старт-ап Parents Hive³⁶, развивать цифровые проекты взаимного обучения пожилых и т.д. Включение пожилых в работу через приложения должно сопровождаться:

1) контролем за соблюдением гарантий выполнения обязательств (уже есть случаи, когда сервисы вводят необоснованные штрафные санкции к работникам приложений, задерживают выплаты, демпингуют и т.д. Даже молодым работникам бывает сложно обеспечить соблюдение своих прав, пожилые в силу недостаточности цифровых навыков и правовой грамотности находятся в еще более уязвимом положении);

2) стимулированием платформ к разработке социальных программ. С опорой на собственную экспертизу в сфере цифровых

³⁴ СберМаркет. URL: <https://job.sbermarket.ru/> (дата обращения: 13.12.2022); Сам.Маркет. URL: <https://market.selfwork.ru/app/system/ad-list> (дата обращения: 10.11.2022); Bringo. URL: <https://bringo247.ru/couriers> (дата обращения: 10.11.2022); Jump. Work. URL: <https://jumpwork.ru/#specs>; Самокат. URL: <https://liderconsalt-team.ru/msk> (дата обращения: 10.11.2022).

³⁵ Dostavista.ru. URL: <https://dostavista.ru/msk/courier/rabota-kurerom-dlya-pensionerov> (дата обращения: 13.12.2022).

³⁶ Служба компаньонов для пожилых людей Parents Hive. URL: <https://drive.google.com/file/d/1tUH16fyar7guHWGFbtoPLcVjce6WOZ0/view> (дата обращения: 01.11.2022).

продуктов и понимание специфики этого сегмента занятости, сервисы могут выступить разработчиками информационной инфраструктуры для реализации партисипаторных схем участия в социальных программах; разрабатывать различные схемы страхования в партнерстве с представителями всех заинтересованных сторон, а также предоставлять софинансирование отдельных гарантий, связанных, прежде всего, со страхованием здоровья и временной нетрудоспособности, для определенных категорий своих партнеров и т.д.³⁷;

3) повышением цифровых компетенций пожилых россиян, созданием образовательных программ (в том числе при поддержке цифровых сервисов и платформ) по работе “в цифре”. Часть таких программ уже создаются в рамках “зависимой” самозанятости реализуемой в рамках цифровых экосистем (например, Сбер, Яндекс и т.д.).

Потенциал новых форм занятости для расширения трудового участия пожилых, формирования новых профессиональных траекторий в старших возрастах несомненен, но реализация потенциала в российских условиях будет зависеть от комплексности и оперативности принимаемых управленческих решений на разных уровнях.

“Маятниковость” российского управления — от полного попустительства до жестких, излишне детализированных как законодательных, так и контрольных инициатив в отношении новых форм занятости — способна нивелировать то позитивное в части гибкости трудовых стратегий, в повышении дополнительных доходов населения, что в состоянии предоставить новые формы занятости для пожилых. Безусловно, законодательство и регуляторные практики должны обеспечивать соблюдение прав работников, не ущемлять и без того ограниченные на российском рынке труда возможности для предпенсионеров и пенсионеров. Но необходимо понимание, что объем и содержание прав и обязанностей в рамках новых моделей занятости должны формироваться путем консенсуса между ключевыми стейкхолдерами — бизнесом, государством и самими работниками. Вероятно, они не могут быть в принципе сопоставимы с объемом прав и обязанностей всех сторон при стандартных формах занятости.

Разработка мер стимулирования новых форм занятости должна опираться (на всех уровнях) на изучение готовности российских

³⁷ Платформенная занятость... С. 7.

пенсионеров включаться в новые форматы социально-трудовых отношений. Речь должна вестись не только о популяризации тех или иных форм (позитивный опыт по разработке мер в отношении самозанятости имеется в ряде Субъектов Федерации), но также и соответствующем повышении правовой и цифровой грамотности предпенсионеров и пенсионеров, целенаправленной работы с ними по формированию “портфельного подхода” к занятости. Только преодоление складывающегося в общественном сознании стереотипа восприятия любых отклоняющихся от стандартных форм занятости как “неполноценных”, “дискриминирующих”, “ущербных” может дать толчок к построению более гибких стратегий занятости пожилых, учитывающих и многообразие жизненных ситуаций, и финансовые возможности, и факторы здоровья. Опора на предложенный Ч. Хэнди портфельный подход³⁸ обеспечит пожилым сотрудникам возможности для нахождения баланса между свободой и финансами, для эффективной интеграции самозанятости, занятости на неполный рабочий день, временных подработок, волонтерской деятельности и т.д. в единый портфель работ для обеспечения финансовой устойчивости и реализации жизненных планов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вест. РУДН. Сер. Социология. 2022. Т. 22. № 4. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843>

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М., 2005.

Голенкова З.Т. Прекариат как новое явление в современной структуре / Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015.

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2020. Т. 12. № 2. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

Зачем нанимать профессионалов 45+ // Исследовательский центр Head Hunter. Обзор. 12 ноября 2022. URL: <https://hh.ru/article/research> (дата обращения: 18.01.2023).

Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспектив решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда. Женева, 2017.

Платформенная занятость: определение и регулирование. М., 2021.

Потуданская В.Ф., Мокрецова А.В. Классификация нестандартных форм занятости // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1(18).

³⁸ Хэнди Ч. Слон и блоха. Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса. М., 2004.

Работа в будущем. Возможно ли общество, где в труде нет необходимости? // Сайт ФОМ. Аналитический обзор. 2021.09.02. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14537> (дата обращения: 14.10.2022).

Рогозин Д.М. Счастье и свобода в старости: власть, секс, путешествия // Социодиггер: Старые люди — новые тренды. 2022. Т. 3. Вып. 5–6 (18).

Самый сложный возраст для поиска работы — предпенсионный, проще всего трудоустроиться в возрасте 30–35 лет // Сайт Исследовательского центра портала Superjob.ru. Обзор. 25 марта 2021 года. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112750/samyj-slozhnyj-vozrast-dlya-poiska-raboty/> (дата обращения: 27.06.2022).

Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М., 2022.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М., 2018.

Фриланс в России больше чем фриланс // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2022.26.07. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (дата обращения 13.01.2023).

Хэнди Ч. Слоны и блохи. Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса. М., 2004.

Эгглстон К., Фукс В. Новый демографический переход: наибольший прирост продолжительности жизни в настоящее время происходит за счет старших возрастов // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4.

REFERENCES

Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Zhiznennye i trudovye strategii pensionerov v sovremennoi Rossii [Life and work strategies of pensioners in contemporary Russia] // Vest. RUDN. Ser.Sotsiologiya. 2022. Vol. 22. N 4. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843 (in Russian).

Bloom D., et al. Implications of Population Ageing for Economic Growth // Oxford Review of Economic Policy. 2010. Vol. 26. N 4.

Daniel D., Nicolas N., Ozden C., Rijkers B., Viollaz M., Winkler H. Who on Earth Can Work from Home? // Policy Research Working Papers. 2020. N 9347.

Eggleston K., Fuchs V. Novyi demograficheskii perekhod: naibol'shii prirost prodolzhitel'nosti zhizni v nastoyashchee vremya proiskhodit za schet starshikh vozrastov [A new demographic transition: most gains in life expectancy currently now realized late in life] // Demograficheskoe obzrenie. 2019. Vol. 6. N 4 (in Russian).

Frilans v Rossii bol'she chem frilans [Freelancing in Russia is more than freelancing] // VCIOM. Analytical review. 07/26/2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (accessed: 13.01.2023) (in Russian).

Gimpelson V., Kapelyushnikov R. Nestandartnaya zanyatost' i rossiiskii rynek truda [Precarious employment and the Russian labor market]. Preprint WP3/2005/05 M., 2005 (in Russian).

Golenkova Z.T. Prekariat kak novoe yavlenie v sovremennoi strukture. Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii [The precariat as a new phenomenon in the modern structure. Hired worker in modern Russia] / Pod. red. Z.T. Golenkova. M., 2015 (in Russian).

Grigorieva I.A., Bogdanova E. Kontseptsiya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered litsom pandemii COVID-19 [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic] // *Laboratorium: Journal of Social Research*. 2020. Vol. 12. N 2. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (in Russian).

Handy C. Slon i blokha. Budushchee krupnykh korporatsii i melkogo biznesa [The Elephant and the Flea. The future of large corporations and small businesses]. M., 2004 (in Russian).

Kalleberg A.L. Good jobs, bad jobs: the rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s–2000s. N.Y., 2011.

Kalleberg A.L. Precarious lives: job insecurity and well-being in rich democracies. Cambridge, 2018.

Kalleberg A.L. Precarious work, insecure workers: employment relations in transition // *American Sociological Review*. 2009. Vol. 74 (1). P. 1–12. URL: <https://doi.org/10.1177/000312240907400101>

Nestandartnye formy zanyatosti. Analiz problem i perspektiv resheniya v raznykh stranakh. Obzornaya versiya. Mezhdunarodnoe Byuro Truda [Non-standard forms of employment. Analysis of problems and prospects for solutions in different countries. International Labor Office]. Zheneva, 2017 (in Russian).

New Forms of Employment. Publications Office of the European Union. Eurofound. Luxembourg. Report. 2015. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1461en.pdf (accessed: 12.10.2022).

New forms of employment: 2020 update. New Forms of Employment Series. EU, Luxembourg, 2020. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20027e.pdf (accessed: 11.11.2022).

Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie [Platform employment: definition and regulation]. M., 2021 (in Russian).

Potudanskaya V.F., Mokretsova A.V. Klassifikatsiya nestandartnykh form zanyatosti [Classification of non-standard forms of employment] // *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*. 2012. N 1 (18) (in Russian).

Productivity gains from teleworking in the post COVID-19 era: how can public policies make it happen? // Organization for Economic Co-operation and Development. Report. 2020. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policyresponses/productivity-gains-from-teleworking-in-the-post-covid-19-era-a5d52e99/> (accessed: 10.01.2023).

Rabota v budushchem. Vozmozhno li obshchestvo, gde v trude net neobkhodimosti? [Work in the future. Is it possible to have a society where labor is not necessary?] // *Analytical review. FOM*. 2021.09.02. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14537> (accessed: 14.10.2022) (in Russian).

Rogozin D.M. Schaste i svoboda v starosti: vlast', seks, puteshestviya [Happiness and Freedom in the Old Age: Power, Sex, Travel] // *Sotsiodiger: Starye lyudi — novye trendy*. 2022. Vol. 3. Iss. 5–6 (18) (in Russian).

Samyi slozhnyi vozrast dlya poiska raboty — predpensionnyi, proshche vsego trudoustroitsya v vozraste 30–35 let [The most difficult age for finding a job — pre-retirement, the easiest to get a job at the age of 30-35 years] // *Superjob.ru*. Review.

March 25, 2021. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112750/samyj-slozhnyj-vozrast-dlya-poiska-raboty/> (accessed: 27.06.2022) (in Russian).

Sizova I.L., Grigoryeva I.A. Lomkost' truda i zanyatosti v sovremennom mire [Fragility of labor and employment in the modern world] // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2019. Vol. 25. N 1. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279 (in Russian).

Standing G. Prekariat: novyi opasnyi klass [Precariat: a new dangerous class]. M., 2014 (in Russian).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti [What do we know about freelancers? Sociology of free employment]. M., 2022 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografiya [Precariat: from protoclass to new class]. Monograph. M., 2018 (in Russian).

Zachem nanimat' professionalov 45+ [Why Hire Professionals 45+] // *Issledovatel'skii tsentr Head Hunter. Obzor*. 12.11.2022. URL:<https://hh.ru/article/research> (accessed: 18.01.2023) (in Russian).

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-197-218

ГЕЙМИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Э.Д. Коркия, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Игровая практика является сегодня передовым краем формирования будущего общества, период глобальной цифровой трансформации которого можно зафиксировать моментом тотального общественного вовлечения в цифровую реальность в 2016 г., когда произошло массовое внедрение дополненной цифровой реальности. Завершив, тем самым, период пост-пост-модерна, выражением которого стал человек, пребывающий в растерянности, причем не перед “дивным новым миром”, а перед ускользающим старым. На сегодняшний момент накоплены основания для прогнозов, дорогу которым авторы представленной статьи попытаются открыть данным материалом.

Авторы утверждают, что за наиболее яркими проявлениями эффектов цифровизации, воздействующих на социальную реальность, скрывается тотальность их влияния на многие аспекты повседневности. Скрытая перестройка социальных практик, приходящая с каждой вышедшей многопользовательской игрой, привносится через игровой мир вовлеченных игроков и бизнес-структуры, использующие психологические, тактические, стратегические достижения разработчиков в собственных коммерческих целях. Станет ли геймификация социальных практик новым “бутылочным горлом” для цивилизации или мы сможем интегрировать гуманитарный подход и гуманистическую экспертизу в стратегические центры управления развитием цифровых технологий?

Ключевые слова: социализация, одиночество, геймификация, социальные практики, игровая индустрия, индивид, бизнес, досуг, теория деятельности, “медиа будущего”, игровой мир, личность, виртуальное общество.

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail:akmnauka@yandex.ru

** Коркия Эка Демуриевна, e-mail:ekakorkiya@mail.ru

GAMIFICATION OF SOCIAL PRACTICES

Mamedov Agamali K., Doct. Sociol. Sciences, Prof., Head of the Department of the sociology of communication systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: akmnauka@yandex.ru

Korkiya Eka D., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the sociology of communication systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ekakorkiya@mail.ru

Gaming practice is today the cutting edge of the formation of the future society, the period of global digital transformation of which can be fixed by the moment of total public involvement in digital reality in 2016, when augmented digital reality was massively introduced. Thus, completing the period of post-post-modernity, the expression of which was a person who is at a loss, and not in front of the "brave new world", but in front of the elusive old one. To date, the grounds for forecasts have been accumulated, the way for which, the authors of the presented article will try to open with this material.

The authors argue that the most striking manifestations of the effects of digitalization affecting social reality hide the totality of their influence on many aspects of everyday life. The hidden restructuring of social practices that comes with every multiplayer game released comes through the game world of involved players and business structures that use the psychological, tactical, strategic achievements of the developers for their own commercial purposes. Will the gamification of social practices become a new "bottleneck" for civilization or will we be able to integrate a humanitarian approach and humanistic expertise into strategic control centers for the development of digital technologies.

Key words: socialization, loneliness, gamification, social practices, game industry, individual, business, leisure, activity theory, "media of the future", game world, personality, virtual society.

Перестройка основных принципов взаимодействия человека и окружающего мира, пожалуй, никогда не была особенно планомерной. Открытия, изобретения, события вторгались в процесс взаимодействия субъективного начала человека и объективного предела природы к историческому времени уже в течение считанных лет, в крайних случаях десятилетий, существенно меняя облик цивилизации. Так было с открытием полезных свойств огня и способностью его поддерживать, так было с освоением строительного камня, с появлением книгопечатания, с изобретением машин, вызывавших протесты луддитов, но наряду с тем давших старт промышленной революции. С каждым последующим явлением, способствующим перестройке повседневной жизни, период адаптации становится все короче, а сущность социальных перемен оказывается все значитель-

нее. Изобретение компьютера, и даже рождение сетевых коммуникаций не оказались предельной феноменологической переменной в социальном организме, каким становится явление игрового мира, обеспеченного этими технологиями. Качественные изменения в коммуникативных стратегиях, которые стали следствием развития социальных сетей, порождают немалый интерес ученого сообщества и беспокойство социальных работников, однако следует указать на то, что эти эффекты — лишь первые ласточки тех реальных общественных изменений, которые будут следовать за геймификацией и иными социальными практиками.

Существует разночтение в понимании механизма влияния игровой практики на социальную действительность. Точнее, это разночтение заключается в обозначении приоритетов факторов влияния. Так, можно указать на растущую высокими темпами экономическую значимость игровой индустрии. Прогнозируемый рост индустрии в России составляет 15–18% в год. В разгар пандемии 2020 г. он составил 34%, что, конечно, можно отнести к исключительным обстоятельствам изоляции. “Прогноз по мировому рынку игр и без учета возможной новой вспышки пандемии впечатляющ: к 2025 г. будут вовлечены 3,2 млрд человек, которые потратят на свой досуг около 200 млрд долл.”¹

Растущие рынки Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Африки обеспечат сохранение тенденций роста в ближайшие годы. Тот факт, что наибольшими темпами растет рынок мобильных игр и он уже достиг половины от всех доходов индустрии, говорит о желании пользователей всегда иметь “под рукой” возможность воспользоваться входом в виртуальный мир игры. Но это мировая тенденция. В России пока свыше половины пользователей предпочитают использование ПК² с качественной визуализацией и звуком, высокими скоростными характеристиками периферийных устройств, рынок которых также растет³.

Другим значимым фактором влияния игровой практики называют преобразование бюджета времени вовлеченных пользователей. В нашей стране число рабочих часов в год выводит тру-

¹ Global Games Market Report. URL: <https://newzoo.com/resources/trend-reports/newzoo-global-games-market-report-2022-free-version>

² Благодаря пандемии объем российского рынка видеоигр вырос на 35% // РБК. Технологии и медиа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/03/2021/6061a30e9a79471323188935

³ Gaming peripherals market: global industry trends, share, size, growth, opportunity and forecast 2022–2027. Report. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5769265/gaming-peripherals-market-global-industry>

дящегося на 4-е место в мире по занятости производственной деятельностью. Это данные за 2019 г. За 2021 г. у ОЭСР данных по России нет, но видно, что и Корея покинула тройку лидеров, опережавших Россию⁴. Это означает, что часов досуга у наших граждан остается не так много. Больше всего их в северо-кавказских и южных регионах: Ингушетии — 5 ч. 39 мин., Северной Осетии — 5 ч. 12 мин., Чечне — 5 ч. 11 мин., Дагестане — 5 ч. 4 мин., Карачаево-Черкесии — 4 ч. 55 мин., Кабардино-Балкарии — 4 ч. 53 мин., Калмыкии — 4 ч. 45 мин., Севастополе — 4 ч. 38 мин., Крыму — 4 ч. 31 мин., Приморском крае — 4 ч. 28 мин. В число лидеров по свободному времени также попали Москва (4 ч. 26 мин.) и Санкт-Петербург (4 ч. 9 мин.). Никакого парадокса здесь нет. В список лидеров попали богатейшие регионы с высокоразвитым рынком труда и, наоборот, регионы, где много безработных. Для сравнения, на последнем месте находится Ямало-Ненецкий округ, где средне-статистическому жителю остается лишь 3 ч. 23 мин. на проведение досуга⁵. Вот собственно то время, которое можно потратить на гейминг при условии наличия работы. Для детей, подростков ситуация будет другая, но с ними и проблема иная, чем структура досуга.

Тенденция, связанная непосредственно с игровой практикой, — это увеличение игрового времени. По данным Nielsen Media Reserch, игроки стали тратить в 2020 г. на 30–40% больше своего времени, чем прежде⁶. Исследование НАФИ, проведенное в форме опроса россиян выявило две группы геймеров⁷. Те, кто играет эпизодически, тратят на игры 3–5 ч. в неделю. Те же, кто играет регулярно, тратят 3–4 ч. в день. Опрос проводился среди совершеннолетних респондентов, из которых 60% оказались увлечены видеоиграми. Еще 21% показал, что хотя сами не играют, в их семьях есть геймер. По данным только одной игровой платформы Steam, число пользователей, использующих ее ежедневно, составляет свыше 60 млн.

Эта небольшая статистика показывает масштаб цифрового досуга, который планомерно замещает нишу активного отдыха и непосредственное общение. Десятилетнее (1997–2007 гг.) исследование

⁴ Яковлева Е.Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 96–103.

⁵ *Сторр У.* Статус. Почему мы объединяемся, конкурируем и уничтожаем друг друга. М., 2022.

⁶ Риски и угрозы, сопутствующие развитию индустрии киберспорта и гейминга. URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Гейминг-2022: сколько времени и денег россияне тратят на видеоигры. URL: <https://nafu.ru/analytics/geymining-2022-skolko-vremeni-i-deneg-rossiyane-tratyat-na-videoigry/> (дата обращения: 08.01.2023).

структуры досуга Института социологии ФНИСЦ РАН показало тенденцию уменьшения (более чем в два раза) общения в компании среди людей зрелого возраста⁸. У молодежи отмечался рост интереса к тем, кто разделяет их увлечения и соседям. С уходом в виртуальное пространство эти тенденции продолжились в нем. Об этом говорит успех социальных сетей, а в особенности — коммуникативных сетей игровых платформ. Тот же сервис Twitch, по данным Similarweb, набирает свыше миллиарда посещений в месяц⁹. Пользователей из России на декабрь 2022 г. было 4,62%. Основные интересы в порядке убывания — новости, игры, программное обеспечение, онлайн-трансляции. То, что пользователи даже за новостями приходят на глобальные сервисы, говорит о высоком уровне доверия к этому медийному спутнику игровой индустрии. Появление виртуальных банков игровых платформ, магазинов собственной цифровой продукции показывает не только способности игровой индустрии к монетизации, но и возможности удаленного управления поведением пользователя, который получил эффективную систему для покупки эмоций и заместительной терапии переживаний.

Как довольно аргументированно обозначил Ник Ланд цифровую экономику, даже личность с определенного ракурса представляет собой “промышленно-информационное тело”: “Поскольку тело составляет частичную или открытую систему, преобразующую потоки материи, энергии и информации, оно способно функционировать в качестве модуля экономически оцениваемой рабочей силы. Промыленно-информационное тело играет роль съемного сборочного элемента, способного закрывать производственные цепи и приносить стоимость в пределах товарной метрики. Оно является переключателем входных и выходных потоков, который определяется через свое положение среди машин, а еще более точно — через свою миграцию по мутационным швам в машинном континууме: где машинерия была неполной — там появляетесь вы”¹⁰.

Когда в кино показывают человека, любящего разгадывать загадки, который оказывается втянут в детективную историю, легко ориентируется в ней и находит преступника лучше и быстрее профессионального следователя, нам показывают пример потенциала игрового мира. Мотивация профессионала часто оказывается недо-

⁸ Досуг российской молодежи: динамика последних 10-ти лет. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html (дата обращения: 08.01.2023).

⁹ twitch.tv. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/twitch.tv/#geography> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁰ Ланд Н. Сочинения: В 6 т. / Под науч. ред. А. Морозова. Т. 2. Кибберготика. Пермь, 2018. С. 169–170.

статочной для того, чтобы сравняться по эффективности с человеком, “горящим” поставленной целью. Внедрение элементов игры в социальные практики само по себе не новое явление. Некоторые полагают даже, что, к примеру, к игровому потенциалу можно отнести практику социалистического соревнования бывшего СССР, переходящее красное знамя, отрядные конкурсы пионерлагерей и т.п. Другие приводят юриспруденцию как пример игры в части введения игровых правил в повседневную жизнь. Расплывчатые рамки применения понятия делают малоэффективными исследования, связанные с его феноменом. Понятие игры более широкое. Трудности его определения лишь доказывают этот факт. Например, Роже Кайу утверждает, что игра “означает такую деятельность, где нет стеснения, но нет и последствий для реальной жизни. <...> игра ничего не производит: ни материальных благ, ни духовных творений”¹¹, что сегодня уже не так.

Только определению сферы употребления слова “игра” Ю.В. Геронимус уделяет достаточное внимание, из которого можно понять многогранность термина, а также определить в целом, что в русском языке игра — это некоторая человеческая деятельность¹².

Если же мы обратимся к одному из отечественных исследователей теории деятельности, А.Н. Леонтьеву, то сможем уточнить¹³, что игра является человеческой деятельностью в соответствии с предписанной ролью, что, пожалуй, является наилучшим из определений, которое удалось найти.

Понятно, что такое широкое определение мало подходит к феномену проникновения высокотехнологического явления западного происхождения в социальные практики последних пары десятилетий. Вот почему в отношении современных социальных явлений предпочтительней использовать не термин “игроизация”, под который на самом деле подпадают все приведенные выше случаи использования соревновательной стратегии, а “геймификация”, которая имеет отношение к последствиям развития сетевых многопользовательских игр¹⁴. Отчасти области понятий перекрывают друг друга,

¹¹ Кайу Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007. С. 33.

¹² Геронимус Ю.В. Игра, модель, экономика. М., 1989. С. 8–10.

¹³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. С. 130–131.

¹⁴ Многопользовательская онлайн-игра (ММОГ или чаще ММО) — это онлайн-видеоигра с большим количеством игроков, часто сотнями или тысячами, на одном сервере. Обычно имеет огромный, постоянно открытый мир, хотя есть игры, которые отличаются. Эти игры можно найти для большинства сетевых платформ, включая персональный компьютер, игровую приставку или смартфоны и другие мобильные устройства.

что также нужно учитывать в некоторых случаях. Но полагаем, что в целом несложно отделить концепцию “игроизации” жизни, исследуемую философией постмодернизма, от “геймификации” — распространения навыков, паттернов и сценариев поведения, освоенных в компьютерных играх, на социальное поведение индивида и групп.

Итак, западное происхождение компьютерных игр, давших толчок развитию индустрии, не помешало их российской локализации: “...лишь распространение ММО-игр в середине 2000-х дало толчок к расширению игрового рынка в России и серьезному росту доходов игровой индустрии. Инвестиции и совместные с крупными западными компаниями игровые проекты стали появляться и в России”¹⁵. Высокий потенциал игровой мотивации был взят на вооружение бизнес-структурами. В особенности в отношении креативного класса было показано, что финансовая мотивация работает гораздо менее эффективно, чем игровая.

Особенность геймификации социума в том, что есть два ее источника.

Первый — сознательное использование наработок игровой индустрии: стратегий, образов, дизайна и т.д. Области применения также могут быть обширны: исследования, маркетинг, политика, управление персоналом, развитие лояльности, обучение и др.

Второй — околосознательные (пред- и постсознательные, т.е. те, что можно осознать лишь если направить чужое внимание или напомнить) перемены, происходящие с участниками игрового процесса под влиянием игрового мира.

Здесь необходимо упомянуть такую особенность производства современных видеоигр. Наиболее широко распространены так называемые AAA-игры. Это масштабный продукт, как правило, созданный специализированными командами разработчиков в рамках бюджета, предоставляемого цифровыми платформами, которые впоследствии осуществляют их дистрибуцию. Поскольку финансирование осуществляется от имени платформы и, кроме того, поскольку она располагает достоверными сведениями о трендах и возможностях будущих потребителей, платформа как заказчик осуществляет редакцию сценария и общее руководство процессом создания. В другой группе игр, которые называют “независимой компьютерной игрой”, существует только само-редакция творческого производителя. К каким темным сторонам нашей души будет он взывать, и какими техническими средствами пользоваться для повышения привлекательности своего продукта, известно только ему.

¹⁵ Сахнов К., Уточкин В. Игровая индустрия: геймдев (gamedev). URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/igrovaya-industriya-geymdev/> (дата обращения: 06.01.2023).

Перспективный масштаб аудитории такого продукта может быть весьма значительным. Попавшая в книгу рекордов Гиннеса “независимая компьютерная игра” Minecraft собрала аудиторию свыше 170 млн человек.

О том, что редакция видеоигр ориентирована, прежде всего, на их коммерческий потенциал можно понять исходя из самого “духа времени”, флагманом которого сегодня является индустрия цифрового производства. Что же касается этической повестки дня, то, как показывает историческая практика, чем значительнее общественные трансформации, тем меньше цензурные претензии в отношении отдельных социальных практик. Общество занято поисками адекватных реакций на новые явления и не склонно к осуждению даже по рациональным основаниям, а уж тем более по наследованным этическим.

В своем исследовании Е.Л. Яковлева обнаруживает двойную функцию игровой мотивации и действия: с одной стороны, меняющие личность коллективные взаимодействия, происходящие в контексте доминирующего идеологического дискурса в соответствующем коммуникативном поле. С другой стороны, поведенческие матрицы харизматичной личности, формирующиеся под влиянием этих взаимодействий, влияют на социум в целом¹⁶.

В современных играх индивиду изначально предоставлена роль такой харизматичной личности, а сценарий предполагает ее дальнейшее развитие. Что представляется весьма удивительным явлением многопользовательских игр, так это способность совмещать высокую конкурентность между игроками или командами игроков и комбинаторность, способность организовывать микросоциальные единства, основываясь на индивидуальных особенностях. Качества, которые в обществе могут быть подвергнуты остракизму, в виртуальном обществе игры абсолютизируются, превносятся и становятся отличительными достоинствами персонажа. Участник игры получает возможность беспрепятственно развивать их и наблюдать за тем, как его гипотетические недостатки превращаются в достоинства.

В целом, соглашаясь с предложенным Е.Л. Яковлевой направлением решения проблемы привлекательности деструктивных общественных практик, способных привести нас в сферу этического только через повышение степени инклюзивности субъекта, заметим, что потребность индивида в виртуализации абсолютно объективна. Посредством нее с помощью современных игровых

¹⁶ Яковлева Е.Л. Указ. соч. С. 96–103.

деструктивных практик индивид становится проходящим сквозь социальные преграды, нарушающим юридические нормы, игнорирующим границы страты и иные моральные запреты. Однако зависимость от игры обусловлена мотивом употребить личное несовершенство в целях индивидуальной интеграции.

Дополняя представление упомянутого исследователя о характеристиках сетевой организации коммуникативных полей современного человека, и о тенденциях их трансформации, заметим, что, дабы не препятствовать установлению равновесия масс и элит в целях построения социально сплоченного общества¹⁷, социальным наукам надлежит больше полагаться на саморегуляцию общества. Иным образом, без доверия к самоопределению пути общественного развития, не получится глубже интегрировать гуманитарный подход и гуманистическую экспертизу в стратегические центры управления развитием цифровых технологий.

Немецкого философа Ф.Г. Юнгера научное сообщество определило в ранг гениальной наивности, иначе говоря, он обычно указывал на то очевидное, что начинало казаться таковым после его указания. В отношении игры он дошел в своем анализе до глубинной природы ее существования.

По его мнению, “есть три рода игр:

- 1) игры, основанные на счастливом случае;
- 2) игры, основанные на искусности;
- 3) игры, основанные на подражании — предугадывающем или копирующем задним числом”¹⁸.

Сегодня мы имеем дело с проблемами, являющимися перверсией всех трех родов игр.

Игры, основанные на “счастливом случае”, стали общественной проблемой игромании, когда в лучших традициях психологических интерпретаций экзистенционалистов наподобие М. Фуко человек превращается в механизм, наподобие крысы, нажимающей на кнопку замыкания электрода, находящегося в центре удовольствия в гипоталамусе.

Игры, основанные на искусности, стали печальным явлением современного компьютерного спорта, который существует лишь на потребу межгосударственной агрессии. Во время Первой мировой войны новобранцев учили колоть штыком винтовки в живот, что-

¹⁷ Мадридский клуб дал одну из самых простых метафор социально сплоченного общества: “это общество, в котором люди чувствуют себя как дома, общество, наполненное доверием, уважением и единством, где все имеют равные права и равно делят социальные блага”.

¹⁸ Юнгер Ф.Г. Игры. Ключ к их значению. СПб., 2012. С. 44.

бы было легче его вынуть, и он бы не застрял между ребер грудной клетки. Да, это такое же важное знание, как и навыки компьютерного спорта сегодня.

С третьей категорией игр все еще сложнее, поскольку это проекты долгосрочного изменения социальной реальности.

Перспектива тенденций развития технологической составляющей общественного прогресса, как отметили авторы В.П. Шалаев и Ф.Г. Емельянов, показывает, что сами «технологии перехода к информационному обществу буквально “замешаны” на игровой основе»¹⁹.

Такие характеристики постмодернистского состояния ума *homo confusus*, как онтологическая неопределенность и децентрация, становятся источником генерации игровых построений и контента, очевидно, вследствие сублимационных механизмов. «Постмодерн и информатизация социума закрепляют за игровым действием статус тотальности, продвигая и укореняя ее во всех сферах жизни человека и социума. <...> Человек и общество, с постмодерном и продвигаемой им тотальностью игры, ведут к ситуации виртуального, бифуркационного общества, подвергнутого рискам всеобщей манипуляции над сознанием и поведением человека»²⁰.

Таким образом, обрисованная исследователями картина казалось бы не оставляет шансов, однако у самих авторов явно есть знание как поменять направленность происходящего: «Знания об игре как сфере виртуальности актуализируют такие ее качества, как автономность, интерактивность; дискретность, дистанционность, понятие об игровых проявлениях виртуализации “как яркой обертки” объективной реальности»²¹, а также о способности феномена игры трансформироваться и обновляться. По нашему мнению, перечислены как раз те характеристики феномена, влияние на которые может и должна оказывать гуманитарная научная деятельность.

Исследователь А.В. Царева наиболее близко подошла к важнейшим аспектам социальных последствий изучаемой проблематики: «Игра как особая форма социальной деятельности предполагает формирование у участников специфического опыта, отличающегося от опыта неигровой деятельности»²². Автор об-

¹⁹ Шалаев В.П., Емельянов Ф.Г. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна // Труды БГТУ. История, филология, филология. 2015. № 5. С. 122.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 124.

²² Царева А.В. Особенности конструирования опыта участников компьютерных игр в социологической перспективе // Дискуссия. 2016. № 8 (71). С. 97.

ращает внимание на одну из базовых характеристик восприятия виртуальной игры как реальности — принятие (ожидание и готовность) детерминированности действий и ограничения степеней свободы. По мнению А.В. Царевой: «Стратегии организации игровой среды создают особый “локус контроля”, определяющий источник активности игроков»²³. Однако отметим, что концепция “локуса контроля”, которая является психологическим инструментом интерпретации организации конкретной деятельности, вряд ли применима к организации масштабной среды, где используются десятки, если не сотни таких локусов. Авторским вкладом является разделение игр по локализации источника активности на два типа: игры активного вовлечения (внешний локус контроля) и игры инициативного вовлечения (внутренний локус контроля). Если игры первого типа вовлекают в игровой процесс за счет прямого побуждения к действиям предметно-ориентированного типа, то в играх с “внутренним локусом контроля” игрок понуждается к действию не только прямо действующей на него вещью, но и общим смыслом ситуации. Автор предлагает следующую гипотезу: “Игры активного и инициативного вовлечения представляют собой два качественно различных способа конструирования социального и психологического опыта игроков”, поскольку этот опыт формируется в по-разному организованных виртуальных пространствах, а изучение конкретных поведенческих характеристик формирующегося социального игрового опыта возможно путем изучения конкретных игровых миров²⁴.

Здесь автор, очевидно, заблуждается в оценке перспективных путей изучения игровых реалий. “Уход в конкретику” на столь раннем этапе построения модели конструирования опыта, получаемого в процессе виртуальной игровой деятельности, удлинит наш путь классификацией множества тактических сценариев. Это обяжет продолжить теоретический анализ развитием классификации типов игр, и соответственно, игровых миров, по реализованности в них видов социальных практик. Между тем задача и социологического, и психологического подходов не в том, чтобы лишь дифференцировать индивидуальные опыты, а в том, чтобы синтезировать из них выверенные пути для схематизации и типологизации их разрешения. Очевидно, первенство решения проблем должно принадлежать социальной и педагогической психологии, опирающейся на социологические прозрения общественно-ориентированной науки.

²³ Царева А.В. Указ. соч. С. 100.

²⁴ Там же.

Одной из важнейших социальных проблем, получивших известность, стала зависимость от гаджетов. Среднестатистический человек обращает свое внимание на экран 200 раз в день²⁵. При этом речь не идет о такой высокой коммуникативной активности. Как констатирует М. Пенн, проблема игровой зависимости проявилась со всей полнотой с массовым внедрением дополненной реальности в 2016 г. в игре компании Niantic — “Pokémon Go”.

“Проявилась со всей полнотой” — фраза предыдущего абзаца, употребленная нами в прямом значении. 2016 г. следует признать датой тотального общественного вовлечения в цифровую реальность. Что характерно, проводником в эту реальность стала игра. Так что на сегодня мы имеем семь лет полноценной геймификации различных социальных практик и еще больший срок, включающий тенденции к ней. Между тем все это время за проблему принималась лишь игровая зависимость как индивидуальный дефект некоего маргинального психотипа. Упущенное время регуляции цифрового насилия обернулось системными проблемами социальных практик. К настоящему времени особенно в странах, где цифровизация шла большими, чем в России, темпами “все это смахивает на Дикий Запад: регулирования нет, ограничения по деньгам и по времени отсутствуют. Ничто не остановит разработчика от создания сколь угодно пагубного приложения, если его можно сделать привлекательным для определенной группы подростков и молодежи”²⁶.

Как предполагал Л. Витгенштейн, понимание в отношении какого-либо феномена возможно, только когда мы одновременно общены к нему и в то же время достаточно дистанцированы. В этом и заключалась проблема дистанции. Инклюзивность в цифровую жизнь игры распространялась со скоростью пламени, не оставляя времени на осознание того, что происходит с жизнью игроков: “Мы все еще не знаем, что мы должны себе представить; ибо жизнь этих людей во всем остальном должна ведь соответствовать нашей, и прежде нужно определить, что мы будем называть жизнью, соответствующей нашей в новых обстоятельствах”²⁷. Это сомнение того же качества, что и доисторический страх перед бизоном, нарисованным на стене пещеры. Попытка понять чужое произведение искусства, которое недоступно своему авторству, естественным образом пробуждает и восторг, и животный страх. Созданный виртуальный

²⁵ Пенн М. Микротренды, меняющие мир прямо сейчас. М., 2019. С. 142–143.

²⁶ Там же. С. 146.

²⁷ Витгенштейн Л. Заметки о цвете / Под общ. ред. В. А. Суровцева. М., 2022. С. 122.

мир — “чья-то чужая магия”²⁸. Совершенно неудивительно, что наряду с ростом вовлеченности в цифровой мир в 2008 г. появились и первые “цифровые самоубийцы”. Сервис Web 2.0 Suicide Machine удалял все сведения о пользователе из социальных сетей. Причем очередь за этой услугой, как свидетельствует Д. Сиберг, была длинной²⁹.

До сих пор не разработаны критерии нормы использования гаджетов или игровой вовлеченности. После чего можно констатировать пересечение рубежа не только невидимого, но даже просто социально одобренного. Причина в невитальности угроз технологической экспансии. Один из наиболее авторитетных на сегодня психологов, гуманитарных борцов с технологическими угрозами сравнивает то, что происходит в социуме, с шествием муравьиной армии цифровых технологий, сметающей все на своем пути. “Убивают ли нас технологии, подобно муравьиному нашествию? В буквальном смысле нет — за редким исключением. Но они могут тихо, практически неощутимо и систематически разрушать важные аспекты нашей жизни”³⁰. Книга, кстати, впоследствии пестрит примерами именно того, как технологии убивают пользователей или несчастных свидетелей, оказавшихся поблизости. Однако уравнивающим фактором является то, что мы используем технологии как социальную память. Эта функция оказалась настолько полезной обществу, что, очевидно, мы никогда не сможем отказаться от их величавой муравьиной поступи по нашим теням.

Все, что мы можем, — обозначить “красные зоны”, где влияние игровой индустрии наиболее разрушительно, и разработать эффективные антитоды, позволяющие замедлить процесс трансформации цифрового общества.

Категории социальных практик, на которые наиболее активно влияет игровая деятельность, совпадают с наиболее значимыми из них:

Социализация. Эта проблема кажется наиболее очевидной, поскольку касается человеческих индивидов в состоянии их становления, когда любое отступление от классических канонов воспитания грозит непредсказуемыми последствиями. Хотелось бы отрешиться от проблем некачественного или вредоносного контента, который, вероятно, правозащитники научатся регулировать в ближайшее время. Но сама форма взаимодействия с миром посредством вир-

²⁸ Бейлз Д., Орланд Т. Искусство и страх. Гид по выживанию для современного художника. СПб., 2011. С. 14.

²⁹ Сиберг Д. Цифровая диета: как победить зависимость от гаджетов и технологий. М., 2015. С. 152.

³⁰ Там же. С. 14–15.

туальности, предписанной взрослыми конструкторами, кажется весьма угрожающим способом социализации. Исследователь в данной области, М.В. Осорина, пишет о том разнообразии действий, в котором нуждается ребенок, чтобы создать модель внешнего мира внутри личного космоса. “Он делает это в фантазиях, играх, танцах, песнях, лепке и других видах индивидуальной творческой деятельности. Нередко взрослые даже не замечают, как совершает ребенок непрерывную мироустроительную работу, позволяющую ему сохранить ощущение устойчивости, правильности и осмысленности своего бытия”³¹. Еще, на ту же тему: “То, что было игрой для взрослого, в восприятии ребенка неожиданно совпало с другими — серьезными и болезненными для него ситуациями раннего детства: частыми отлучками матери, недостатком внимания с ее стороны и страхом ребенка, что мать не вернется вообще”³².

Ну, и конечно, многие иные детали естественного для виде-оигр эффекта шока, на котором в принципе чаще всего строятся игровые миры. Их фактически невозможно контролировать в детском контенте. Все же главное — сам метод представления мира, который предполагает освоение ограниченного представления команды дизайнеров. Игра редко обходится без NPS³³ — персонажей, воспринимаемых детским сознанием как полноценные участники игры. «Главное в этих БСП³⁴ — не умение водить автомобиль, а способность убеждать в том, что они — люди. Сказав об Alexa “она”, а не “это”, человек вступает на опасный путь признания ботов человеческими существами. БСП могут жить в облаке, существовать в виде забавных роботов или гуманоидов. Во всех своих обличьях они опасны не только своими фактическими возможностями, но и способностью подговорить человека на какие-либо поступки. Мысль о взломанном БСП — не из приятных»³⁵. Вероятно, не требуется дополнительно уточнять, почему именно дети являются наиболее уязвимыми субъектами в фазе социализации.

³¹ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2008. С. 29.

³² Там же. С. 64.

³³ NPC, НПС, нипы, — неигровой персонаж (сокр. NPC от англ. Non-Player Character — “персонаж, управляемый не игроком”) — персонаж в играх, который не находится под контролем игрока. В компьютерных играх поведение таких персонажей определяется программно (См.: Что такое НПС и с чем их... URL: https://aminoapps.com/c/rolevikam/page/item/chto-takoe-nps-i-s-chem-ikh-ediat/D8X4_ejрHNI2lGLq0W3wZM24JlWk01M84YQ (дата обращения: 15.01.2023)).

³⁴ БСП — Боты с привилегиями — компьютерные программы, обладающие дополнительными возможностями вмешательства в жизнь человека, например, посредством материального тела или иного способа контрольного прерывания.

³⁵ Пенн М. Указ. соч. С. 180.

Коммуникация. Виртуальный мир часто подразумевает коммуникацию, которая, однако, имеет ряд черт, отличающих ее от реального межличностного взаимодействия. Основной ее особенностью, влекущей ряд негативных следствий, является опосредованность. В результате стираются границы групповых статусов (как-то: пол, возраст, принадлежность к элитарным группам). Особенность организации сообщений в виде коротких высказываний приводит к высокой доле оценочных высказываний. Роль невербальной коммуникации берет на себя алфавит графических картинок, образованных преимущественно из символов Юникода. В сети распространены пособия, в которых наборы этих символов сгруппированы по эмоциям. Однако в чатах многопользовательских игр выражение эмоций требует еще большего накала, поэтому на смену литературного языка приходит геймерский набор значений, содержащий больше тонких нюансов в области дежурных тем.

Исследование коммуникации в многопользовательских играх показало, что социодинамика претерпевает значительные изменения при переходе от открытых (общих) чатов к групповым. Во втором случае возрастает роль индивидуального статуса в группе, общение становится более структурированным. «Наличие у каждого чата своего функционального предназначения открывает большие возможности группового взаимодействия, чем в реальной жизни, где этот процесс усложняется необходимостью осмысления, взвешенности решений и принятия за них ответственности. Все это сопровождается анонимностью, возможностью быстрого расширения круга общения и сокрытия, в связи с отсутствием невербального контакта, информации о себе. Тем самым увлечение онлайн-играми можно рассматривать как “бегство” от проблем реального мира, при этом у геймеров может создаваться иллюзия легкости управления им»³⁶.

Особенности коммуникации в многопользовательских играх вызвали к жизни такой неприятный для игроков и социально-опасный для всех остальных феномен, как вредительство. Этот инфантильный метод решать свои проблемы включает в себя спектр осуждаемого поведения от бессмысленного разрушения, воровства до вымогательства и шантажа. То, что в виртуальной реальности можно относительно безнаказанно совершать нелицеприятные поступки, наряду с неразумно прописанным сценарием — два самых тревожных момента геймификации. Но есть и безусловно позитивные.

³⁶ Рюмишина Л.И. Общение в многопользовательских ролевых онлайн-играх как проблема информационно-психологической безопасности // Социодинамика. 2016. № 8. С. 20.

Обучение, которое можно подразделить на образование и профессиональную подготовку, оказалось сферой с очень высокой потребностью в игровых техниках. Кстати, именно с последней началось шествие киберсуггестии, когда в целях доведения профессиональных навыков оператора до автоматизма к разработкам методик были привлечены инженерные психологи, нейрофизиологи и пр. После киберсуггестия начала распространяться и на другие виды практик обучения.

“Суггестопедические методы подразумевают не только традиционное логическое информационное усвоение учебного материала, еще и использование неосознаваемых компонентов высшей нервной деятельности обучаемого”³⁷.

Игровой опыт, привнесенный в образование, заключается, прежде всего, в понимании того, что управление вниманием становится в системном взаимодействии фактически управлением мышлением, а совершенствование процесса обучения в приспособлении правил и норм к эффективным средствам трансляции знаний. Бен Парр, управляющий венчурным фондом, инвестирующим стартапы, т.е. напрямую зависящем от технологических, социальных новшеств, призывает для геймификации проекта, в первую очередь “разжечь костер внимания”. “Лучшие игровые дизайнеры — мастера привлекать кратковременное внимание. Они находят способы мотивировать игроков достигать несложной цели и переходить к следующей. <...> Представьте, сколько людей перестали бы играть, если бы на прохождение одного уровня требовался час или даже день”³⁸.

В целом можно сказать, что просачивание игрового опыта в различные сферы жизни — процесс, не имеющий обратной силы. С этим можно и нужно мириться, но необходимо способствовать тому, чтобы этот процесс причинял как можно меньше потрясения привычным социальным практикам.

Выше мы отметили высокую экономическую значимость игровой индустрии в современном обществе. Прежде, чем она была принята и полноценно интегрирована социальными институтами, ее значение уже стало определяющим явлением социальной практики, с чем приходится иметь дело как с “фактом реальности”. Другим значимым фактором влияния игровой практики называют “преобразование бюджета времени” вовлеченных пользователей. Говорят

³⁷ *Александрова Е.Г.* Методология разработки высокоэффективных кибернетических систем управления технологическим процессом // *Современные технологии. Системный анализ. Моделирование.* М., 2016. С. 103.

³⁸ *Парр Б.* Ловушка для внимания. Как вызвать и удержать интерес к идее, проекту или продукту. М., 2015. С. 10.

простыми словами, свое свободное время обыватели все чаще тратят иначе. Меньше — на то, чтобы общаться с другими реальными людьми. Больше — на общение с ботами или неподтвержденными персонажами новых коммуникативных игровых сетей, знакомых коммуникантам только по поведению в общих игровых сценариях. Эта тенденция уменьшения времени непосредственного общения, отмеченная в особенности у людей поколения “отцов” Институтом социологии ФНИСЦ РАН по итогам 20-летнего исследования, дает представление, что вслед за молодежной интеграцией в игровые практики можно ожидать массивный рост числа игроков среднего возраста ради попытки преодоления нарастающей проблемы одиночества. Вместе с тем растет и время, проводимое в игре, и число вовлеченных пользователей, что прямо указывает не на особую социальную проблему, а на преобразование самого общественного уклада, известного как проблема цифровизации. Структура интересов, на которую указывают медиа платформы, показывает приоритет интереса пользователей к новостным каналам. Рост доверия к игровым платформам как источникам информации ориентировочного знания представляется главным инструментом преобразования современного общества, который обеспечивает человека компенсацией достоинства, утраченного вынужденными обстоятельствами образа жизни. По мнению теоретика Б.Ю. Берзина, он осуществляется как “отделение человека от самого себя и от других людей в результате воздействия общественных (социальных) сил, когда личность не способна стать (быть) хозяином самой себе, своих отношений с другими людьми”³⁹.

Успех социального маркетинга, основанного на постулатах Чикагской школы, из которых основным можно считать понятие универсальности, обусловлен способностью вовлекать широкие массы в единый процесс потребления. Данный процесс направлен на рост одиночества, атомизацию общества. Оправдывается это тем, что “мы должны противостоять огромной индустрии, которая зарабатывает на том, что заставляет одиноких людей жалеть самих себя”⁴⁰.

Если разобраться в сущности той современной игровой индустрии, что приходит на замену полноценной реальной жизни и обеспечивает приемлемую суррогатную жизнь одиноких людей, оставляя их в этом качестве, то окажется, что она создает лишь демпферы основной проблемы. Эта индустрия — увлечение играми, которые

³⁹ Берзин Б.Ю., Кузьмин А.И. Маркетинг одиночества // Дискуссия. 2015. № 3 (55). С. 61.

⁴⁰ Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М., 2014. С. 143.

сами создают проблему и сами же предлагают ее персонально-ориентированные дорогостоящие суррогатные решения. В то же время этот процесс направлен на атомизацию общества.

Трансформация традиционных практик компенсации повседневных психологических ущербов преобразуется в новый механизм покупки эмоций и заместительной терапии переживаний. Игра является человеческой деятельностью в соответствии с предписанной ролью, что говорит об успехе социального маркетинга в игровом преобразовании личности. Здесь также кажется значимым фактором возможность индивида тестировать методы роста своего социального статуса. В таком взаимодействии с игровой командой за короткий срок появляется вероятность придать своему уникальному игровому пути и игровому персонажу значимость, отличную от обычного завоевания социального статуса личности, поскольку происходит “как бы”, “понарошку” и одновременно в разных коммуникативных средах (на разных уровнях игровой сети). То, что социум накапливал веками как особые классовые различия, в многопользовательских играх может быть смоделировано за одну игровую сессию. Потребность в тонкой регуляции межличностных связей порождает рост сложности речевой коммуникации: “...язык — вместо того чтобы слиться в одну общую усредненную массу без социальных различий — вопреки ожиданиям выработал еще более явные классовые сигналы”⁴¹.

Мы не станем настаивать на классовой природе различий в игровых взаимодействиях, но то, что “языковые индикаторы оказываются более многочисленными и тонкими” в мире ММО, кажется верным. Это проявляется в быстрой ротации сленговых терминов, смены степеней приватности и поднимаемых тем. Игровая практика показывает удивительно высокий уровень самоорганизации своих сообществ. При высокой конкурентности между игроками и командами также сохраняется готовность к образованию альянсов. Зависимость человека от социума преобразуется в зависимость человека от этики, логики, агрессивности, образно-казуального комплекса представлений разработчика игры. Но параллельно с этим можно наблюдать увеличение значения групповых норм. Как замечает Уилл Сторр: “Минимальное требование для игры — это связь. Прежде чем получить в награду статус, мы сначала должны попасть в группу в качестве игрока, чтобы остальные ее члены приняли нас”⁴².

⁴¹ Фассел П. Класс. Путеводитель по статусной системе Америки. М., 2021. С. 215.

⁴² Сторр У. Указ. соч. С. 18.

Уход в игровой мир не является новым витком эскапизма или свидетельства атомизации общества. И хотя геймификация ставит перед человечеством эти и новые проблемы, экономические, психологические, социальные, этические, можно сказать, что такой путь был предуготован. Геймификация — это “прафеномен”⁴³, путь, который социум обнаруживает для компенсации неизбежного давления цифрового мира — перевести взаимодействия с реальностью в игровую форму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10 стран мира, где работают меньше, чем в России. URL: <https://www.sravni.ru/text/10-stran-mira-gde-rabotajut-menshe-chem-v-rossii/> (дата обращения: 05.01.2023).

Александрова Е.Г. Методология разработки высокоэффективных кибернетических систем управления технологическим процессом // *Современные технологии. Системный анализ. Моделирование.* 2016. № 2 (50).

Бейлз Д., Орланд Т. Искусство и страх. Гид по выживанию для современного художника. СПб., 2011.

Берзин Б.Ю., Кузьмин А.И. Маркетинг одиночества // *Дискуссия.* 2015. № 3 (55).

Благодаря пандемии объем российского рынка видеоигр вырос на 35% // РБК. Технологии и медиа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/03/2021/6061a30e9a79471323188935 (дата обращения: 07.01.2023).

Витгенштейн Л. Заметки о цвете / Под общ. ред. В.А. Суровцева. М., 2022.

Гейминг-2022: сколько времени и денег россияне тратят на видеоигры. URL: <https://nafi.ru/analytics/geyming-2022-skolko-vremeni-i-deneg-rossiyane-tratyat-na-videoigry/> (дата обращения: 08.01.2023).

Геронимус Ю.В. Игра, модель, экономика. М., 1989.

Досуг российской молодежи: динамика последних 10-ти лет. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html (дата обращения: 08.01.2023).

Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007.

Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М., 2014.

Ланд Н. Сочинения: В 6 т. / Под науч. ред. А. Морозова. Т. 2. Киберготика. Пермь, 2018.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.

Многочеловеческая онлайн-игра. URL: https://wikipedia.org/wiki/Massively_multiplayer_online_games (дата обращения: 06.01.2023).

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2008.

Парр Б. Ловушка для внимания. Как вызвать и удержать интерес к идее, проекту или продукту. М., 2015.

Пенн М. Микротренды, меняющие мир прямо сейчас. М., 2019.

⁴³ “Прафеномен — это предуготовленная идея, которая нами завладевает” (*Витгенштейн Л.* Указ. соч. С. 103).

Риски и угрозы, сопутствующие развитию индустрии киберспорта и гейминга. URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming/> (дата обращения: 08.01.2023).

Рюмишина Л.И. Общение в многопользовательских ролевых онлайн-играх как проблема информационно-психологической безопасности // Социодинамика. 2016. № 8. С. 79–87. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20056 (дата обращения: 15.01.2023).

Сахнов К., Уточкин В. Игровая индустрия: геймдев (gamedev). URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/igrovaya-industriya-geymdev/> (дата обращения: 06.01.2023).

Сибберг Д. Цифровая диета: как победить зависимость от гаджетов и технологий. М., 2015.

Сон, еда, досуг: эксперты назвали регионы с самыми “расслабленными” жителями. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/son-eda-dosug/> (дата обращения: 07.01.2023).

Сторр У. Статус. Почему мы объединяемся, конкурируем и уничтожаем друг друга. М., 2022.

Толедо А. Социально сплоченное общество. Глобальные перспективы Латинской Америки / Науч. ред. А. Рябова; вступит. ст. Я. Кузьминова. М., 2019.

Фассел П. Класс. Путеводитель по статусной системе Америки. М., 2021.

Царева А.В. Особенности конструирования опыта участников компьютерных игр в социологической перспективе // Дискуссия. 2016. № 8 (71).

Что такое НПС и с чем их... URL: https://aminoapps.com/c/rolevikam/page/item/chto-takoe-nps-i-s-chem-ikh-ediat/D8X4_ejрНН12lGLq0W3wZM24JlWk01M84YQ (дата обращения: 15.01.2023).

Шалаев В.П., Емельянов Ф.Г. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна // Труды БГТУ. История, филология, филология. 2015. № 5.

Юнгер Ф.Г. Игры. Ключ к их значению. СПб., 2012.

Яковлева Е.Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4.

REFERENCES

10 stran mira, gde rabotayut men'she, chem v Rossii [10 countries of the world where people work less than in Russia]. URL: <https://www.sravni.ru/text/10-stran-mira-gde-rabotajut-menshe-chem-v-rossii/> (data obrashcheniya: 05.01.2023) (in Russian).

Aleksandrova E.G. Metodologiya razrabotki vysokoeffektivnykh kiberneticheskikh sistem upravleniya tekhnologicheskim processom [Methodology for the development of highly efficient cybernetic process control systems] // Sovremennye tekhnologii. Sistemnyj analiz. Modelirovanie. 2016. N 2 (50) (in Russian).

Average annual hours actually worked per worker. URL: https://stats-oecd-org.translate.google/Index.aspx?DataSetCode=ANHRS&x_tr_sl=auto&x_tr_tl=ru&x_tr_hl=ru (accessed: 05.01.2023).

Bejls D., Orland T. Iskusstvo i strah. Gid po vyzhivaniyu dlya sovre-mennogo hudozhnika [Art and fear. A survival guide for the contemporary artist]. SPb., 2011 (in Russian).

Berzin B. Yu., Kuz'min A.I. Marketing odinochestva [Loneliness Marketing] // Diskussiya. 2015. N 3 (55) (in Russian).

Blagodarya pandemii ob'em rossijskogo rynka videoigr vyros na 35% [Thanks to the pandemic, the volume of the Russian video game market grew by 35%] // RBK. Tekhnologii i media. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/03/2021/6061a30e9a79471323188935 (data obrashcheniya: 07.01.2023) (in Russian).

Careva A. V. Osobennosti konstruirovaniya opyta uchastnikov komp'yuternyh igr v sociologicheskoy perspective [Features of constructing the experience of participants in computer games in a sociological perspective] // Diskussiya. 2016. N 8 (71) (in Russian).

Chto takoe NPS i s chem ih... [What are NPS and what are they with...]. URL: https://aminoapps.com/c/rolevikam/page/item/chto-takoe-nps-i-s-chem-ikh-ediat/D8X4_ejpHNI2lGLq0W3wZM24lJWk01M84YQ (data obrashcheniya: 15.01.2023) (in Russian).

Dosug rossijskoj molodezhi: dinamika poslednih 10-ti let [Leisure of Russian youth: dynamics of the last 10 years]. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_2.html (data obrashcheniya: 08.01.2023) (in Russian).

Fassel P. Klass. Putevoditel' po statusnoj sisteme Ameriki [Klass. A guide to America's status system]. M., 2021 (in Russian).

Gaming peripherals market: global industry trends, share, size, growth, opportunity and forecast 2022–2027. Report. URL: [https://www.researchandmarkets.com/reports/5615225/gaming-peripherals-market-global-industry?utm_source=BW&utm_medium=PressRelease&utm_code=bbmpkj&utm_campaign=1239554+-+The+Worldwide+Market+for+Gaming+Peripherals+\(2019-2024\)%3a+Industry+Trends%2c+Share%2c+Size%2c+Growth%2c+Opportunity+and+Forecast&utm_exec=joca220prd](https://www.researchandmarkets.com/reports/5615225/gaming-peripherals-market-global-industry?utm_source=BW&utm_medium=PressRelease&utm_code=bbmpkj&utm_campaign=1239554+-+The+Worldwide+Market+for+Gaming+Peripherals+(2019-2024)%3a+Industry+Trends%2c+Share%2c+Size%2c+Growth%2c+Opportunity+and+Forecast&utm_exec=joca220prd) (accessed: 07.01.2023).

Gejming-2022: skol'ko vremeni i deneg rossiyanе tratyat na videoigry [Gaming 2022: how much time and money do Russians spend on video games]. URL: <https://nafu.ru/analytics/gejming-2022-skolko-vremeni-i-deneg-rossiyanе-tratyat-na-videoigry/> (data obrashcheniya: 08.01.2023) (in Russian).

Geronimus Yu. V. Igra, model', ekonomika [Game, model, economics]. M., 1989 (in Russian).

Global Games Market Report. URL: <https://newzoo.com/products/reports/global-games-market-report> (accessed: 06.01.2023).

Kajua P. Iгры i lyudi: Stat'i i esse po sociologii kul'tury [Games and people: Articles and essays on the sociology of culture] / Sost., per. s fr. i vstup. st. S.N. Zenkina. M., 2007 (in Russian).

Klyajnenberg E. Zhizn' solo: novaya social'naya real'nost' [Solo life: a new social reality]. M., 2014 (in Russian).

Land N. Sochineniya: V 6 t. [Works: In 6 volumes] / Pod nauch. red. A. Morozova. T. 2. Kibergotika. Perm', 2018 (in Russian).

Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M., 2004 (in Russian).

Mnogopol'zovatel'skaya onlajn-igra [Multiplayer online game]. URL: https://wikipedia.org/wiki/Massively_multiplayer_online_games (data obrashcheniya: 06.01.2023) (in Russian).

Osorina M. V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh [The secret world of children in the space of the world of adults]. SPb., 2008 (in Russian).

Parr B. Lovushka dlya vnimaniya. Kak vyzvat' i uderzhat' interes k idee, proektu ili produktu [Attention Trap. How to generate and maintain interest in an idea, project or product]. M., 2015 (in Russian).

Penn M. Mikrotrendy, menyayushchie mir pryamo sejchas [Microtrends changing the world right now]. M., 2019 (in Russian).

Riski i ugrozy, sopushtvuyushchie razvitiyu industrii kibersporta i gejminga [Risks and threats associated with the development of the eSports and gaming industry]. URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming/> (data obrashcheniya: 08.01.2023) (in Russian).

Ryumshina L.I. Obshchenie v mnogopol'zovatel'skih rolevyh onlajn-igrah kak problema informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti [Communication in multiplayer online role-playing games as a problem of information and psychological security] // Sociodinamika. 2016. № 8. S. 79–87. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20056 (data obrashcheniya: 15.01.2023) (in Russian).

Sahnov K., Utochkin V. Igrovaya industriya: gejmdev (gamedev) [Game industry: gamedev]. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/igrovaya-industriya-geymdev/> (data obrashcheniya: 06.01.2023) (in Russian).

Shalaev V.P., Emel'yanov F.G. Igra v prostranstve samoidentifikacii i identichnosti cheloveka v obshchestve postmoderna [Game in the space of self-identification and human identity in postmodern society] // Trudy BGTU. Istoriya, filosofiya, filologiya. 2015. N 5 (in Russian).

Siberg D. Cifrovaya dieta: kak pobedit' zavisimost' ot gadzhetov i tekhnologij [Digital Diet: How to Beat Addiction to Gadgets and Technology]. M., 2015 (in Russian).

Son, eda, dosug: eksperty nazvali regiony s samymi "rasslablennymi" zhitelyami [Sleep, food, leisure: experts named the regions with the most "relaxed" residents]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/son-eda-dosug/> (data obrashcheniya: 07.01.2023) (in Russian).

Storr U. Status. Pochemu my ob'edinyaemsya, konkuriruem i unichtozhaem drug druga [Status. Why do we unite, compete and destroy each other]. M., 2022 (in Russian).

Toledo A. Social'no splochnoe obshchestvo. Global'nye perspektivy Latinskoj Ameriki [Socially cohesive society. Global Perspectives on Latin America] / Nauch. red. A. Ryabova; vstupit. st. YA. Kuz'minova. M., 2019 (in Russian).

twitch.tv. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/twitch.tv/#geography> (accessed: 08.01.2023).

Vitgenshtejn L. Zametki o cvete [Notes on color] / Pod obshch. red. V.A. Surovceva. M., 2022 (in Russian).

Yakovleva E.L. Igra kak motivaciya i dejstvie v korrupcionnom soci-al'nom [Game as a Motivation and Action in the Corrupt Social] // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2015. N 4 (in Russian).

Yunger F.G. Igry. Klyuch k ih znacheniyu [Games. Key to their meaning]. SPb., 2012 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-219-243

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

И.А. Газиева, канд. социол. наук, доц. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Институт организационного развития и стратегических инициатив, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119571*

Статья посвящена теоретическому и эмпирическому анализу профессиональной самореализации студенческой молодежи и определению ее ценностных детерминант. По мнению автора, профессиональная самореализация молодежи представляет собой этап социализации, характеризующийся формированием и реализацией профессионального потенциала, включающего набор профессиональных компетенций и специальных свойств личности, необходимых для эффективного осуществления трудовой деятельности. Профессиональная самореализация невозможна без создания соответствующих для этого условий как части Государственной молодежной кадровой политики, которая в широком понимании представляет собой институционально-организованную социально-управленческую деятельность субъектов молодежной политики, направленную на регулирование кадровых процессов в молодежной среде страны. Эффективность организации кадровых процессов, в частности создания условий для профессиональной самореализации и интеграции новых сотрудников в рабочий процесс, во многом определяется ценностными детерминантами молодежи. С целью определения ценностных условий для профессиональной самореализации студенческой молодежи, были проанализированы результаты социологического исследования, проведенного в 2022 г. под руководством автора среди студентов дневного обучения Президентской академии (N=18392). В результате анализа были выявлены две группы ценностных детерминант профессиональной самореализации: первичные и вторичные.

Первичные ценностные детерминанты носят стратегический характер и должны учитываться при выстраивании кадровой политики организации, находясь в зоне ответственности руководителя организации; к ним относятся те ценностные условия, через которые респонденты раскрывают содержание самореализации.

Вторичные ценностные детерминанты профессиональной самореализации носят тактический характер, они должны лежать в основе адаптационной практики для каждого нового сотрудника организации и находиться в зоне

* Газиева Инна Александровна, e-mail: gazieva-ia@ranepa.ru

ответственности непосредственного руководителя; эта группа включает ценностные условия наиболее важные при трудоустройстве для студентов, имеющих потребность в возможности профессиональной самореализации.

Выявленные ценностные детерминанты профессиональной самореализации могут быть включены в программу адаптации молодых специалистов в организации.

Ключевые слова: ценности, самореализация, кадровая политика, молодежная политика, молодежь, социология управления, социология молодежи.

VALUE DETERMINANTS OF YOUTH PROFESSIONAL SELF-REALIZATION

Gazieva Inna A., Ph.D., Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, The Institute of the Organizational Development and Strategic Initiatives, Prospekt Vernadskogo, 82, building 1, Moscow, Russian Federation, 119571, e-mail: gazieva-ia@ranepa.ru

The article is devoted to the theoretical and empirical analysis of professional self-realization of students and the definition of its value determinants. According to the author, the professional self-realization of young people is a stage of socialization, where professional potential is formed and realized; it includes a set of professional competencies and special personality traits necessary for the effective implementation of labor activity. Professional self-realization is impossible without the creation of appropriate conditions, which is as part of the State Youth Personnel Policy: an institutionally organized socio-managerial activity of the subjects of youth policy aimed at regulating personnel processes in the youth environment of the country.

The effectiveness of the organization of personnel processes depends on how much this process responds to the values of youth.

To determine the value conditions for the professional self-realization of students, the results of a sociological study were analyzed. The study was conducted in 2022 under the guidance of the author among Russian students (N=18,392). As a result of the analysis, two groups of value determinants of professional self-realization were identified: primary and secondary.

Primary value determinants are strategic, they should be considered when the personnel policy of the organization building, they are in the area of responsibility of the head of the organization; these groups include the value conditions through which respondents reveal the content of self-realization.

Secondary value determinants of professional self-realization are tactical. They should form the basis of adaptation practice for each new employee of the organization and be in responsibility of the immediate supervisor; this group includes the most important value conditions in employment for students who need the opportunity for professional self-realization.

The revealed value determinants of professional self-realization can be included in the program of adaptation of young specialists in the organization.

Key words: values, self-realization, personnel policy, youth policy, youth, sociology of management, sociology of youth.

Самореализация всегда являлась актуальной проблемой для общества, ориентированного на социально-экономическое развитие — в части самореализации молодежи, и на стабилизацию — в части самореализации взрослого населения. Обе стороны самореализации, включая ее содержание, условия, факторы влияния и прочие характеристики, являются важными объектами изучения современных ученых гуманитарных отраслей научного знания.

Дополнительную актуальность вопросы самореализации приобретают в свете подписания Указа Президента РФ о национальных целях развития России до 2030 г., где одной из таких целей является создание возможностей для самореализации молодежи и развития талантов. В число целевых показателей, характеризующих достижение указанной цели к 2030 г., входит в том числе “формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов”, направленной на “самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся”, а также “создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций”¹.

На наш взгляд, данные пункты Указа можно назвать целевыми показателями лишь с некоторой долей условности; это, скорее, приоритетные направления общественного развития, воспитания молодежи и решения взаимодетерминированных проблем, совокупно описывающих суть понятия профессиональной самореализации, имеющей под собой ценностную основу. Очевидно, данное понятие является комплексным, а это в свою очередь затрудняет его однозначную интерпретацию, поэтому требует дополнительного анализа, глубокой научной и методологической проработки. В данной статье мы остановимся на детальном изучении как самого понятия профессиональной самореализации молодежи, так и его ценностных детерминант в молодежной среде.

Начнем с определяемого термина “самореализация”, имеющего целый ряд дополнительных значений к основному, которое можно раскрыть через диалектическую связь категории возможного в значении некоего внутреннего потенциала индивида, его социально-психологических и профессиональных способностей и талантов, который становится реальным: реализуется, начиная приносить

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 “О национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 10.10.2022).

ощутимую пользу, удовлетворение от процесса и результата деятельности при наличии необходимых для этого условий.

В ходе анализа научной литературы, касающейся вопросов самореализации как одной из детерминант благополучия населения вообще и отдельных социально-демографических групп, в частности, можно выделить несколько подходов к содержательному раскрытию данного понятия через методологическую связь с другими базовыми социологическими категориями. Приведем “методологические пары”, наиболее важные для нашего исследования:

– “самореализация” — “самоактуализация”: данная пара основана на схожей диалектической связи с описанной нами ранее, с разницей в том, что здесь речь идет о процессе не только поиска и реализации некоего врожденного потенциала и специфических свойств индивида, но и о приобретении ими актуальной формы при особых благоприятных условиях (“самоактуализация”), в то время как “самореализация” предполагает “осуществление сформировавшихся, уже существующих способностей и представлений человека о себе”²; причем, связь этих процессов заключается в том, что самоактуализация является своеобразным “пусковым механизмом” самореализации: “для того, чтобы реализовать свои способности, желания и представления о себе, человек должен вначале их обнаружить, осознать, осмыслить”³. Соответственно, в данном контексте *самореализация представляет собой реализацию не только своих способностей, но и определенных представлений о себе как результат их осмысления и осознания;*

– “самореализация” — “социализация”: здесь “социализация” есть процесс подготовки молодежи к ролевой функции в общественном разделении труда, а “самореализация” — стадия самоутверждения в том или ином ролевом статусе⁴; кроме того, о самореализации можно говорить и как о “раскрытии способностей, талантов и возможностей человека, осуществляемом путем включения его в социальные структуры”⁵. В контексте данной методологической

² Киселева Л.С. Человекоцентрические концепции в экономической теории: современные тенденции // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 4. С. 126–142.

³ Киселева Л.С. Благополучие российского населения: архитектоника, субъективное восприятие и региональное своеобразие. Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. СПб., 2020. С. 285.

⁴ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. Китогам многолетних исследований: Монография. М., 2020. С. 17.

⁵ Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Самореализация и социальная компетентность человека // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 6. 2007. Вып. 3. С. 107–117.

связи самореализация представляет собой этап социализации, характеризующийся принятием индивидом ролевого статуса в одной из сфер общественного разделения труда и реализацией себя в соответствии с ним;

– “самореализация” — “самопроектирование”: здесь молодежь выступает в качестве “субъекта жизненного проектирования”⁶, что предполагает ее способность к самореализации жизненных проектов, а “самопроектирование”, в свою очередь, есть свойственная современности “характеристика позиционирования и самопозиционирования личности”⁷, а также осознание того, что индивид собой представляет, предполагающее соответствующую форму и характер подачи себя в социальной среде; предполагается, что в данном контексте “самореализация” понимается как “объективное осуществление личностью собственного проекта в границах гармонии с обществом и самим собой”⁸. В данном контексте самореализация представляет собой репрезентацию видения молодым человеком себя и своей жизни как осуществление проекта посредством реализации своих склонностей и способностей.

Представленные методологические связи не противоречат, но дополняют друг друга как форма, функция и результат и позволяют значимо расширить нашу исследовательскую методологию.

Опираясь на приведенные выше подходы, можно говорить о том, что в самом общем понимании сущность самореализации заключается не только и не столько в реализации человеком его потенциала, который, проявляясь в различных сферах общественной жизнедеятельности, демонстрирует многогранность развития личности. Здесь имеет место диалектическая связь этапности своеобразной работы с потенциалом: его поиск, осознание, определение условий для реализации, сама реализация этого потенциала. Самореализация индивида может происходить в ходе осуществления его собственного жизненного проекта, что определяет самореализацию как один из этапов социализации, прохождение которого выводит индивида на следующий, более высокий уровень развития личности.

Мы можем говорить о самореализации человека как члена семьи, что может проявляться как в создании и обеспечении социаль-

⁶ Алиев Ш.И. Жизненное проектирование российской молодежи в условиях информационной реальности: Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. Ростов-н/Д., 2019. С. 25.

⁷ Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь. Вып. 3 // Философские науки. 2009. № 11. С. 138.

⁸ Бухарцева Н.Г. Образование как средство самореализации личности в условиях глобализации // Педагогическое образование в России. 2010. № 4. С. 28–33.

но-экономической и психологической устойчивости собственной ячейки общества, так и в поддержании теплых, конструктивных отношений с родителями и другими родственниками. Часто говорят о творческой самореализации, предполагая реализацию талантов как в профессиональной, так и в обыденной жизни.

Таким образом, самореализация, на наш взгляд, *есть этап социализации, когда происходят осмысление и осознание индивидом своих способностей и их последующая реализация в ходе выстраивания и прохождения своих жизненных стратегий, а также через принятие ролевого статуса в сфере общественного разделения труда*, что выводит нас в плоскость профессиональной самореализации.

Заметим, что говорить о профессиональной самореализации необходимо в тесной взаимосвязи с профессиональной деятельностью индивида, т.е. с необходимостью — в контексте решения им профессиональных задач в рамках конкретной организации, в которой высшей точкой профессиональной самореализации должен стать высокий уровень профессионализма.

Поскольку профессионализм для нас определяется не только совокупностью знаний, опыта и умений работника, но и его включенностью в деятельность профессиональную среду через взаимосвязанное осознание целей деятельности организации и его смысложизненных целей, связанных с профессиональной деятельностью⁹, ***профессиональная самореализация молодежи*** в контексте данного исследования представляет собой ***этап социализации, характеризующийся формированием и реализацией профессионального потенциала, включающего набор профессиональных компетенций и специальных свойств личности, необходимых для эффективного осуществления трудовой деятельности.***

Заметим, что данная формулировка не отменяет, а наоборот еще больше актуализирует проблему необходимости создания условий для эффективной профессиональной самореализации молодежи. Более того, анализ результатов самореализации желательно проводить в привязке к тем условиям, в которых эта самореализация происходит. Создание же таких условий, в свою очередь, является одним из направлений кадровой политики, причем, Государственной молодежной кадровой политики (ГМКП), которая находится на пересечении Государственной молодежной политики и Государственной кадровой политики и в широком понимании представляет собой *институционально-организованную*

⁹ Газиева И.А. Профессионализм государственных гражданских служащих: проблемные особенности // Власть. 2011. № 6. С. 141.

социально-управленческую деятельность субъектов молодежной политики, направленную на регулирование кадровых процессов в молодежной среде страны. Одним из таких кадровых процессов и является профессиональная самореализация молодежи, которая в силу не только деятельностной, но институциональной природы ГМКП основана на ценностях.

Будучи одним из этапов социализации, профессиональная самореализация охватывает весь период жизни молодого человека, находясь в возрастных границах определения молодежи как социально-демографической группы, и также включает ряд этапов. В то же время молодежь в структурном плане является весьма сложной, социально неоднородной группой, которая в рамках одного и того же возраста, например, объединяет молодежь учащуюся и не учащуюся, прошедшую специальную профессиональную подготовку или не прошедшую ее. В данной статье мы не говорим обо всей молодежи страны, а делаем акцент на изучении особенностей профессиональной самореализации лишь студенческой молодежи как кадровой ресурсной основы социально-экономического развития страны.

Первый этап профессиональной самореализации студенческой молодежи приходится на период определения будущей профессии — довузовской профориентации. На этом этапе происходит первичное знакомство с профессией, которое в нашей стране не является явно выраженным институционализированным процессом. Чаще всего профориентация организуется вузами посредством выездов в школы и привлечения школьников на “Дни открытых дверей”, задачей которых является помощь будущему студенту в профессиональном определении в рамках конкретного вуза без отсылок к другим вариантам профессий, выходящих за пределы образовательных возможностей конкретного вуза. Поскольку целью данной статьи не является глубокое изучение довузовской профориентации и определение ее эффективности, мы лишь сделаем акцент на ее безусловной важности на начальных этапах профессиональной самореализации, поскольку ее результатом является первичное профессиональное самоопределение, которое в большинстве случаев определяет не только профессиональную траекторию, но и дальнейшую судьбу человека.

После профессионального самоопределения, когда будущий студент сформировал хотя бы примерный образ своего профессионального будущего, он определяет для себя трек профессионального развития, благодаря которому впоследствии может войти в профессию. Безусловно, эти треки могут быть разными, определяемыми

и спецификой будущей профессии, и условиями жизни каждого конкретного индивида, и его социальными и интеллектуальными возможностями, и иными факторами. Так или иначе определенная доля молодежи решает, что важным этапом в ходе выстраивания ее профессионального трека является обучение вообще и в вузе, в частности.

Таким образом, этап обучения в вузе является следующим, **вторым этапом профессиональной самореализации**. Именно в вузе происходит индивидуальная внутренняя самодиагностика личностного потенциала, своего понимания будущей профессии и понимания того, насколько ожидания студента соответствуют первым впечатлениям при погружении в профессию. Кроме того, второй этап профессиональной самореализации, приходящийся на вузовский период интеграции молодежи в образовательный процесс, характеризуется и теоретическим, и практическим знакомством с профессией в ходе освоения теоретических знаний и прохождения разного вида образовательных практик.

Безусловно, ряд студентов имеет возможность познакомиться с профессией не только в ходе учебной практики, но и уже работая одновременно с обучением. Однако в таких условиях можно говорить об эффективной профессиональной самореализации с большой долей условности, поскольку, согласно данным наших исследований, доля студентов, работающих в соответствии с будущей профессией, весьма мала.

Так, согласно результатам исследования, проведенного под руководством автора среди студентов Президентской академии в 2021 г. (N=15408), полностью совмещают работу и учебу лишь 13% опрошенных студентов очного обучения всех регионов присутствия РАНХиГС, менее трети (31%) совмещают обучение и неполный рабочий день, более половины (56%) — работу и учебу не совмещают совсем. При этом работа полностью связана с будущей профессией лишь у 12% респондентов, работающих полный день, и у трети респондентов (34%), работающих неполный рабочий день¹⁰.

В любом случае, именно в вузе после первого соприкосновения с профессией студент понимает, оставаться в этой профессии или менять ее. Ближе к окончанию вуза, после овладения теоретическим базисом профессии, после первого погружения в профессию и профессиональную среду в ходе прохождения разного рода практики,

¹⁰ Газиева И.А., Нишукова О.Ю. Массовый опрос студентов РАНХиГС “Трудоустройство”, 25 июня — 9 июля 2021 года, (N= 15 408). Отчет по результатам исследования. М., 2021.

у студента начинают формироваться более четкие ожидания от будущей профессии и от карьерных перспектив, что определяет образ следующего этапа профессиональной самореализации. Этот этап определяется карьерными и иными ожиданиями от будущего места трудоустройства. И здесь важно понять, какие именно характеристики профессиональной деятельности наиболее сильно коррелируют у студентов с пониманием профессиональной самореализации и, наконец, какими должны быть условия для их профессиональной самореализации уже на **третьем** ее этапе, послевузовском.

Для ответа на данные вопросы обратимся к результатам исследования, проведенного в 2022 г. под руководством автора с целью диагностики ценностных ориентаций, определяющих выбор выпускниками места трудоустройства (N=18392)¹¹. В ходе исследования мы сформулировали ряд ценностных критериев выбора места трудоустройства, которые по сути своей являются ценностными условиями, привлекающими внимание студентов к потенциальному работодателю и при наличии таковых могут стать решающими факторами при определении места трудоустройства.

Таблица 1

Показатели корреляции наличия возможностей для профессиональной самореализации и ценностных ориентаций студентов на определение места трудоустройства (коэффициент Спирмена)

Ценностные условия	r
1. Перспективы карьерного роста	0,757
2. Возможность совершенствования своих профессиональных навыков	0,757
3. Возможность иметь широкий круг общения с различными экспертами	0,734
4. Возможность учиться у интересных людей	0,716
5. Возможность творческой самореализации	0,711
6. Возможность создать достойную профессиональную репутацию	0,703
7. Получать удовлетворение от работы	0,700

¹¹ Газиева И.А., Бурашникова А.А., Дзюба Д.И., Халитова В.И. Трудоустройство студентов Президентской академии: условия и факторы: База данных. Свидетельство о регистрации базы данных № 2022620726 от 04.04.2022, Заявка № 2022620569 от 25.03.2022. Исследование проведено в рамках проекта “Приоритет 2030”.

Поскольку среди таких ценностных критериев были указаны и возможности для профессиональной самореализации, мы смогли рассчитать корреляцию со всеми диагностируемыми ценностными характеристиками. В результате корреляционного анализа по методу Ч. Спирмена определились семь ценностных условий, которые максимально коррелируют с возможностью профессиональной самореализации (табл. 1).

Так, согласно полученным результатам анализа, респонденты наиболее всего связывают со значением возможности для профессиональной самореализации “перспективы карьерного роста” и “возможность совершенствования своих профессиональных навыков” (по 0,757).

То, что именно перспективы карьерного роста являются наиболее весомым ценностным условием для трудоустройства студентов, не вызывает большого удивления и является достаточно предсказуемым результатом. В то же время ориентация большинства респондентов на возможность совершенствования своих профессиональных навыков при выборе места будущего трудоустройства демонстрирует весьма позитивную тенденцию к дальнейшему развитию, уже за пределами вуза.

Следующим ценностным условием, с которым респонденты связывают возможности профессиональной самореализации, является возможность иметь широкий круг общения с различными экспертами (0,734). Здесь видится потребность молодежи не просто в наличии широких профессиональных коммуникативных перспектив, но и желание быть интегрированными в профессиональное сообщество, в его коммуникативное пространство.

Высокая корреляция возможности для эффективной профессиональной самореализации молодежи с возможностью учиться у интересных людей (0,716) обнажает две потребности респондентов: потребность в дальнейшем профессиональном познании и потребность в наставнике на рабочем месте. Заметим, что в данном тезисе не заложен прямой запрос ни на официальное, институционализированное наставничество, ни на неформальное наставничество, поскольку наставничество в самом широком смысле предполагает передачу “определенного опыта (знаний, навыков, умений, мировоззренческих установок, пр.), а также смыслов и жизненных ценностей от более опытного лица в адрес менее опытного”¹². При этом наставник может и не знать, что он является таковым; равно как и

¹² Князькова Е.А., Береза Н.А. Вопросы актуальности института наставничества в молодежных сообществах на местном уровне // Вопросы управления. 2018. № 5 (35). С. 73.

молодой человек, ориентируясь на конкретного сотрудника и обучаясь у него, не обязательно считает его своим наставником. В нашем случае факт потребности в профессиональном лидере и вдохновителе, равно как и потребность в профессиональном познании и развитии, может стать в некотором роде вызовом для большинства работодателей.

Запрос на познание предполагает длительность этого процесса, а не разовое освоение конкретной профессиональной функции с возможностью совершенствования лишь ее на протяжении всего рабочего периода в конкретной организации. Запрос на следование примеру интересных людей предполагает наличие в коллективе таких людей — профессионалов, у которых можно перенять не только практические умения и навыки, но и разумный подход к организации своей жизни как профессиональной, так и личной.

Одним из значимых условий для профессиональной самореализации студенческой молодежи является наличие условий для творческой самореализации (0,711), связь которых друг с другом подчеркивается в ряде современных научных работ. Так, в работе Л.С. Киселевой, предлагающей типологию жизненных стратегий, содержание которых определяется характером социальной активности личности, при которой одной из жизненных стратегий является самореализация, отмечается, что именно творческая активность характерна для стратегии самореализации и направлена “на создание новых форм жизни безотносительно к их внешнему признанию (непризнанию)”¹³. И.Е. Золин, в свою очередь, говорит о необходимости совершенствования творческого и профессионального потенциала наравне со способностью и возможностью к самореализации как важнейших характеристиках эффективной занятости¹⁴.

Р.А. Зобов считает творчество “высшей формой самореализации человека, ибо в нем воспроизводятся наиболее существенные и значимые феномены, представляющие собой явно выраженные целостные образования, в которых интегрированы рациональные и иррациональные компоненты”¹⁵. Именно творческий подход дает возможность индивиду выйти за рамки привычных правил и разработать новый метод, новый подход к решению профессиональной

¹³ Киселева Л.С. Благополучие российского населения... С. 279.

¹⁴ Золин И.Е. Социальные факторы регулирования российского рынка труда: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.03. Нижний Новгород, 2020. С. 16.

¹⁵ Зобов Р.А. Самореализация и творчество // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. СПб., 2002. С. 61–78. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/zobov-ra/samorealizaciya-i-tvorchestvo> (дата обращения: 4.12.2022).

проблемы. Особенно важной является возможность творческой самореализации, когда привычные алгоритмы и схемы работы оказываются неэффективными или попросту нерабочими, неспособными решить новую профессиональную задачу. Более того, проактивный работодатель должен понимать, что в условиях активной изменчивости информационного пространства и высокой динамичности социально-экономических и политических процессов именно возможность творческой самореализации сотрудников может стать одним из условий обеспечения поступательного развития организации.

Весьма важной и даже знаковой является связь условий для профессиональной самореализации студенческой молодежи с потребностью в возможности создать достойную профессиональную репутацию (0,703). Такая позиция говорит о высоком уровне социальной осознанности сегодняшних еще студентов. Надо заметить, что достойная репутация есть одна из важнейших характеристик профессионализма¹⁶. Скажем, при условии максимально качественного выполнения своих обязанностей работника сложно назвать профессионалом, если он замечен в каких-либо коррупционных схемах. Очевидно, что он своими действиями наносит урон и потребителям, и профессиональному сообществу, одновременно выключая себя из сообщества профессионалов.

Достаточно высокой является корреляция возможности для профессиональной самореализации и возможности получать удовлетворение от работы (0,700). Такой показатель не говорит об ориентации студентов в первую очередь на обеспечение финансового благополучия или построение карьеры без оглядки на специфику работы. Для студенческой молодежи одним из ценностных условий профессиональной самореализации является получение удовлетворения от работы, что возможно лишь в случае изначально правильного выбора профессии: для себя, для своего индивидуального потенциала, для своих ценностных установок.

Безусловно, наиболее эффективным треком профессиональной самореализации является тот, в котором студент продолжает свое обучение в магистратуре или трудоустраивается по первоначально определенной профессии. Поэтому, как уже говорилось выше, довузовская профориентация является важнейшим и необходимым условием для первичной профессиональной самореализации лич-

¹⁶ Калачева Т.Г. Профессионализм государственных служащих субъекта Федерации: методологический и методический подходы к анализу проблемы. Нижний Новгород, 1998.

ности. Поскольку современный рынок труда можно назвать весьма подвижным социальным организмом, который растет, увеличивается в объеме, усложняя структуру и разделяя функции (Г. Спенсер), профориентация становится необходимой не только до поступления в вуз, но и в ходе образовательного процесса, а также после его завершения. Более того, система *непрерывной профориентации* видится неотъемлемой частью системы непрерывного образования, которая в противном случае и дальше будет иметь лишь догоняющий характер.

Исходя из приведенного выше анализа ценностных условий для профессиональной самореализации, можно сделать вывод о том, что для большинства опрошенных студентов профессиональная самореализация связана с возможностью карьерного роста и профессионального самосовершенствования в ходе обучения у интересных людей и общения с различными экспертами, а также в процессе творческой самореализации, создавая при этом достойную профессиональную репутацию и получая удовлетворение от работы.

Подчеркнем, что приведенный выше образ идеальных ценностных условий, ценностных детерминант профессиональной самореализации студенческой молодежи в сфере труда сложился лишь из тех характеристик, которые имеют максимальные корреляции. Однако условия профессиональной самореализации не ограничиваются приведенными выше и требуют дополнительного изучения. В этой связи обратимся к результатам анализа таблиц сопряженности.

В первую очередь, рассмотрим ценностные условия, являющиеся наиболее важными для абсолютного большинства респондентов (более 75%), для которых условия профессиональной самореализации являются максимально важными (табл. 2).

Первое, на что необходимо обратить внимание, это, конечно, присутствие в “топе” ценностных условий характеристик, которые мы уже достаточно детально проанализировали ранее. Это характеристики благодаря высоким корреляциям раскрывающие содержание понятия “профессиональная самореализация”. Однако заметим, что несмотря на одинаковые коэффициенты корреляции значимость приведенных характеристик для респондентов является различной. Так, можно заметить, что при равных показателях корреляции перспективы карьерного роста являются более значимыми для большинства респондентов, чем возможность совершенствования своих профессиональных навыков (93,1% и 87,7%, соответственно). В то же время эта разница является незначительной, поэтому на ней останавливаться не будем.

Распределение оценок важности ценностных условий при выборе места трудоустройства студентов в зависимости от важности для них условий профессиональной самореализации, %¹⁷

Ценностные условия при трудоустройстве	Важность возможности для профессиональной самореализации					Выборка
	1 Совсем неважно	2	3 Важно наполовину	4	5 Очень важно	
1. Перспективы карьерного роста	5,6	10,4	30,2	41,3	93,1	67,0
2. Возможность получать удовлетворение от работы	8,8	14,1	34,4	45,5	90,6	67,0
3. Возможность совершенствования своих профессиональных навыков	5,0	7,8	20,6	27,6	87,7	60,5
4. Безопасные условия труда	6,9	13,1	30,6	39,9	85,7	62,5
5. Возможность создать достойную профессиональную репутацию	8,1	10,1	24,1	29,0	84,7	59,7
6. Высокая оплата труда в перспективе	10,0	16,1	44,2	45,9	84,4	64,5
7. Возможность учиться у интересных людей	6,8	8,8	19,8	25,3	83,7	57,8
8. Возможность иметь широкий круг общения с различными экспертами	4,1	7,6	20,3	20,9	82,8	56,3
9. Комфортное рабочее пространство	7,7	11,3	30,1	33,6	81,6	59,1
10. Возможность творческой самореализации	3,6	4,6	12,7	13,0	77,4	50,9
11. Иметь достаточно времени для организации личной жизни	7,4	12,0	29,0	33,4	76,7	55,9

¹⁷ В этой и всех таблицах далее сумма переменных по каждой строке не равна 100%, поскольку в таблицу включены лишь строки с ответами тех респондентов, которые максимально оценили для себя важность возможности для профессиональной самореализации.

Наиболее любопытным в данной таблице является то, что в “топ” вошли характеристики, не коррелирующие максимально с потребностью в условиях профессиональной самореализации; объединяет их всех довольно утилитарный подход к пониманию условий для профессиональной самореализации: безопасные условия труда (85,7%), высокая оплата труда в перспективе (84,4%), комфортное рабочее пространство (81,6%), наличие достаточного времени для организации личной жизни (76,7%). Очевидно, что тем респондентам, для которых очень важно иметь условия для профессиональной самореализации, так же важно иметь условия, закрывающие их базовые потребности, согласно пирамиде А. Маслоу.

Далее остановимся более подробно на ценностных условиях труда, которые являются максимально важными при трудоустройстве для более чем половины респондентов, определивших для себя высокую важность и наличия условий для профессиональной самореализации. Для простоты анализа и наглядности демонстрации его результатов мы сгруппировали данные характеристики по единым основаниям (см. табл. 3–6).

Первая группа ценностных условий труда совокупно представлена *возможностями дополнительного развития и реализации приобретенных знаний*. Из данных табл. 3 мы видим, что для респондентов, которым очень важны условия для профессиональной самореализации, так же важна и возможность иметь широкий круг общения с коллегами, занимающими аналогичные позиции (74,1%); возможность реализовать полученные в вузе знания, умения, навыки (70,2%); возможность учиться у руководителя (67,9%); возможность дополнительно обучаться в пределах организации (корпоративное обучение) (67,1%); возможность дополнительно изучать иностранный язык (65,9%) и практиковать его (60,2%); возможность передавать свой опыт другим (63%).

Во вторую группу ценностных условий для трудоустройства (табл. 4) входит возможность принести пользу людям, отдельным социальным группам (66,7%) и возможность видеть пользу от результатов своего труда потребителям (73,8%); возможность нести ответственность за качество результатов своего труда (63,3%). Наш взгляд, ценностные условия труда, вошедшие в эту группу, объединяет *возможность нести профессиональную ответственность за результаты своего труда*.

Третья группа ценностных условий труда объединяет характеристики, описывающие *возможности респондентов быть включенными в рабочий процесс* (табл. 5). К ним относятся возможность проявлять инициативу в рабочих вопросах (73,5%), возможность

Распределение оценок важности для респондентов возможности дополнительного развития и реализации приобретенных знаний при трудоустройстве в зависимости от важности для них условий профессиональной самореализации, %

	Важность возможности для профессиональной самореализации					Выборка
	1 Совсем неважно	2	3 Важно наполовину	4	5 Очень важно	
Ценностные условия труда: возможность дополнительного развития и реализации приобретенных знаний						
1. Возможность иметь широкий круг общения с коллегами, занимающими аналогичные позиции	3,9	7,1	15,6	15,5	74,1	49,7
2. Возможность реализовать полученные в вузе знания, умения, навыки	3,6	3,5	10,8	10,7	70,2	45,9
3. Возможность учиться у руководителя	4,1	5,5	12,7	13,8	67,9	45,3
4. Возможность дополнительно обучаться в пределах организации (корп. обучение)	7,0	7,1	16,3	14,0	67,1	45,6
5. Возможность дополнительно изучать иностранный язык	7,1	8,3	17,8	18,1	65,9	45,7
6. Возможность передавать свой опыт другим	3,7	6,9	11,0	9,3	63,0	41,4
7. Возможность практиковать иностранный язык	4,2	6,0	12,5	14,4	60,2	40,7

Распределение оценок важности для респондентов возможности нести профессиональную ответственность за результаты труда при трудоустройстве в зависимости от важности для них условий профессиональной самореализации, %

Ценностные условия труда: возможность нести профессиональную ответственность за результаты труда	Важность возможности для профессиональной самореализации					Выборка
	1 Совсем неважно	2	3 Важно наполовину	4	5 Очень важно	
1. Польза от результатов вашего труда потребителям	6,3	9,9	21,3	25,2	73,8	51,9
2. Возможность принести пользу людям, отдельным социальным группам	4,2	8,1	15,7	16,5	66,7	45,4
3. Возможность нести ответственность за качество результатов вашего труда	5,9	6,2	18,3	16,0	63,3	43,7

изменять ситуацию, реализовывать что-то новое (71,2%), возможность выполнять четко поставленные задачи (70,8%), возможность принимать самостоятельные решения по рабочим вопросам (70,1%), общность интересов с коллегами (61,2%), зависимость размера оплаты труда от эффективности принятых решений (58,7%), зависимость размера оплаты труда от количества выполненной работы (57,5%).

Четвертая, последняя группа представлена ценностными условиями, совокупно характеризующимися как дополнительные условия организации и оплаты труда (табл. 6). В эту группу вошли следующие условия: “переработки” только по согласию с работником, которые оплачиваются дополнительно (70,3%), гибкий рабочий график (65,9%), возможность работать дома в рабочее время (удаленно) (63,6%), ДМС (добровольное медицинское страхование) (61,8%), “белая” заработная плата (61,2%), минимальное время в пути до работы (60,6%), высокая оплата труда сейчас (58,8%), нормированный рабочий день (54,1%), возможность выезжать в командировки (53,8%), наличие спортивной инфраструктуры, доступной для посещения работниками (51,6%).

Распределение оценок важности для респондентов возможности быть включенным в рабочий процесс при трудоустройстве в зависимости от важности для них условий профессиональной самореализации, %

Ценностные условия труда: возможность быть включенным в рабочий процесс	Важность возможности для профессиональной самореализации					Выборка
	1 Совсем неважно	2	3 Важно наполовину	4	5 Очень важно	
1. Возможность проявлять инициативу в рабочих вопросах	5,2	7,1	14,1	13,7	73,5	49,0
2. Возможность изменять ситуацию, реализовывать что-то новое	7,3	8,3	15,2	13,6	71,2	48,0
3. Возможность выполнять четко поставленные задачи	5,1	7,6	17,0	18,0	70,8	48,3
4. Возможность принимать самостоятельные решения по рабочим вопросам	3,8	4,8	12,6	11,8	70,1	46,3
5. Общность интересов с коллегами	4,8	4,8	14,3	10,6	61,2	40,9
6. Зависимость размера оплаты труда от эффективности принятых решений	5,2	7,4	17,7	14,4	58,7	40,5
7. Зависимость размера оплаты труда от количества выполненной работы	4,9	8,3	17,6	16,5	57,5	40,1

Не вошло ни в одну из групп, но является особо важным более чем для половины респондентов, нуждающихся в условиях для профессиональной самореализации, такое условие трудоустройства, как престижность данного места работы (62,6%).

Обратившись одновременно ко всем приведенным выше таблицам, можно увидеть столбец, где указана доля оценок максимальной важности каждого из приведенных ценностных условий во всей выборке (столбец — “выборка”). В ходе простого сравнения

Таблица 6

Распределение оценок важности для респондентов дополнительных условий оплаты и организации труда при трудоустройстве в зависимости от важности для них условий профессиональной самореализации, %

Ценностные условия труда: дополнительные условия организации и оплаты труда	Важность возможности для профессиональной самореализации					Выборка
	1 Совсем неважно	2	3 Важно наполовину	4	5 Очень важно	
1. “Переработки” только по согласию с работником, которые оплачиваются дополнительно	6,4	11,1	26,4	27,5	70,3	50,7
2. Гибкий рабочий график	6,4	11,3	22,8	22,8	65,9	46,9
3. Возможность работать дома в рабочее время (удаленно)	7,9	10,4	25,1	23,0	63,6	45,9
4. ДМС (добровольное медицинское страхование)	5,8	5,3	18,0	16,2	61,8	42,7
5. “Белая” заработная плата	6,8	11,3	26,1	26,5	61,2	45,0
6. Минимальное время в пути до работы	7,2	10,1	23,4	20,8	60,6	43,5
7. Высокая оплата труда сейчас	9,1	13,1	31,5	25,7	58,8	44,3
8. Нормированный рабочий день	5,5	7,8	16,8	14,9	54,1	37,7
9. Возможность выезжать в командировки	5,0	6,9	13,2	9,4	53,8	36,2
10. Наличие спортивной инфраструктуры, доступной для посещения работниками	5,8	5,8	12,9	10,8	51,6	35,1

этих оценок с оценками респондентов, нуждающихся в условиях для профессиональной самореализации, очевидно, что последние значительно выше оценивают важность для них всех анализируемых

ценностных условий. Для большей наглядности результатов такого сравнения мы определили средние оценки показателей, входящих в каждую из сформированных групп.

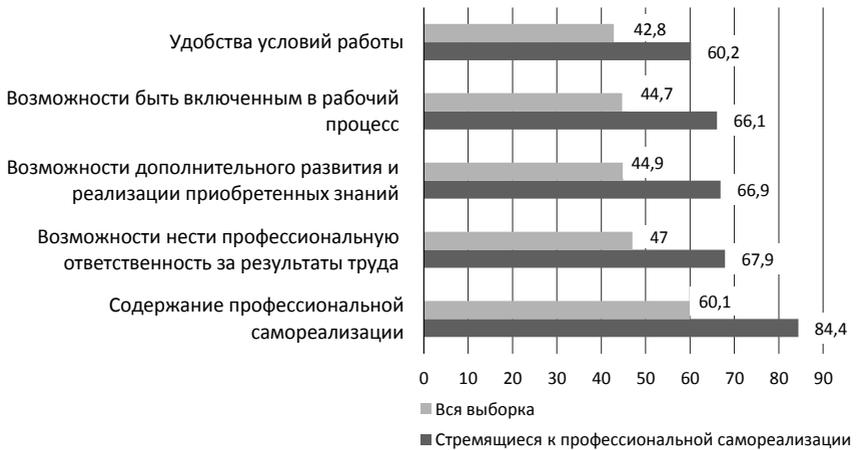

Рис. Сравнение средних оценок укрупненных групп ценностных условий респондентами с высокой потребностью в условиях для профессиональной самореализации и респондентами всей выборки, %

На рисунке приведено сравнение средних показателей важности характеристик, входящих в каждую смысловую группу: отдельно — для всех респондентов, отдельно — для респондентов, которые считают наличие условий для профессиональной самореализации очень важным фактором при трудоустройстве. Очевидно, что респонденты, стремящиеся к самореализации, имеют более серьезные требования к профессиональным и организационным условиям труда. Кроме того, обратим внимание и на то, что для обеих групп в среднем важность различных условий труда имеет незначительные отличия в оценках, за исключением группы, раскрывающей содержание профессиональной самореализации.

Так, средний показатель важности для респондентов, нуждающихся в условиях для профессиональной самореализации, и средний показатель по всей выборке для группы, раскрывающей содержание профессиональной самореализации, — максимален (84,4% и 60,1%, соответственно). Что касается остальных групп ценностных условий, то их средние оценки значимо ниже оценок предыдущей группы.

В то же время средние оценки ценностных условий, поставленные респондентами, ориентированными на профессиональную самореализацию, выше оценок условий, входящих в эти же группы, но

сделанных респондентами всей выборки. Так, возможность нести профессиональную ответственность за результаты труда оценивается более высоко респондентами, нуждающимися в условиях для профессиональной самореализации, чем оценки, поставленные всеми респондентами (67,9% и 47%, соответственно). Также очевидна разница в оценках других групп условий, сделанных студентами, ориентированными на профессиональную самореализацию, и студентами всей выборки: возможность дополнительного развития и реализации приобретенных знаний (66,9% и 44,9%, соответственно), возможность быть включенным в рабочий процесс (66,1% и 44,7%, соответственно); удобство условий работы (60,2% и 42,8%, соответственно).

Таким образом, из данных рисунка видно, что если мы говорим о студенческой молодежи с ценностными ориентациями на профессиональную самореализацию, то для них одинаково важны и социальные условия труда, и организационные, но значительно более всех других для них важны те условия, которые они в первую очередь ассоциируют с содержанием профессиональной самореализации.

В результате анализа ценностных детерминант профессиональной самореализации их можно объединить в две группы: первичные и вторичные.

К первичным ценностным детерминантам профессиональной самореализации отнесем те ценностные условия, через которые респонденты раскрывают содержание самореализации:

- перспективы карьерного роста;
- совершенствование профессиональных навыков и творческая самореализация;
- интеграция в профессиональную коммуникационную среду, ощущение ее обучающего воздействия;
- создание достойной профессиональной репутации;
- получение удовлетворения от работы.

Вторичные ценностные детерминанты профессиональной самореализации включают группы ценностных условий, наиболее важных при трудоустройстве для респондентов, нацеленных на самореализацию:

- возможности нести профессиональную ответственность за результаты своего труда;
- возможности дополнительного развития и реализации приобретенных знаний;
- возможности быть эффективно включенным в рабочий процесс;
- дополнительные условия оплаты и организации труда.

Приведенные группы ценностных детерминант профессиональной самореализации могут быть использованы в ходе разработки и реализации программы адаптации молодых специалистов в организации. Эффективность интеграции новых сотрудников в рабочий процесс во многом зависит от того, насколько этот процесс откликается их ценностям. Заметим, что в данной ситуации мы не говорим про традиционные ценности, речь идет именно о кадровых ценностях, о тех ценностях, которые для себя определяет молодой человек, находясь на пороге принятия решения о трудоустройстве в конкретной организации.

Здесь первичные детерминанты носят стратегический характер и должны учитываться при выстраивании кадровой политики организации, находясь в зоне ответственности руководителя организации; вторичные же детерминанты носят тактический характер и должны лежать в основе адаптационной практики для каждого нового сотрудника организации и находиться в зоне ответственности непосредственного руководителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев Ш.И. Жизненное проектирование российской молодежи в условиях информационной реальности: Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. Ростов-н/Д., 2019.

Байлук В.В. Сущность самореализации личности и ее структура // Педагогическое образование в России. 2011. № 4.

Бухарцева Н.Г. Образование как средство самореализации личности в условиях глобализации // Педагогическое образование в России. 2010. № 4.

Газиева И.А. Профессионализм государственных гражданских служащих: проблемные особенности // Власть. 2011. № 6.

Газиева И.А., Бурашникова А.А., Дзюба Д.И., Халитова В.И. Трудоустройство студентов Президентской академии: условия и факторы: База данных. Свидетельство о регистрации базы данных № 2022620726 от 04.04.2022, Заявка № 2022620569 от 25.03.2022. Исследование проведено в рамках проекта “Приоритет 2030”.

Газиева И.А., Нишукова О.Ю. Массовый опрос студентов РАНХиГС “Трудоустройство”, 25 июня — 9 июля 2021 года, (N=15 408). Отчет по результатам исследования. М., 2021.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020.

Елишев С.О. Изучение понятий “ценность”, “ценностные ориентации” в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11).

Зобов Р.А. Самореализация и творчество // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. СПб., 2002. С. 61–78. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/zobov-ra/samorealizaciya-i-tvorchestvo> (дата обращения: 4.12.2022).

Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Самореализация и социальная компетентность человека // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 6. 2007. Вып. 3.

- Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Человеческое знание: самореализация человека. СПб., 2008.
- Золин И.Е.* Социальные факторы регулирования российского рынка труда. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.03. Нижний Новгород, 2020.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М., 2020.
- Калачева Т.Г.* Профессионализм государственных служащих субъекта Федерации: методологический и методический подходы к анализу проблемы. Нижний Новгород, 1998.
- Киселева Л.С.* Благополучие российского населения: архитектура, субъективное восприятие и региональное своеобразие. Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.04. СПб., 2020.
- Киселева Л.С.* Человекоцентрические концепции в экономической теории: современные тенденции // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 4.
- Князькова Е.А., Береза Н.А.* Вопросы актуальности института наставничества в молодежных сообществах на местном уровне // Вопросы управления. 2018. № 5 (35).
- Корнилович В.А.* Государственное стратегическое управление: социологический подход. Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.08. М., 2020.
- Луговой А.А., Куракина Е.В.* Проблема самореализации молодежи в современном российском обществе // Научно-аналитический журнал "Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России". 2016. № 4.
- Луков В.А.* Социокультурные основания субъектности российской молодежи: тезаурусная концепция молодежи. Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.06. М., 2019.
- Луков Вал., Луков С., Погорский Э.* Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. 2014. № 2.
- Солодникова И.В.* Самореализация личности в зрелом возрасте: социологический анализ. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.0. М., 2007.
- Тулчинский Г.Л.* Проективный философский словарь. Вып. 3 // Философские науки. 2009. № 11.
- Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 10.10.2022).
- Ушамирский А.Э.* Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.08. Белгород, 2020.
- Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 12.10.2022).

REFERENCES

Aliiev Sh.I. Zhiznennoe proektirovanie rossijskoj molodezhi v usloviyah informacionnoj real'nosti [Life design of the Russian youth in the conditions of information reality]: Diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.04. Rostov-n/D., 2019 (in Russian).

Bajluk V.V. Sushchnost' samorealizacii lichnosti i ee struktura [The essence of personality self-realization and its structure] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2011. N 4 (in Russian).

Buharceva N.G. Obrazovanie kak sredstvo samorealizacii lichnosti v usloviyah globalizacii [Education as a means of personal self-realization in the context of globalization] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2010. N 4 (in Russian).

Elishiev S.O. Izuchenie ponyatiy "cennost'", "cennostnye orientacii" v mezhdisciplinarnom aspekte [The study of the concepts of "value", "value orientations" in an interdisciplinary aspect] // *Cennosti i smysly*. 2011. N 2 (11) (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2020 g. N 489-FZ "O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii" [Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation"] // *Rossijskaya gazeta* <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (data obrashcheniya: 12.10.2022) (in Russian).

Gazieva I.A. Professionalizm gosudarstvennyh grazhdanskih slu-zhashchih: problemnye osobennosti [Professionalism of public civil servants: problematic features] // *Vlast'*. 2011. N 6 (in Russian).

Gazieva I.A., Burashnikova A.A., Dzyuba D.I., Halitova V.I. Trudoustrojstvo studentov Prezidentskoj akademii: usloviya i faktory: Baza dannyh. Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh N 2022620726 ot 04.04.2022. Zayavka N 2022620569 ot 25.03.2022. Issledovanie provedeno v ramkah proekta "Prioritet 2030" [Employment of students of the Presidential Academy: conditions and factors: Database. Database registration certificate No. 2022620726 dated 04/04/2022, Application No. 2022620569 dated 03/25/2022. The study was conducted within the framework of the Priority 2030 project] (in Russian).

Gazieva I.A., Nishukova O. Yu. Massovyy opros studentov RANHiGS "Trudoustrojstvo", 25 iyunya — 9 iyulya 2021 goda, (N=15 408). Otchet po rezul'tatam issledovaniya [Mass survey of RANiGA students "Employment", June 25 — July 9, 2021, (N=15,408). Research report]. M., 2021 (in Russian).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij [The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research]. M., 2020 (in Russian).

Kalacheva T.G. Professionalizm gosudarstvennyh sluzhashchih sub'ekta Federacii: metodologicheskij i metodicheskij podhody k analizu problem [Professionalism of civil servants of the subject of the Federation: methodological and methodological approaches to the analysis of the problem]. Nizhnij Novgorod, 1998 (in Russian).

Kiseleva L.S. Chelovekocentricheskie koncepcii v ekonomicheskoy teorii: sovremennye tendencii [Human-centric concepts in economic theory: current trends] // *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2015. N 4 (in Russian).

Kiseleva L.S. Blagopoluchie rossijskogo naseleniya: arhitektonika, sub'ektivnoe vospriyatie i regional'noe svoeobrazie [The well-being of the Russian population: architectonics, subjective perception and regional identity]. Diss. ... dokt. so-ciol. nauk: 22.00.04. SPb., 2020 (in Russian).

Knyaz'kova E.A., Bereza N.A. Voprosy aktual'nosti instituta nastavnichestva v molodezhnyh soobshchestvah na mestnom urovne [Issues of the relevance of the institution of mentoring in youth communities at the local level] // *Voprosy upravleniya*. 2018. N 5 (35) (in Russian).

Kornilovich V.A. Gosudarstvennoe strategicheskoe upravlenie: sociologicheskij podhod [State Strategic Management: Sociological Approach]. Diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.08. M., 2020 (in Russian).

Lugovoj A.A., Kurakina E.V. Problema samorealizacii molodezhi v sovremen-nom rossijskom obshchestve [The problem of self-realization of youth in modern Russian society] // Nauchno-analiticheskij zhurnal "Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj pro-tivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii". 2016. N 4 (in Russian).

Lukov V.A. Sociokul'turnye osnovaniya sub'ektnosti rossijskoj molo-dezhi: tezaurusnaya koncepciya molodezhi [Sociocultural Foundations of Russian Youth Subjectivity: Thesaurus Concept of Youth]. Diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.06. M., 2019 (in Russian).

Lukov Val., Lukov S., Pogorskij E. Innovacionnyj potencial novyh pokolenij i molodezhnaya politika na sovremennom etape razvitiya obshchestva [Innovative potential of new generations and youth policy at the present stage of society develop-ment] // PolitBook. 2014. N 2 (in Russian).

Solodnikova I.V. Samorealizaciya lichnosti v zreлом vozraste: sociologicheskij analiz [Self-realization of personality in adulthood: a sociological analysis]. Avtoref. diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.0. M., 2007 (in Russian).

Tul'chinskij G.L. Proektivnyj filosofskij slovar'. Vyp. 3 [Projective philosophical dictionary. Issue. 3] // Filosofskie nauki. 2009. N 11 (in Russian).

Ukaz o nacional'nyh celyah razvitiya Rossii do 2030 goda [Decree on the national development goals of Russia until 2030]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (data obrashcheniya: 10.10.2022) (in Russian).

Ushamirskij A.E. Social'nyj mekhanizm regulirovaniya processa realizacii inter-essov molodezhi v usloviyah konflikta [Social mechanism for regulating the process of realizing the interests of youth in a conflict]. Avtoref. diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.08. Belgorod, 2020 (in Russian).

Zobov R.A. Samorealizaciya i tvorchestvo [Self-realization and creativity] // Filosofiya o predmete i sub'ekte nauchnogo poznaniya / Pod red. E.F. Karavaeva, D.N. Razeeva. SPb., 2002. C. 61–78. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/zobov-ra/samorealizaciya-i-tvorchestvo> (data obrashcheniya: 4.12.2022) (in Russian).

Zobov R.A., Kelashev V.N. Samorealizaciya i social'naya kompetentnost' che-loveka [Self-realization and social competence of a person] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ser. 6. 2007. Vyp. 3 (in Russian).

Zobov R.A., Kelashev V.N. Chelovekoznanie: samorealizaciya cheloveka [Human knowledge: self-realization of a person]. SPb., 2008 (in Russian).

Zolin I.E. Social'nye faktory regulirovaniya rossijskogo rynka truda [Social factors of regulation of the Russian labor market]: Avtoref. diss. ... dokt. sociol. nauk: 22.00.03. Nizhnij Novgo-rod, 2020 (in Russian).

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregu-lyaciya zhiznedeyatel'nosti [Youth in the cultural space: self-regulation of life]. M., 2020 (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-244-255

ИТОГИ РАБОТЫ НСО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА с 2020 по 2022 г. НА ПУТИ В ДЕСЯТИЛЕТИЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В РФ

Н.В. Баранов, студ. 1 курса магистратуры кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Е.В. Рябоконева, студ. 3 курса бакалавриата кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

А.Е. Васильева, студ. 3 курса бакалавриата кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

А.З. Базаков, студ. 3 курса бакалавриата кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1 стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234****

В рамках статьи авторами осуществлена систематизация деятельности Научного студенческого общества (далее — НСО) социологического факультета МГУ. В 2021 г., в год науки и технологий в РФ, НСО социологического факультета МГУ провело исследование, которое способствовало усилению роли Студенческих научных обществ как студенческих организаций, осуществляющих научную и научно-просветительскую работу. В рамках 2022 г., первого года десятилетия науки и технологий в РФ, НСО социологического факультета МГУ также провело ряд мероприятий, способствующих популяризации социологической науки, а также развитию научно-исследовательской работы среди студентов, аспирантов и молодых ученых.

Ключевые слова: Студенческое научное общество, Научное студенческое общество, год науки и технологий в РФ, Десятилетие науки и технологий в РФ, социологическое исследование, мотивация.

* **Баранов Николай Вадимович**, e-mail: nvb135246@gmail.com

** **Рябоконева Екатерина Валерьевна**, e-mail: catherineryabokoneva@yandex.ru

*** **Васильева Анна Евгеньевна**, e-mail: vasilevaanev@gmail.com

**** **Базаков Алихан Залимханович**, e-mail: BazakovAZ@my.msu.ru

RESULTS OF WORK OF SCIENTIFIC STUDENT SOCIETY OF THE SOCIOLOGICAL FACULTY OF MSU FROM 2020 TO 2022. ON THE WAY TO THE DECADE OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Baranov Nikolay V., 1st year student of the Master's program, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: nvb135246@gmail.com

Ryabokoneva Ekaterina V., 3rd year undergraduate student, Economic Sociology and Management Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: catherineryabokoneva@yandex.ru

Vasileva Anna E., 3rd year undergraduate student, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasilevaanev@gmail.com

Bazakov Alikhan Z., 3rd year undergraduate student, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: BazakovAZ@my.msu.ru

Within the framework of the article, the authors systematized the events that were held by the Scientific Student Society (a.k.a. SSS) of the Faculty of Sociology of Moscow State University. In 2021, the year of science and technology in the Russian Federation, the SSS of the Faculty of Sociology of Moscow State University conducted a study during which the role of Student Scientific Societies as student organizations engaged in scientific and scientific-educational work was strengthened. As part of 2022, the first year of decade of science and technology in the Russian Federation, the SSS of the Faculty of Sociology of Moscow State University also held a number of events that promote the popularization of sociological science and the development of research work among students, graduate students and young scientists.

Key words: *Student scientific society, Scientific student society, year of science and technology in the Russian Federation, decade of science and technology in the Russian Federation, sociological research, motivation.*

2 декабря 2020 г. было проведено общее собрание членов Научного студенческого общества социологического факультета МГУ, по итогам которого был принят новый устав студенческой организации, а также избран новый президиум НСО. Председателем НСО стал Николай Баранов, заместителем председателя — Артем Марущенко, ответственным секретарем — Джамал Смян.

Зимой 2020 г. была создана в бумажном и электронном вариантах анкета для вступления студентов в Научное студенческое

общество социологического факультета МГУ. На конец 2020 г. форму заполнили пять человек, все были приняты в ряды НСО. На сегодняшний момент, т.е. спустя два года, в НСО социологического факультета числится 75 человек.

Усовершенствованная структура НСО разделена на два блока: участники НСО, которые активно принимают участие в научных мероприятиях, и члены “Рабочей группы НСО”, в состав которой входят представители сообщества, обсуждающие стратегически важные решения по дальнейшему развитию данного студенческого общества.

Основным принципом принятия решений остается коллегиальное обсуждение. Президиум НСО, в составе с председателем, заместителем председателя и секретарем, принимает стратегические решения и выполняет организаторские функции. Приоритетом деятельности НСО социологического факультета является мотивация и поощрение научной деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых, а также агрегирование ресурсов для развития студенческой науки в целом.

За 2020–2022 гг. Научное студенческое общество осуществило ряд важных проектов, которые способствовали укреплению позиции сообщества как внутри, так и за пределами социологического факультета МГУ. Среди них социологическое исследование “Анализ мотивации студентов к работе в СНО” для Министерства науки и высшего образования РФ и социологическое исследование “О состоянии студенческой науки в Московском университете” для Студенческого научного общества и Студенческого совета МГУ.

В рамках социологического исследования для Минобрнауки РФ были представлены результаты репрезентативного опроса 1250 студентов, проведенного летом 2021 г. в дистанционном формате. Распределение ответов представлено в процентах от числа опрошенных.

В рамках половозрастной характеристики респондентов 57,36% опрошенных являются мужчинами, 42,48% — женщинами. Больше половине опрошенных (68%) находятся в возрастном диапазоне 18–21 года, 20% — в возрасте 22–25 лет.

Таблица 1

	Меньше 18 лет	18–21	22–25	26–29	30–33	Больше 33 лет
Ваш возраст?	6%	68%	20%	3%	1%	2%

Почти три четверти опрошенных молодых ученых являются представителями бакалавриата (74,72%), 12% респондентов являются студентами специалитета.

Таблица 2

	Бакалавриат	Магистратура	Аспирантура	Специалитет
Укажите Вашу академическую степень	74,72%	7%	5,12%	12%

Были получены данные по следующим блокам: мотивация студентов поступления в вуз, мотивация вступления в СНО, проблемы в сфере студенческой науке и СНО и интерес к научной деятельности.

Мотивация студентов поступления в вуз

Почти три четверти респондентов (72,5%) назвали причиной своей мотивации к получению высшего образования стремление к приобретению знаний в определенной специальности (табл. 3).

Таблица 3

	Получение знаний в определенной специальности	Гарантия успешного трудоустройства	Получение диплома о высшем образовании	Советы от близких	Престижность высшего образования	Возможность получения отсрочки от армии	Другое
Каковы основные причины Вашего решения получить высшее образование?	72,56%	50,40%	47,68%	10,08%	30,80%	10,32%	2,32%

Каждый второй респондент назвал причиной получения им высшего образования гарантию успешного трудоустройства (50,4%).

Для почти половины респондентов (47,6%) основной причиной получения высшего образования является получение соответствующего диплома.

Больше половины респондентов (64,1%) после окончания вуза хотят работать по специальности, полученной в университете. При этом 13,3% опрошенных уже работают по ней.

85% респондентов считают, что полученные знания в вузе так или иначе помогут им в трудоустройстве (табл. 4).

Таблица 4

	Однозначно да	Скорее да	Пока не определился (-лась)	Скорее нет, чем да	Однозначно нет
Считаете ли Вы, что эти знания как-то помогут Вам при трудоустройстве?	48%	37%	5%	7%	3%

Мотивация вступления в СНО

Для 68% респондентов основным мотивом вступления в Студенческое научное общество является возможность самореализации. 36,5% опрошенных побудила вступить в СНО возможность получения стипендии за научную деятельность (табл. 5). Помимо этого, мотивацией присоединения к СНО для респондентов выступило налаживание связей с научным студенческим активом (33,7%).

Таблица 5

	Возможность получения стипендии за научную деятельность	Возможность самореализации	Причастность к престижным научным мероприятиям	Налаживание связей с научным студенческим активом	Другое
Что побудило Вас вступить в Студенческое научное общество?	36,56%	68%	23,12%	33,76%	8,24%

Почти одинаковое количество респондентов заявило, что они могут принести в Студенческое научное общество новые идеи для реализации (54,7%) и внести вклад в достижение результата в научной деятельности (52,8%). 37,3% респондентов заявили, что смогут реализовать новые формы работы в данном сообществе. Почти четверть респондентов заявила, что факт их принадлежности сообществу может быть важен как для развития СНО, так и их самих (23%).

Большая часть опрошенных респондентов (74%) состоит в студенческих научных обществах. 7% опрошенных обозначили свою должность в СНО как руководящую (председатель).

Почти одинаковый процент респондентов указал на следующие навыки, приобретенные или потенциально приобретаемые в СНО: проведение исследований (65,2%), навык публичного выступления (65,1%). Больше половины респондентов также назвали такие навыки, как работа в команде (60,3%) и ведение научной дискуссии (53,3%). 2% опрошенных также выделили навык поиска информации и оценки степени ее достоверности.

Проблемы в сфере студенческой науки и СНО

Три четверти респондентов уверены, что наиболее успешный способ поощрения студентов за высокие результаты в научной деятельности — это финансовая поддержка (75%). 18% опрошенных рассматривают “Автомат” по соответствующей научной дисциплине как соответствующий способ поощрения успехов молодого ученого.

60,8% опрошенных респондентов считают недостаточное финансирование студенческих научных организаций факультетами основной проблемой в сфере студенческой науки. Также больше половины респондентов выделили следующие проблемы в данной

Таблица 6

	Отсутствие интереса к науке со стороны студентов	Недостаток информации о проведении мероприятий	Слишком большая нагрузка во время учебного процесса	Недостаточное финансирование студенческих научных организаций факультетом	Другое
Какие проблемы в сфере студенческой науки актуальны в настоящее время?	50,16%	29,04%	53,52%	60,80%	3,60%

сфере: слишком большая нагрузка во время учебного процесса (53,5%) и отсутствие интереса к науке со стороны студентов (50,1%).

При этом меньше половины респондентов выделили следующие проблемы в СНО: отсутствие интереса к научной деятельности (45,4%), отсутствие инфраструктуры и оборудования (38,6%), отсутствие студенческого актива (34,2%), отсутствие коммуникации с другими научными организациями (30,7%). Меньше четверти опрошенных также выделили такие проблемы, как отсутствие высококлассных специалистов в научном сообществе (22,3%), отсутствие поддержки администрации (19%), проблема излишнего контроля со стороны администрации (13,8%).

Интерес к научной деятельности

Почти половина респондентов считает, что студенты умеренно интересуются наукой (46%). В то же время 35% опрошенных считают, что студенты мало интересуются научной деятельностью.

Основным мотивом занятия научной деятельностью почти для 75% опрошенных является стремление к познанию и приобретению новых знаний и навыков. Также распространенными причинами мотивации к научной деятельности являются стремление к успеху (46%), стремление найти высокооплачиваемую работу (45%), желание решать глобальные проблемы (36%), желание занять высокое положение в обществе (31%).

16% опрошенных абсолютно согласны с утверждением о том, что наука является их призванием. Абсолютно не согласны с данным утверждением 7% (табл. 7).

Показательно, что 52% респондентов в той или иной степени хотят связать свою жизнь с научной деятельностью. Однако 23% так или иначе не хотят связывать свою жизнь с данной сферой человеческой деятельности (табл. 7).

Таблица 7

	Однозначно да	Скорее да	Пока не определился (-лась)	Скорее нет, чем да	Однозначно нет
Можете ли Вы сказать, что наука — Ваше призвание?	16%	29%	35%	13%	7%
Хотели бы Вы в будущем связать свою профессиональную деятельность с наукой?	23%	29%	26%	17%	5%

Только 10% опрошенных абсолютно удовлетворены научно-исследовательской деятельностью на своих факультетах. 17% респондентов скорее удовлетворены, чем нет данным видом деятельности на факультете.

Примечательно, что 44% респондентов после окончания вуза собираются продолжать заниматься научной деятельностью. Важно отметить, что 36% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

После года науки и технологий деятельность СНО получила дальнейшую поддержку и развитие. После совместного исследования Минобрнауки России и НСО социологического факультета МГУ, результаты которого были опубликованы в Школе СНО в НИТУ МИСИС¹, VIII Совещании СНО города Москвы и Московской области², представители Министерства стали проявлять больше внимания к деятельности молодых ученых в студенческих организациях.

14 июня 2022 г. на имя декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Н.Г. Осиповой пришло благодарственное письмо, в котором Студенческому научному обществу факультета от лица Минобрнауки РФ выражалась благодарность за проведение в 2021 г. социологического исследования “Анализ мотивации студентов к работе в СНО”.

Другим немаловажным итогом деятельности НСО в 2020 г. стало начало активного взаимодействия с Независимой молодежной редакцией (НМР) социологического факультета МГУ с целью регулярного ведения и совершенствования рубрики подкастов на научную тематику. Основная задача подкастов — раскрытие исследовательского интереса и потенциала членов НСО в сфере социологической науки.

Данная рубрика оправдала свои ожидания. Было выпущено свыше 50 аудио-выступлений и эссе, авторами которых являются представители бакалавриата, магистратуры и аспирантуры социологического факультета Московского университета.

В 2021 г. был организован и проведен конкурс презентаций от деканата “Питирим Сорокин и его время”, приуроченный к международной конференции “Сорокинские чтения”.

¹ Завершилась работа I Всероссийской школы студенческих научных объединений. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/44073/>

² 17 мая 2022 года прошло Совещание СНО Москвы и Московской области. URL: <http://talant.msu.ru/news/17-maya-2022-goda-pros-hlo-soveshchanie-sno-moskvy-i-moskovskoy-oblasti/>

2 декабря 2021 г. были проведены повторные выборы в президиум НСО, по результатам которых пост ответственного секретаря занял Алихан Базаков.

В ноябре 2021 г. члены НСО приняли участие в Социологической неделе “SocioWeek”, разработанной в коллаборации с Профсоюзным комитетом социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и завершившейся совместными квизом “Своя Игра”. Мероприятия в рамках “SocioWeek” укрепили взаимное сотрудничество двух студенческих организаций.

С 2021 г. НСО выполняет посредническую функцию между социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Был организован и проведен День открытых дверей в офисе социологической организации, а также второй и третий Всероссийские социологические диктанты. В 2022 г. в рамках I Школы актива “Социолог” члены НСО начали диалог и взаимовыгодное сотрудничество с компанией IPSOS.

В 2022 г. члены НСО принимали активное участие в жизни Студенческого научного общества МГУ, сформированного в 2020 г. Молодые ученые социологического факультета МГУ приняли участие в I и II Всероссийских межрегиональных школах Всероссийского студенческого клуба “Вернадский”, Международной летней школе СНО, конференции руководителей СНО “Вернадский”, проекте “ЭкоКонтинуум”, II Конгрессе молодых ученых — важных мероприятиях в рамках десятилетия науки и технологий в РФ.

В конце 2022 г. была организована “Международная сетевая лаборатория по социологии”, реализованная в рамках грантового проекта СНО МГУ. В 2022 г. НСО активно начало сотрудничество с газетой Московского университета, в рамках которой было опубликовано четыре статьи от представителей научной студенческой организации.

Целью упомянутой лаборатории стало объединение студентов социальных наук в рамках научных мероприятий НСО.

I Школа актива “Социолог” — масштабная программа, организованная вместе с представителями студенческой комиссией Профсоюзного комитета социологического факультета. Целью школы актива является вовлечение студенческой молодежи в научную деятельность. Данная школа вписывается в одну из инициатив в рамках десятилетия науки и технологий в РФ, “Снова в школу”.

II Конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых “Socio logos”. В рамках данной конференции докладчики получили

возможность представить коллегам свои научные идеи, воззрения и исследования в рамках секций, посвященных одной из актуальных проблем социологии. Участие в конференции представителей из разных стран позволило конференции приобрести международный статус в 2022 г.

Интеллектуальная социологическая викторина “Своя игра” — традиционная социологическая викторина, организуемая совместно со студенческой комиссией Профсоюзного комитета социологического факультета, которая способствует популяризации как теоретического, так и эмпирического социологического знания. В рамках студенческой сетевой лаборатории по социологии мероприятие расширило свой охват и позволило продолжить взаимовыгодное сотрудничество по данному направлению с представителями ВЦИОМ.

II Круглый стол для студентов, аспирантов и молодых ученых “СоциоДискурс”. Основная цель круглого стола — обсуждение результатов и перспектив исследований виртуальной социальной реальности, социального неравенства, роли социологии в развитии современной России, а также обмен опытом в сфере научной и практической деятельности.

Таким образом, после институционализации НСО в конце 2020 г. был обозначен вектор развития сообщества внутри факультета и за его пределами. Он выражается в открытости и сотрудничестве с другими студенческими организациями социологического факультета МГУ — Студенческой комиссией профсоюзного комитета социологического факультета МГУ, Независимой молодежной редакцией. Также важнейшей задачей НСО является активное взаимодействие со студентами, их привлечение в научно-исследовательскую работу. Члены НСО регулярно предоставляют необходимую информацию и возможности для проявления своего научно-исследовательского потенциала.

НСО регулярно информирует студентов социологического факультета МГУ о проведении двух важнейших для начинающих исследователей конференций — “Сорокинские чтения” и “Ломоносов”. 14 апреля 2022 г. члены НСО приняли активное участие в работе секции “Социология” в рамках конференции “Ломоносов” в роли волонтеров на подсекциях. Также многие активные члены НСО выступили в роли докладчиков, и одним из победителей секции “Современная социология” стала студентка-магистрант Юлия Сибирякова.

Была создана “Экосистема НСО”, в рамках которой активно функционируют информационные ресурсы Электронной библио-

теки НСО и новостная группа “Гранты, конференции и стажировки для социологов”.

Научное студенческое общество ежегодно проводит подготовку стенда социологического факультета МГУ на Всероссийском фестивале НАУКА 0+. В 2021 г. основной темой стенда была “Социоматрица”, в 2022 г. — “Социологическое прогнозирование — можем ли мы заглянуть в образ будущего”.

Помимо вышеперечисленного, было проведено три заседания Научного клуба — неформального мероприятия, в рамках которого молодые ученые выступают со своими научными трудами, ведут научную дискуссию и получают конструктивную критику от своих коллег, профессоров и преподавателей. Данный формат научных выступлений способствует освоению базовых принципов академизма, который предполагает наличие следующих умений и навыков: “...сомневаться в устоявшихся истинах, отстаивать собственные взгляды, бороться с научными стереотипами”³.

30 ноября 2022 г. на социологическом факультете МГУ прошли выборы в президиум НСО на третий созыв 2022–2023 гг. Пост заместителя председателя НСО занял куратор “Электронной библиотеки НСО” Екатерина Рябоконева, ответственным секретарем НСО стал куратор новостной группы НСО “Гранты, конференции и стажировки для социологов” Ирина Белозерова.

Институционализация НСО способствовала выполнению всех необходимых функций, которые закреплены за сообществом в рамках устава. На данный момент активно развивается взаимодействие с научными студенческими обществами других факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова с целью организации научных мероприятий и обмена опытом. Успешное завершение студенческой сетевой лаборатории по социологии легло в основу формирующегося Научного социологического сообщества — коммуникативного пространства между представителями социальных наук.

Дальнейшее развитие и расширение НСО социологического факультета МГУ включают проведение уже ставших традиционными, а также инновационных мероприятий, интенсивное вовлечение в научную деятельности большего числа студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, а также разработка и применение эффективных инструментов популяризации социологической науки.

³ *Осипова Н.Г.* Методология и методика научной работы: Уч. наглядн. пособ. М., 2016. С. 303.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

17 мая 2022 года прошло Совещание СНО Москвы и Московской области. URL: <http://talant.msu.ru/news/17-maya-2022-goda-pros-hlo-soveshchanie-sno-moskvy-i-moskovskoy-oblasti/> (дата обращения: 06.02.2023).

Завершилась работа I Всероссийской школы студенческих научных объединений. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/44073/> (дата обращения: 06.02.2023).

Осипова Н.Г. Методология и методика научной работы: Уч. наглядн. пособ. М., 2016.

REFERENCES

17 maya 2022 goda proshlo Soveshchanie SNO Moskvy i Moskovskoj oblasti [On May 17, 2022, the Meeting of the SSS of Moscow and the Moscow Region was held]. URL: <http://talant.msu.ru/news/17-maya-2022-goda-pros-hlo-soveshchanie-sno-moskvy-i-moskovskoy-oblasti/> (data obrashcheniya: 06.02.2023) (in Russian).

Zavershilas' rabota I Vserossijskoj shkoly studencheskih nauchnyh ob"edinenij [The work of the 1st All-Russian School of Student Scientific Associations has come to an end]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/44073/> (data obrashcheniya: 06.02.2023) (in Russian).

Osipova N.G. Metodologiya i metodika nauchnoj raboty: Uch. nagl. posob. [Methodology and methodology of scientific work: educational visual aid]. M., 2016 (in Russian).